

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

Юридический факультет

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

*Научно-теоретический и информационно-практический
межрегиональный журнал
Основан в 2004 году*

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук*

**№ 4 (54)
2018**

УДК 34
ББК 67

Ленинградский юридический журнал
№ 4 (54)

Редакционная коллегия:

*С. Г. Еремеев (гл. редактор),
И. С. Кокорин (зам. главного редактора), О. В. Виноградов (отв. секретарь),
Н. В. Бугель, М. Ю. Павлик, В. Г. Павлов, К. В. Петров,
С. А. Роганов, М. В. Рыбкина, Е. В. Силина, О. Э. Старовойтова*

Редакционный совет:

*Н. А. Васильчикова, С. Б. Глушаченко, А. В. Егоров (Республика Беларусь),
В. П. Очередько, И. Ф. Покровский, В. Ф. Попондопуло,
М. Прохазка (Республика Чехия), Р. А. Ромашов, Ю. Б. Шубников*

Журнал издается четыре раза в год.
Подписной индекс ЗАО «Агентство подписки и розницы»: 46786.

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС 77-69774 от 18 мая 2017 г.

Адрес редакции:
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 10
тел. (812) 470-56-74; e-mail: lenjurmag@lengu.ru
Сайт журнала: <http://lengu.ru/pages/izdaniya-lgu-im-aspushkina/leningradskiy-yuridicheskiy-jurnal.php>

Полнотекстовая версия номеров журнала,
а также аннотации статей и ключевые слова на рус. и англ. яз.
доступны на сайте www.elibrary.ru

© Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина, 2018
© «Ленинградский юридический журнал», 2018

ISSN 1813-6230

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

С. Г. Еремеев, А. В. Майоров, Е. Н. Минченков

Вызовы праву в условиях реализации национальной программы
«Цифровая экономика»: вопросы теории и практики 9

М. О. Акишин

Интеграция юридического знания и определение предмета
«Общая теория права» 17

А. В. Дербина, Н. Д. Кулаков

Актуальные вопросы корпоративного правотворчества, связанные
с правоприменением норм трудовых отношений в связи с увольнением
работника за его несоответствие корпоративной культуре 32

М. Г. Смирнова

Мониторинг правоприменения как средство выявления
и снижения рисков 37

О. Э. Старовойтова

Тело человека и право на человеческое достоинство 47

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Л. Ю. Свистунова, Т. А. Коломейцева

Институт парламентского контроля в региональных
законодательных органах РФ: проблемы становления и развития 64

Ч. М. Токтоназарова

Цели уголовного наказания в механизме осуществления
конституционно-правовой политики государства 70

А. М. Цалиев

О государственной идеологии в контексте статьи 13
Конституции Российской Федерации 82

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Л. А. Сухомлинова, Н. В. Бобракова

Международно-правовые аспекты наследственного права 92

И. В. Бородушко, И. С. Кокорин

Проблемы права интеллектуальной собственности в условиях
построения информационного общества в Российской Федерации 98

Н. В. Бугель

Управленческие отношения и их многоаспектность 104

<i>М. Д. Дзагурова</i>	
Сравнительно-правовое исследование института группового иска и некоторый анализ его модели в контексте Концепции единого гражданского процессуального кодекса РФ	108
<i>А. А. Дибиров</i>	
Экономический интерес участников как основной фактор интеграции.....	117
<i>А. В. Прозванченков, Р. А. Шахбазов</i>	
О некоторых вопросах реализации договорных обязательств в авиакомпании	129
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ	
<i>С. Ю. Косарев</i>	
Правовое положение эксперта-строителя в уголовном судопроизводстве	136
<i>В. Б. Малинин, К. З. Трапидзе, М. В. Малинина</i>	
Привлечение волонтеров к исправлению несовершеннолетних осужденных: предложение законодателю	147
<i>М. Ю. Павлик, К. В. Боричев</i>	
Особенности взаимодействия европейских государств в борьбе с терроризмом	154
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
<i>Л. К. Капустина</i>	
Субъекты оценки доказательств.....	165
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	
<i>О. А. Тютяева</i>	
Баланс соотношения международного и национального права на примере основы для реализации фискальной функции таможенных органов.....	173
<i>О. А. Тютяева</i>	
Механизмы обжалования действий (бездействия) государственных органов и (или) отдельных должностных лиц на примере таможенных органов	181
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	
<i>Е. А. Дмитрикова</i>	
Практика изъятия неиспользуемого недвижимого имущества, закрепленного за бюджетным учреждением (университетом).....	186
<i>Н. П. Маюров, П. Н. Маюров, О. Д. Ороева</i>	
Особенности профессиональной адаптации молодых сотрудников ОВД к службе	198

<i>Н. В. Демченко, Ж. П. Дорофеева</i>	
Административно-правовой механизм регулирования деятельности полиции по обеспечению транспортной безопасности	213
<i>П. А. Волков, М. М. Ченцова</i>	
Применение огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел: проблемы практики и возможные пути ее совершенствования	220
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	
<i>А. В. Мосина</i>	
Обзор судебной практики по делам о защите инвалидов в России.....	226
<i>А. В. Мосина</i>	
Практика применения Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2018)	234
<i>Сведения об авторах</i>	242

**LENINGRADSKIY
JURIDICAL
JOURNAL**

Scientific-theoretical and informative-practical journal

**№ 4 (54)
2018**

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

S. G. Ereemeev, A.V. Maiorov, E. N. Minchenkov

Challenges to law in the conditions of implementation of the national program
"digital economy": questions of theory and practice.....9

M. O. Akishin

Integration of legal knowledge and definition of the subject
"General theory of law».....17

A. V. Derbina, N. D. Kulakov

Topical issues of corporate law-making related to with the law enforcement
of labor relations in connection with the dismissal of an employee
for his non-compliance with corporate culture.....32

M.G. Smirnova

Law enforcement monitoring as a means of detection and risk reduction.....37

O.Uh. Starovoytova

The human body and the right to human dignity.....47

CONSTITUTIONAL LAW

L.Yu. Svistunova, T.A. Kolomeitseva

The institution of parliamentary control in the regional legislative bodies
of the Russian Federation: problems of formation and development.....64

Ch. M. Toktonazarova

Objectives of criminal punishment in the mechanism of implementation
of the constitutional and legal policy of the state70

A.M. Tsaliev

On state ideology in the context of article 13 Russian Constitution.....82

CIVIL LAW

L.A. Sukhomlinova, N.V. Bobrarova

International legal aspects of inheritance law92

I.V. Borodushko, I.S. Kokorin

Problems of intellectual property rights in the conditions of building
the information society in the Russian Federation98

N.V. Bugel

Management relations and their multi-aspect.....104

M.D. Dzagurova

Comparative legal analysis of the Institute of group action
and some analysis of its model in the context of the Concept
of the unified civil procedure code of the Russian Federation.....108

A.A. Dibirov

Economic interest of participants as the main factor of integration.....117

A.V. Prozvanchenkov, R.A. Shahbazov

On some issues of implementation of contractual obligations
in the airline.....129

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

S.Yu. Kosarev

Legal status of the expert Builder in criminal proceedings.....136

V.B. Malinin, K.Z. Trapaidze, M.V. Malinina

Involvement of volunteers in the correction of minors convicts:
proposal to the legislator.....147

M.Yu. Pavlik, K.V. Borichev

Features of interaction of the European States in the fight against terrorism....154

CRIMINAL PROCESS

L.K. Kapustina

Subjects of evaluation of evidence.....165

INTERNATIONAL LAW

O.A. Tyutyayeva

Balance between international and national law on the example of the basis
for the implementation of the fiscal function of customs authorities.....173

O.A. Tyutyayeva

Mechanisms of appeal against actions (inaction) of state bodies
and (or) certain officials on the example of customs authorities.....181

ADMINISTRATIVE LAW

E.A. Dmitrikova

Practice of seizure of unused real estate, assigned
to the budget institution (University).....186

N.P. Mayurov, P.N. Mayurov, O.D. Oroeva

Features of professional adaptation young police officers to service.....198

N.V. Demchenko, J.P. Dorofeeva

Administrative and legal mechanism of regulation police activities
to ensure transport security.....213

P.A. Volkov, M.M. Chencova

Use of firearms by employees of internal organs cases: problems of practice
and possible ways of its improvement.....220

CIVIL PROCEDURE. ARBITRATION PROCESS

A.V. Mosina

Review of judicial practice on protection of disabled persons in Russia.....226

A.V. Mosina

Practice of application of the Federal law of 28.12.2013 № 442-FZ
(edited on 07.03.2018) “About bases of social service of citizens
in the Russian Federation” (as amended. and DOP., entry. effective
from 01.05.2018).....234

About authors.....242

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342(470):351:004

*С. Г. Еремеев, А. В. Майоров,
Е. Н. Минченков*

Вызовы праву в условиях реализации национальной программы «цифровая экономика»: вопросы теории и практики

Акселерация технологического развития Российской Федерации и обеспечение форсированного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере являются приоритетными направлениями развития Российской Федерации. Национальная программа «Цифровая экономика» отражает прогресс государства, а также уровень интеграции новых технологий в жизнь общества. В статье рассмотрены теоретические и практические вызовы праву в условиях реализации национальной программы «Цифровая экономика», сформулированы предложения по их преодолению, определён киберантропологический контур институциональной среды функционирования государственных институтов с учётом Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и сопутствующих национальных проектов и программ.

Acceleration of the technological development of the Russian Federation and the provision of the forced introduction of digital technologies in the economy and the social sphere are the priority directions of development of the Russian Federation. The national program "Digital Economy" reflects the progress of the state, as well as the level of integration of new technologies into society. The article discusses theoretical and practical challenges to law in the context of the implementation of the national program "Digital Economy", formulated proposals for overcoming them, defined a cyber-anthropological outline of the institutional environment for the functioning of state institutions, taking into account Presidential Decree No. 204 of May 7, 2018 strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024 and associated national projects and national programs.

Ключевые слова: право, нормативное регулирование, правоприменение, правотворчество, цифровая экономика, legal-tech, киберантропология, цифровое государство, неинституционализм, национальная программа, государственное и муниципальное управления.

Key words: law, regulation, law enforcement, law-making, digital economics, legal-tech, cyber-anthropology, digital state, neo-institutionalism, national program.

На современном этапе развития информационного общества использование инфокоммуникационных технологий и информационных ресурсов приобретает все большую значимость. Информация, являясь конвергентным и системообразующим ресурсом, обеспечивает все общественные процессы, обогащает и гармонизирует отношения во всех направлениях его жизнедеятельности [3].

Актуальность проблемы обусловлена тем, что развитие цифровых технологий находится в приоритете у государства. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 закрепляет развитие цифровой экономики в статусе национального проекта [10]. По итогам заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. утвержден паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Ключевые цели нацпроекта – увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики, создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств, использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления и организациями [13].

Анализ существующего законодательства позволяет сделать вывод, что нормативное описание цифровых процессов значительно отстает от фактического развития цифровых институтов. Признаки права на текущий момент не согласованы с научно-техническим прогрессом и развитием информационного общества, цифровой экономики. Вместе с тем нельзя не согласиться с В.А. Вайпаном в том, что, несмотря на «туманные» детали развития новой цифровой экономики, необходимо надлежащее юридическое оформление цифровых экономических отношений [5].

Актуальным вызовом российскому праву является собственная, исторически обусловленная инертность. С одной стороны, этот тезис видится положительным, так как в идеале составляет единообразную правоприменительную практику – основу юридической стабильности общественной жизни. С другой стороны, в цифровой сфере общественных отношений существует большое количество нормативных актов, принимаемых с целью апробации и статистической отчетности. Например, желание проана-

лизировать «блогерство», понять, какой интерес этот институт может представлять не только с точки зрения закона, но и с позиции государства, управления и политики. Для этого в закон об информации был введён термин «блогер» [9]. В соответствии с законом блогеры были внесены в единый реестр, по ним велась статистическая работа, предполагалось некоторое рациональное продолжение сюжета данного института, однако через несколько лет это нововведение отменили¹. Очевидно, что нынешнее формальное правотворчество усложняет правовое развитие цифровой экономики. Заметим, что положительный правовой эффект исходит из позиции комплексного пересмотра существующей нормативной базы с учетом научно-технических реалий.

Право оказалось не готовым к процессам технологической глобализации. В настоящее время объективно существуют национальное российское законодательство и международные договоры. Из этого возникает конфликт юрисдикций: законы какой страны к информационным правоотношениям, которые начинаются «на территории одного государства», а заканчиваются на «территории другого государства» применять? Проблема юрисдикций отношений еще более остро сказывается в сфере распространения информации, когда в одной правовой культуре, в одном государстве специфичный юридический факт является нарушением права, а в другом государстве – совершенно нормальным институтом общественной жизни. При этом основой являются единые технологии, общие для распространения информации.

Напрямую соответствующих международно-правовых решений такой правовой коллизии нет, и каждое государство по-своему реагирует на все эти вызовы. В частности, в Российской Федерации применяются технологии и подходы, связанные с защитой от информации, когда средства, реализуемые на практике, пытаются ограничить доступ к той информации, которая по закону Российской Федерации ограничивает доступ к чему-либо на самых различных основаниях. Таким образом, в сфере информационной безопасности с юридической точки зрения стала развиваться подотрасль защиты от информации.

¹ Роскомнадзор прекратил вести реестр блогеров. Федеральный закон № 276 от 29 июля 2017 г. признал утратившими силу положения, регулировавшие деятельность блогера, – ст. 10.2. «Особенности распространения блогером общедоступной информации» из Федерального закона № 97 от 4 мая 2014 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/08/01/727388-roskomnadzor-reestr-blogerov> (дата обращения 25.08.2018).

Следует согласиться с И.Л. Бачило в том, что распространение искаженных, заведомо ложных, «фейковых» сведений оказывает деструктивное воздействие на сознание людей и тормозит процесс развития общества. В этих случаях информация действует как сила, разрушающая государственную систему власти, общество и его институты, пагубно воздействует на формирование личности. Таким образом формируются угрозы для безопасности самой информации, с одной стороны, и угрозы обществу и индивидууму от вредной информации – с другой [3].

Государству как медиатору общественных отношений, связанных с информацией, необходимо усилить защиту информации, так как становление цифровой экономики – это эволюция информационных правоотношений. Важно понимать, что цифровая экономика является элементом правовой действительности. Исходя из этого, следует делать акцент не на внедрении в институты общества и государства цифровых процессов, а на переосмыслении роли отраслей права в регулировании общественных отношений. Право, имея признак конвергентности, влияет на все общественные отношения. Искусственная интеграция институтов цифровой экономики без сообразного развития цифрового права приведет к неэффективности проекта.

Качественная реализация цифровой экономики нуждается не только в новых правовых нормах, но и требует формирования новелл, в том числе межотраслевых институтов, в рамках которых будет возможно регулировать цифровую среду доверия и идентификацию субъектов в ней, искусственный интеллект, робототехнику, большие данные, Интернет вещей и многие другие новые технологии и явления [7]. Так сложилось, что юридическая наука, а соответственно, в итоге и управление, и законодательство развиваются понятными путями в рамках отраслей и права, которые сформировались не одну сотню лет назад. Внутри устоявшихся отраслей возникают специализации, обусловленные общественным развитием. Например, конституционные права граждан: неприкосновенность частной жизни в Интернете. С позиции права это отрасль конституционного права плюс, это отрасль информационного права и ещё некоторых отраслей. И здесь догмат системы оказывает тоже очень серьезное влияние.

По мнению Маттиаса Бауэра и Фредрика Эриксона, наиболее серьезным структурным препятствием для развития цифрового бизнеса в государствах является регуляторная гетерогенность в нецифровых отраслях экономики, из-за чего цифровому бизнесу может быть сложно конкурировать

вать с традиционными отраслями только посредством цифровизации традиционных бизнес-моделей [15].

В теории и практике необходимо отходить от отраслевой системы права, которая явно устарела и дисбалансирована. Более того, наблюдается негативная конкуренция отраслей права, когда нормы из одной отрасли права попадают в законодательство другой отрасли права.

На настоящий момент в отечественной юридической науке не разрешен вопрос конкуренции права. Для устранения таких противоречий требуются систематизация понятий и построение единого терминологического аппарата. Важно иметь в виду, что классические отрасли права и законодательства формировались в прошлом веке, поэтому ставившиеся перед ними цели и задачи устаревают и не могут не соответствовать интересам общества и государства. Теория и практика юридической науки требует изменений в новых условиях цифровой коммуникации [8].

С таким подходом согласен В.В. Архипов, который обобщает основные представления в области интернет-права и обосновывает его «общую часть», ссылаясь на особенности инфраструктуры глобальной информационной среды [2].

Необходимо обогащение права другими отраслями знания. Это позволит цифровой экономике развиваться не формально, с точки зрения массового правотворчества, а фактически. Большое значение для нормативного понимания и логичного закрепления цифровых технологий в правовой действительности имеет киберантропология.

Параллельно с этим крайне важно остановить наблюдающийся «крах» терминологической системы, в том числе в связи с развитием технологий и цифровой экономики. «Заплаточный» режим появления тех или иных конструкций приводит к тому, что законодатель не имеет представления о строении и развитии уже принятых норм. Приведем пример: в третьем чтении Государственной думой Российской Федерации принят проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». Законопроект вносит в Гражданский кодекс ст. 141¹ «Цифровые права» и определяет дефиницию цифровых прав в субъективном смысле: права на объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, могут быть удостоверены совокупностью электронных данных.

Правительство РФ критикует данный законопроект и отмечает, что в соответствии с п. 2 ст. 141¹ Кодекса в редакции законопроекта переход цифровых прав на объекты гражданских прав осуществляется исключи-

тельно посредством внесения в информационную систему сведений о передаче цифрового права приобретателю. Вместе с тем такой принцип перехода прав не в момент наступления юридического факта, а в момент внесения записи об этом в соответствующий реестр требует установления объективно необходимых исключений, например в части перехода прав к наследнику со дня открытия наследства. Одновременно требуют решения такие проблемы, как окончательная утрата доступа к цифровым правам или необходимость обращения взыскания на право в электронной форме, равно как необходимость его принудительного перевода на другое лицо [11].

В свою очередь авторы указанного законопроекта В.В. Володин, П.В. Крашенинников, А.Г. Аксаков видят изменения целесообразными и считают, что без этих норм невозможно даже ограниченное регулирование рынка «цифровых объектов». По их мнению, закрепление понятия «цифровое право» в совокупности с записями в информационную систему упорядочит гражданский оборот, а формулируя базовые понятия в сфере цифровой экономики, законопроект закладывает правовую основу для нового этапа развития нашего государства [1].

Отметим, что такие комментарии даются до принятия и вступления в законную силу Федерального закона «О цифровых финансовых активах» [12]. Не представляется возможным понять цель данного законопроекта, так как не выработана юридическая практика цифрового права в объективном смысле и майнинга в частности. Вызывает вопросы и формулировка дефиниции «цифровое право», которая, на наш взгляд, не раскрывает сущность цифровых правоотношений.

На сегодняшний день имеет место пробельность отечественной нормативной базы в сфере инфокоммуникационного регулирования и информационного права как такового. Данный аспект объясняется как новизной самого понятия «цифровая экономика», так и спецификой предмета и объекта регулирования – скоростью их видоизменений и невозможностью предсказания всех их возможных трансформаций.

Как результат – отсутствие правовых решений, которые могут комплексно воздействовать на информационное пространство. Считаю, следует согласиться с тем, что недостаток эффективного правового обеспечения цифровой экономики может привести к тому, что ее потенциал не будет в должной мере задействован [4].

В этой связи необходимо сочетание традиционной системы вертикального государственного управления и системы прорывного регулирования для цифровой экономики. Объективные условия требуют изменения

подходов не только на уровне изменения законодательства, корректировки состава институтов права, международного сотрудничества. Необходимо преобразовать всю систему взглядов, которые определяют развитие права.

Государству следует обеспечивать не скорость изменения законодательства, а ускорение, учитывая научно-технический прогресс. В этих категориях и с этой идеей право и юридическая наука не сталкивались и не работали. Основываясь на выступлении наших лидеров, которые касались этой проблематики, формируется задача прорывного регулирования и с позиции скорости реакции, и в плане изменения той системы, которая есть.

На данный момент нормативная работа свидетельствует о системной ошибке. Возникновение новых процессов, вещей, нематериальных благ делегирует принятие нового нормативного правового акта или изменение старого, что по сути приводит к конкуренции новых и старых норм. В силу этого возникли административные барьеры развития права. В этой связи любые изменения это преодоление, дискуссия и тезисы о том, что нарушена законодательная логика.

В этом контексте очень любопытен процесс управления цифровой экономикой, который построен на том, что там отрабатываются барьеры, потом создается сводный план их преодоления и затем по этим барьерам идет разработка законодательства. Проблема заключается в идентификации этих барьеров и готовности мыслить категорически новыми правовыми категориями. Реальные вызовы сейчас таковы, что если мы сейчас будем каждый раз принимать новое, а потом отменять, то не успеем за всеми теми изменениями, которые будут происходить в ближайшем будущем.

Список литературы

1. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. – URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/B91DEDFBCF19B4E04325825C0032641E/\\$FILE/4246327_26032018_424632-7.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/B91DEDFBCF19B4E04325825C0032641E/$FILE/4246327_26032018_424632-7.PDF?OpenElement) (дата обращения: 27.09.2018).
2. Архипов В.В. Интернет-право: учеб. и практикум для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2018. – 249 с.
3. Бачило И.Л. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности // Тр. ин-та гос-ва и права РАН. – № 3. – 2016. – С. 6–7.
4. Беликова К.М. Особенности правового регулирования цифровой интеллектуальной экономики // Закон и право. – 2018. – № 8. – С. 26.

5. Вайпан В.А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2018. – № 1. – С. 12.
6. «Криптореформа» Гражданского кодекса: эксперты оценили новые поправки. [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/news/201311/> (дата обращения: 27.09.2018).
7. Наумов В.Б. Негативные закономерности формирования понятийного аппарата в сфере регулирования Интернета и идентификации // Информационное право. – 2018. – № 1. – С. 33.
8. Наумов В.Б. Развитие интернет-права в России: право в сетях XXI века // Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2016. – С. 8.
9. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты РФ по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: федер. закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ // Рос. газета. – № 6373. – 07.05.2014.
10. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7.05.2018 г. № 204 (с изм. и доп.) // СЗРФ. – 14 мая 2018. – № 20. – Ст. 2817.
11. Официальный отзыв Правительства от 08.06.2018 на законопроект о регулировании существующих в интернете новых объектов имущественных экономических отношений. – URL: <http://government.ru/activities/selection/303/32876/>.
12. Официальный сайт Министерства финансов РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.minfin.ru/ru/> (дата обращения 27.09.2018).
13. Официальный сайт Правительства России. [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения 18.03.2019).
14. Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. – URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения 25.08.2018).
15. Bauer M., Erixon F. Competition, Growth and Regulatory Heterogeneity in Europe's Digital Economy / ECIPE // Working paper. – 2016. – № 2. – P. 2.

Интеграция юридического знания и определение предмета «Общая теория права»

Развитие науки характеризуется диалектическим взаимодействием двух процессов – дифференциацией и интеграцией, которые приводят прежде всего к изменениям в логической структуре научного знания. Процесс дифференциации юридических наук, а также потребность в проведении междисциплинарных исследований обусловили создание фундаментальной науки – общей теории права. Становление и развитие этой науки породило дискуссию о ее объекте и предмете, которая продолжается уже более столетия. В статье обосновывается позиция, согласно которой под объектом общей теории права понимается правовая реальность, предметом – объективное право, юридическая деятельность и субъективное право.

The development of science is characterized by the dialectical interaction of two processes – differentiation and integration, which lead, first of all, to changes in the logical structure of scientific knowledge. The process of differentiation of legal Sciences, as well as the need for interdisciplinary research led to the creation of fundamental science – the General theory of law. The formation and development of this science gave rise to a discussion about its object and subject, which has been going on for more than a century. The article substantiates the position according to which the object of the General theory of law is understood as legal reality, the subject – objective law, legal activity and subjective law.

Ключевые слова: дифференциация юридических наук, интеграция юридических наук, общая теория права, объект общей теории права, предмет общей теории права.

Key words: differentiation of legal Sciences, integration of legal Sciences, General theory of law, object of General theory of law, subject of General theory of law.

Развитие науки характеризуется диалектическим взаимодействием двух противоположных процессов: дифференциацией (от лат. *difference* – разница) и интеграцией (от лат. *integratio* – «вставка»). Возрастающие дифференциация и специализация были, как показывает история науки, основой ее бурного прогрессивного развития. Особый масштаб дифференциация приобрела в эпоху научной революции XVII в. Именно тогда фило-

софия, являвшаяся ранее единым знанием, разделилась на собственно философию и науку как целостную систему знания, духовное образование и социальный институт. Американский социолог Даниел Белл доказывает, что одной из особенностей развития современной науки «...является не просто рост, а “разветвление”, то есть образование новых многочисленных сфер и специальностей в рамках каждой области науки» [7, с. 251–252].

Процесс дифференциации научного знания, с одной стороны, приводит к углубленному изучению явлений, повышению производительности труда ученых, но, с другой, грозит узкоспециализированному ученому «потерей связи целого», сужением его кругозора. Отсюда наряду с процессом дифференциации происходит процесс интеграции научного знания, его объединения, взаимопроникновения, синтеза.

Процессы дифференциации и интеграции приводят к изменениям в логической структуре научного знания. В качестве критериев классификации наук обычно используются объект, предмет и методология науки. Кроме того, применяются факультативные (дополнительные) критерии – культурный, исторический, институциональный, эпистемический [14, с. 25]. Понятие «объект» познания (лат. *objectum* – «предо мной») появляется в Античности в значении того фрагмента реальности, с которой взаимодействует познающий субъект. Выделение предмета (*Gegenstand*) из объекта (*Objekt*) науки впервые предложил в 1904 г. австрийский философ Р. Амедеер для того, чтобы обозначить некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности и познания [5, с. 232–244]. В современной эпистемологии науки сложилось следующее разграничение предмета и объекта науки: объект науки – это часть, объективно существующий фрагмент действительности, предмет – это объект, интерпретированный в понятиях той или иной науки [23].

Процессы дифференциации и интеграции происходят и в юридической науке. Дифференциации юридического знания в XVII – XIX вв. привела к обособлению науки международного публичного права, отраслевых, специальных и прикладных юридических наук, а также дисциплины историко-правового цикла. Этот комплекс наук обычно обозначают терминами «правоведение», «юридическая наука», «юриспруденция», но, как указывает Н.Н. Тарасов, эти термины имеют тождественное содержание и используются «в большей степени по основаниям литературного стиля» [41, с. 5].

Дифференциация юридических наук обусловила процесс интеграции юридического знания, результатом которого стало формирование новой фундаментальной науки – общей теории права. Целью настоящей статьи

является анализ проявления процесса интеграции юридического знания и обусловленное им формирование предмета общей теории права.

Становление общей теории права в Европе и России. В XVII в. философия утратила статус «науки наук», и именно тогда появляется особая философская наука о праве, решавшая проблему формирования целостного юридического знания путем философского, сверхчувственного способа создания знания о сущности права. В XIX в. Г.Ф.В. Гегель поставил задачу понять позитивное право в его исторических формах, выяснить его основы. Он утверждал, что юридическая наука изучает позитивные основания права – законы, философия – сущность права и методы его познания [11, с. 66–67]. Таким образом, классический немецкий философ признал, что философия права является частью философского знания и не ставит задачи интеграции достижений юридических наук.

Второй попыткой преодоления дифференциации научного знания стал энциклопедизм. Потребность в энциклопедии права была вызвана нуждами правового просвещения. Н.М. Коркунов писал: «Существование энциклопедии обуславливается, конечно, тем, что неудобно начинать изучение права со специальных наук... излагая части, они предполагают уже знакомство с целым рядом общих юридических понятий» [22, с. 28–29]. Первой энциклопедией права стало опубликованное в 1638 г. сочинение немецкого юриста Э. Гунниуса. Энциклопедия права преподавалась в университетах Германии и Российской империи. Однако этот учебный курс, как и современные учебные курсы «Введение в право» и «Правоведение», не состоялись как научные дисциплины.

Таким образом, возникла необходимость в фундаментальной юридической науке, которая бы интегрировала достижения отраслевых, специальных и прикладных юридических наук. Научный подход к интеграции научного знания был разработан О. Контом, основоположником социологии и научного позитивизма. Он доказывал, что интеграция научного знания ведет к формированию отдельной науки, занимающейся разработкой общих положений научных знаний, т.е. изучения современного состояния наук, их междисциплинарных связей и сведением частных принципов отдельных наук к меньшему числу общих принципов. При таком подходе обобщенное знание сохраняет научный, эмпирический характер [20].

В это же время начинается критика естественно-правовых учений и возникают новые типы правопонимания. Лидеры исторической школы правоведения Г. Гуго, Фр. К. Савиньи и Г. Фр. Пухта доказывали, что пра-

во – это исторический продукт народной жизни, почему наука права должна исследовать «подвижную природу человеческих отношений» [32, с. 88]. В 1832 г. английский юрист Дж. Остин обосновал позитивистский тип правопонимания, доказывая, что задача юриспруденции сводится к анализу позитивного права [29]. В конце XIX в. появляются труды Р. фон Иеринга, в которых позитивистский анализ целей в праве, юридической техники проводился с применением социологических методов исследования [13].

Термин для новой научной дисциплины – «теория права» – ввел в 70-х гг. XIX в. немецкий юрист А. Меркель [27], испытавший влияние юридического позитивизма Дж. Остина и социологии права Р. фон Иеринга [12]. Таким образом, по справедливому мнению Ж.-Л. Бержеля, «общая теория права сформировалась в результате прогресса позитивных наук. Появившись в конце XIX в., она была задумана как средство, позволяющее выйти за рамки простого описания права. Отгораживаясь от теорий естественного права, общая теория права основывалась на той идее, что право может составлять “предмет позитивной науки”» [8, с. 16].

В Российской империи общая теория права возникла благодаря публикации в 1886 г. труда юриста-государствоведа Н.М. Коркунова. Он доказывал, что общая теория права «ставит себе задачей извлечь общие начала права из накопленного специальными юридическими науками эмпирического материала» [22, с. 24]. При этом Н.М. Коркунов указывал на различие немецкого и русского подходов к объекту общей теории права: «У немцев преподавание права сводится... к изложению одного гражданского права в разнообразных его видах... Совершенно другое видим в наших университетах. У нас никогда не было такого преобладания гражданского права. Уже со времени Петра Великого юридическое образование соединяется с политическим» [22, с. 50].

Не меньшее значение в становлении общей теории права в Российской империи сыграл специалист в сфере частного права Г.Ф. Шершеневич. В частности, он разработал догматический (формально-юридический) метод выведения правовых понятий путем анализа и обобщения действующих норм права [46, с. 324–366]. Проблемы общей теории права разрабатывались и другими специалистами (П.Г. Виноградов, К.А. Кузнецов, В.И. Лебедев, А.А. Рождественский, В.М. Хвостов и др.).

В конце XIX – начале XX в. в центре внимания российской юридической науки оказались проблемы конституционных преобразований и формирования социального законодательства, что обусловило становление в России социологии права благодаря трудам Н.А. Гредескула, М.М. Кова-

левского, Н.М. Коркунова, С.А. Муромцева, П.А. Сорокина и др. Л.И. Петражицкий выступил с обоснованием психологической теорией права.

Таким образом, становление общей теории права стало следствием потребности в интеграции системы знаний, полученных в отраслевых, прикладных и специальных юридических науках, и проведения теоретических исследований общих для этих наук юридических проблем. Важно отметить, что с самого начала становления общей теории права интеграция научного знания происходила не только в области юридических наук, но и на уровне междисциплинарных исследований в сферах соотношения права и политики, социологии и психологии права. Теоретики права XIX – начала XX в. не различали объект и предмет исследования. Объектом их исследований стало действовавшее позитивное право разных эпох и народов, а также те социальные и психологические процессы, которые обуславливают его возникновение и реализацию.

Дискуссии об объекте и предмете теории государства и права советского периода. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. привели к разрушению правопорядка Российской империи. В условиях отрицания права эксплуататорских обществ, радикальных преобразований советской власти остро встал вопрос о соотношении насилия и права. Несмотря на широкое использование насилия при осуществлении диктатуры пролетариата, в 1917 – 1920-х гг. были приняты первые советские конституции, проведена кодификация отраслевого законодательства. Иными словами, советская власть не смогла обойтись без права, так как только ему присуще объективное свойство вносить определенность в общественных отношениях, без которой невозможны безопасность и развитие ни личности, ни общества.

В 1917–1920-х гг. перед деятелями советской юстиции встала задача обоснования теории «пролетарского права». Впервые новое правопонимание было официально закреплено в акте Народного комиссариата юстиции РСФСР (декабрь 1919 г.) «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР»: «Право – это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной силой его» [47, с. 85].

В 1925–1926 гг. при участии Н.В. Крыленко, Д.И. Курского, П.И. Стучки и др. была подготовлена «Энциклопедия государства и права». Ими отрицалась преемственность между правом эксплуататорских обществ и «пролетарским правом». Последнее рассматривалось как гаран-

тия прав и свобод трудящихся и средство легитимации революционного насилия в отношении бывших эксплуататорских классов. Однако при характеристике прикладного аспекта общей теории права – техники законодательства – П.И. Стучка отступал от этой позиции и утверждал: «Если проследить развитие закона по этапам, то мы увидим, что закон не всегда содержит в себе право в узком смысле слова, что в него входит масса чисто технических правил, что по ходу развития даже само право (в самом узком смысле) превращается или переходит в простую (хотя и весьма сложную) технику» [36, с. 468].

В 1926 г. была издана «Общая теория права и марксизм» Е.Б. Пашуканиса. Уходя от крайностей революционной эпохи, он избрал объектом своего исследования генезис правовой формы. При этом Пашуканис признавал буржуазное право более развитым и, как следствие, считал возможным познание категории права вообще. Наряду с марксистскими трактовками права, происходило возрождение немарксистских теорий: психологической школы права (М.А. Рейснер, И.Д. Ильинский и др.), теории социальных функций Л. Дюрги (А.Г. Гойхбарг, С.И. Аскназий и др.), теории юридического позитивизма (С.А. Котляревский, В.Н. Дурденевский и др.) [26, с. 27–28].

Окончанию этой дискуссии положила разработка теории советского варианта юридического позитивизма. Его окончательно сформулировал А.Я. Вышинский 16 июля 1938 г. на первом Всесоюзном совещании работников науки советского права: «Право – совокупность правил поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [10, с. 4].

По свидетельству Д.А. Керимова и Б.В. Шейндлина, «курс теории государства и права, читаемый в высших юридических учебных заведениях, стабилизировался» только в 1948–1958 гг. [17, с. 143]. В 1949 г. была разработана программа курса и опубликован учебник по этой дисциплине. После осуждения политики массовых репрессий в 1960-х гг. юридические науки стали обретать статус объективной инстанции в вопросе о формировании советского законодательства и его реализации.

Предмет марксистско-ленинской теории государства и права был определен в соответствии с господствующей идеологией. Д.А. Керимов и Б.В. Шейндлин писали, что эта наука является специальной «по отноше-

нию к историческому материализму» и «обобщающей, методологической наукой по отношению к отраслевым юридическим наукам». Ее предмет составляют «специфические закономерности существования и развития государства и права в их неразрывной связи и взаимозависимости», «методологические проблемы, теоретические положения и категории по узловым вопросам, общим для всех или для нескольких отраслей юридической науки». Главным в ее предмете «является глубокое изучение закономерностей и проблем развития социалистического государства и права» [16, с. 3–13; 17, с. 143–147].

Данное определение совмещает в себе признаки определения-описания и определения-перечня, так как, во-первых, дает набор существенных и несущественных признаков, которые позволяют отличить понятие предмета теории государства и права от всех иных понятий; во-вторых, содержит открытый перечень тех проблем, которые изучает теория государства и права. В соответствии с марксистским учением в качестве существенного признака предмета этой науки указаны закономерности развития государства и права. Однако выделение этого признака противоречит эпистемологии науки. По замечанию В.С. Степина, «наука ставит своей конечной целью предвидеть процесс преобразования предметов практической деятельности... Поэтому основная задача науки – выявить законы, в соответствии с которыми изменяются и развиваются объекты» [35, с. 39–40], т. е. выявление закономерностей не может входить в предмет науки, а является ее задачей.

Несмотря на то что определение предмета теории государства и права, данное Д.А. Керимовым, стало общепризнанным в марксистско-ленинской юридической науке, оно все же вызывало дискуссию [15; 21; 33; 45 и др.]. Интересную позицию в ней занял С.С. Алексеев. В 1960-х гг. он доказывал, что «в социалистическом правоведении» выделяются две самостоятельные науки – теория государства и права, общая теория права [2, с. 167]. В 1970-х гг. писал уже о трех взаимосвязанных дисциплинах – теории государства и права, теории политической организации общества и общей теории права [3, с. 26–27]. Юридической наукой С.С. Алексеев признавал только общую теорию права. В 1981 г. он следующим образом определил ее предмет: «Предметом марксистско-ленинской общей теории права являются основные закономерности правовой действительности как особой области социальной жизни... В него включается правовая действительность в целом: и собственно право (статика), и правовое регулирование (динамика) – весь комплекс многообразных правовых явлений,

входящих в правовую надстройку, в механизм правового регулирования...» [1, с. 15].

Таким образом, становление и развитие пролетарского (социалистического) права обусловило необходимость сохранения и развития общей теории права, но уже в новом качестве – марксистско-ленинской теории государства и права. Идеологическая монополия марксистско-ленинского правопонимания обусловила включение философии права в структуру теории государства и права, т. е. отказу от того резкого разграничения между философией и наукой, которое господствует в зарубежной науке XVII–XXI вв. Советские теоретики права стали определять объект и предмет своей науки, выделив в качестве существенного признака предмета закономерности развития государства и права, что соответствовало марксистско-ленинскому учению о вторичности надстроечных явлений по отношению к базисным, производственным отношениям.

Идеологизированный характер марксистско-ленинской теории государства и права не препятствовал процессу интеграции научного юридического знания. В частности, в 1960 – 1980-х гг. в сфере теоретико-правового познания с использованием достижений экономики, социологии, психологии и др. наук были достигнуты существенные успехи в изучении законодательной техники. Разработанная С.С. Алексеевым теория правового регулирования, целей и средств в праве была направлена на ограничение правом политического произвола. Осуждение политики массовых репрессий инициировало проблему изменений в подготовке сотрудников суда и правоохранительных органов, что обусловило исследования в сфере правосознания и правовой культуры советского общества. В трудах Е.А. Лукашевой, Г.С. Остроумова, И.Ф. Покровского, В.П. Сальникова, А.П. Семитко, В.А. Туманова, И.Е. Фарбер и др. было обосновано существование правосознания личности, выделены его уровни (правовая идеология и правовая психология), установлена нормативность познавательно-оценочной функции правосознания. В 1970-е гг. появились исследования правовой культуры (В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук и др.).

Дискуссии об объекте и предмете общей теории права в зарубежной и современной российской науке. С 1990-х гг. важным фактором развития юридической науки в России является свобода научного творчества и преподавания. Происходит овладение достижениями зарубежной теории права, которые в советское время подвергались критике как «буржуазные» и «реакционные». На русский язык были переведены труды представителей

аналитической философии права, социологической юриспруденции, антропологии права, нормативистской теории права.

В современной российской науке возникает дискуссия о названии науки, изучающей теорию права. Подавляющее большинство ученых придерживается названия «Теория государства и права». В.С. Нерсесянц предложил новое название – «Общая теория права и государства» [28]. Это переименование нашло сторонников. Ю.А. Тихомиров предлагает название «теория права и правового государства» [43, с. 14]. Л.Ю. Василевская пишет о «теории права и государства (юридической теории)» [9, с. 34]. А.В. Поляков возвратился к названию «Общая теория права» [30]. Наконец, появились сторонники отказа от этой дисциплины. Так, И.Ю. Козлихин считает: «Следует признать тот очевидный факт, что общая теория права и государства себя изжила. Необходимо развивать самостоятельные юридические науки, имеющие и свой предмет, и свои методы исследования. Это философия права, социология права и догма права» [19, с. 40].

На рубеже XX и XXI вв. в российском правоведении вновь возникает проблема соотношения философии права и общей теории права. Некоторые авторы не проводят между ними разграничения. Так, А.В. Поляков заявляет, что его коммуникативная теория является разделом философии права [30, с. 11]. Другие российские юристы возвратились к тому разграничению между философией права и общей теорией права, которое принято в континентальной Европе. По замечанию французского правоведа Ж.-Л. Бержеля, «общая теория права четко отличается от философии права, если последнюю понимать как юридическую метафизику» [8, с. 19]. Немецкий философ права Г. Радбрух утверждает: «Философия права – часть философии» [34, с. 11].

Дискуссию вызвал вопрос о соотношении общей теории права и социологии права. В европейской науке социология права рассматривается как отрасль общей социологии. В 1990-е гг. эта позиция была поддержана рядом российских социологов [39, с. 62–68]. Однако в России социология права разрабатывалась юристами, отсюда сформировалась позиция, согласно которой социология права – отрасль правоведения [24, с. 7–15; 38, с. 205–226]. При этом все участники дискуссии согласны с междисциплинарным характером этой науки.

Эти дискуссии связаны с разнообразием типов правопонимания в современной юридической науке [4; 6; 9; 25; 18; 31; 40 и др.]. При этом, как верно отметил Е.З. Бекбаев, «в современной юридической науке ответ на вопрос о предмете теории права ставится в прямую зависимость от реше-

ния вопроса о правопонимании... В результате предмет теории оказался, как бы в тени вопроса о понятии права, хотя на самом деле должно было бы быть наоборот» [6, с. 28, 29]. Иными словами, дискуссия о сущности и природе права, которая является только одним из разделов общей теории права, переносится на определение предмета этой науки, разрушая тем самым ее системную целостность.

Верность материалистической теории государства и права сохранил В.М. Сырых. Он пришел к выводу о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс не были позитивистами, они различали право, возникающее в результате социальных притязаний каждого класса, и закон, в котором выражалась воля господствующего класса. Отсюда, по мнению В.М. Сырых, предмет правоведения составляют «...закономерности таких компонентов классового общества, как государство и право». Правда, он оговаривается, что закономерности, изучаемые гуманитарными науками, это общественные законы, которые проявляются только при определенных условиях и действуют как законы-тенденции [37, с. 50].

Несмотря на то что многие современные ученые позиционируют свой отказ от марксистского учения, они продолжают придерживаться позиции, согласно которой предмет теории государства и права составляют закономерности развития государства и права. Сторонник нормативистского правопонимания М.И. Байтин писал, что теория государства и права «исследует общие специфические закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права как единых и целостных систем», которые «...не следует смешивать с общесоциологическими законами, составляющими предмет изучения других гуманитарных наук» [42, с. 15, 16].

Автор коммуникативной теории права А.В. Поляков отрицает существование закономерностей, обуславливающих развитие права объективно, т. е. независимо от идеалов, которые человек стремится воплотить. Он считает, что предметом общей теории права являются «закономерности онтологического бытия права», т. е. сущности, природы права [30, с. 455–456]. Отметим, что сущность, природа права является предметом философских дискуссий уже на протяжении нескольких тысяч лет, с периода Античности. Иными словами, термин «закономерности онтологического бытия права» в лучшем случае обращает внимание теоретика права на эти философские дискуссии.

Думается, что определение предмета общей теории права на основе признака «закономерности развития государства и права» было неприем-

лемо даже в марксистско-ленинской науке. Выяснение закономерностей является задачей научного познания и не может входить в его предмет. Подход к определению предмета общей теории права в зарубежной науке отличается от того, который унаследовала российская наука от советского периода. В зарубежной науке принято давать определение понятию «предмет общей теории права» через его существенные признаки, т.е. сформулированное в соответствии с правилами логики определение-характеристику.

Создатель нормативистской теории права Г. Кельзен утверждал, что правоведение является нормативной наукой. Правовые нормы представляют собой не что иное, как суждения о должном развитии событий. Он обосновал иерархическое строение системы права, наибольшей силой в которой обладает основная норма: «Должно вести себя так, как предписывает конституция». Государство, по мнению Кельзена, является легитимным в том случае, когда оно сообразно основной норме действует в строгом соответствии с конституцией и создает действенные нормы права. Таким образом, в рамках нормативистской теории права удалось добиться единства предмета юриспруденции: «предмет познания – это только право» [44, вып. 1, с. 50; вып. 2, с. 109, 111, 146].

Однако такое определение предмета теории права, во-первых, исключает все типы правопонимания, которые не соответствуют нормативизму; во-вторых, создает существенные препятствия междисциплинарным исследованиям. Критикуя нормативистскую теорию, Ж.-Л. Бертелье указывает, что исследование объективного права составляет ядро предмета общей теории права, так как эта «нормативная дисциплина, предназначенная для законотворчества, создания правил поведения и для организации социальных отношений». «Однако такое видение предмета оказывается зауженным... Состояние правовой сферы зависит от исторического, гуманитарного, социального, экономического контекста, от тенденций в сфере идеологии». Общая теория права «...не может оставаться в стороне от других общественных дисциплин, от философии, истории, социологии, экономики, антропологии, политики». Отсюда предмет общей теории права составляют объективное и субъективное право [8, с. 15, 22].

Подходы зарубежных ученых были восприняты рядом российских теоретиков права. Так, автор либертарианской теории права В.С. Нерсесянц считал, что объектом общей теории права и государства является «право и государство». Но, как и всякая наука, общая теория права и государства может иметь только один предмет, т. е. необходимо при определе-

нии предмета преодолеть «...дуализм понятия права и понятия государства ... на основе и с позиций определенного понятия права, включающего в себя и соответствующее правовое понятие государства». В результате он приходит к выводу: «...предмет юридической науки – это понятие права, включающее в себя соответствующее правовое понятие государства и выражающее сущностные свойства права и государства» [28, с. 3, 4, 5, 9].

Е.З. Бекбаев настаивает на широком понимании предмета теории права, способного включить различные типы правопонимания. По его мнению, «предметом исследования теории права служит правовая система». Правда, он оговаривается, что такое определение «нуждается в дальнейшей своей конкретизации и детализации» [6, с. 29].

Несмотря на эти дискуссии, в рамках общей теории права на новом качественном уровне продолжился процесс междисциплинарных исследований и интеграции юридического знания. В частности, теоретиками права проводятся исследования правотворчества, юридической техники, правового и индивидуального регулирования, которые оказались востребованы в отраслевых юридических науках и юридической практике. Благодаря трудам В.Н. Кудрявцева на стыке общей теории права, социологии права и отраслевых юридических наук в России формируется новая научная дисциплина – юридическая конфликтология.

Заключение. Общая теория права является фундаментальной юридической наукой, которая возникла в результате интеграции юридического знания. На протяжении полутора столетий был сформулирован ряд проблем, которые разрабатываются преимущественно общей теорией права: верховенство права и закона, правотворчество, реализация права, правопорядок, режим законности, правосознание и правовая культура и др. Общая теория права позволяет проводить фундаментальные и прикладные исследования (например, в сферах истории и методологии юриспруденции, юридической техники, правовой культуры и др.). В учебном процессе этой науке соответствует курс «Теория права и государства», а также ряд спецкурсов.

В настоящее время продолжается дискуссия о объекте и предмете общей теории права. На наш взгляд, следует согласиться с позицией, согласно которой объектом общей теории права является правовая реальность, предметом – объективное право, юридическая деятельность и субъективное право. Такое понимание предмета общей теории права, во-первых, позволяет ее четко отграничить от иных научных дисциплин; во-вторых, служит основой для интеграции юридического знания и формиро-

вания его общей методологии; в-третьих, позволяет синтезировать юридические знания и проводить теоретико-правовые исследования общих правовых проблем, включая проблемы правопонимания. При этом следует помнить о том, что интеграция научного знания происходит не только в рамках юридических наук, но и на более высоком уровне. При проведении междисциплинарных исследований общая теория права использует достижения политологии, социологии, антропологии, психологии, истории и других наук.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. – М.: Юрид. лит., 1981. – Т. I. – 361 с.
2. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. – М.: Госюриздат, 1961. – 187 с.
3. Алексеев С.С. Структура общей теории государства и права // Актуальные пробл. теории социалистического гос-ва и права. – М., 1974. – С. 22–28.
4. Байтин М.И. О методологическом значении и предмете общей теории государства и права // Гос-во и право. – 2007. – № 4. – С. 5–9.
5. Баронене С.Г. Особенности объекта и исследовательской позиции в гуманитарном исследовании // Гуманитар. исслед. в образовании: опыт, размышления, проблемы. – Томск, 2002. – С. 232–244.
6. Бекбаев Е.З. О предмете теории права // Пробелы в рос. законодательстве. – 2011. – № 4. – С. 27–30.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. – 944 с.
8. Бертельс Ж.-Л. Общая теория права. – М.: ИД NOTA BENE 2000. – 576 с.
9. Василевская Л.Ю. К вопросу о предмете юридической науки // Рос. юрид. журн. – 2017. – № 1. – С. 34–39.
10. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. – М.: Госюриздат, 1949. – 419 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
12. Горбань В.С. Учение А. Меркеля о праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 30 с.
13. Иеринг Р. Задача современной юриспруденции // Юрид. вестн. – 1883. – № 8. – С. 533–573.
14. Касавин И.Т. Дисциплинарные классификации и нормативное регулирование науки // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 1. – С. 23–30.
15. Керимов Д.А. Предмет общей теории государства и права // Правоведение. – 1976. – № 1. – С. 3–16.
16. Керимов Д.А., Шейндлин Б.В. О предмете общей теории государства и права // Сов. гос-во и право. – 1957. – № 12. – С. 3–13.

17. Керимов Д.А., Шейндлин Б.В. О системе курса теории государства и права // Правоведение. – 1959. – № 1. – С. 143–147.
18. Кожевников В.В. О предмете общей теории государства и права // Совр. право. – 2012. – № 6. – С. 11–13.
19. Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 31–40.
20. Конт О. Общий обзор позитивизма / пер. с фр. – 3-е изд. – М.: Либроком, 2012. – 296 с.
21. Копейчиков В.В. О предмете юридической науки и науки общей теории государства и права // Актуальные пробл. теории социалистического гос-ва и права. – М., 1974. – С. 38–43.
22. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 430 с.
23. Косарева Л.М. Предмет науки. Социально-философский аспект проблемы. – М.: Наука, 1977. – 157 с.
24. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права. – М.: Юристъ, 1995. – 297 с.
25. Лазарев В.В. Место теории государства и права в системе гуманитарного знания // Ленингр. юрид. журн. – 2008. – № 1. – С. 5–23.
26. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М.: Прометей, 1999. – 419 с.
27. Меркель А. Сила и право / пер. с нем. // Междунар. б-ка. – № 27. – Одесса, 1895.
28. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. для вузов. – М.: НОРМА–ИНФРА М, 1999. – 552 с.
29. Остин Дж. Определение области юриспруденции // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – М.: Мысль, 1999. – Т. 3.
30. Поляков А.В. Общая теория права: курс лекций. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 642 с.
31. Попондопуло В.Ф. Предмет юридической науки // Рос. юрид. журн. – 2017. – № 1. – С. 9–15.
32. Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. – Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. – [2], 99 с.
33. Рабинович П.М. К вопросу о специфических государственно-правовых закономерностях как предмете юридической науки // Актуальные пробл. теории социалистического гос-ва и права. – М., 1974. – С. 42–49.
34. Радбрух Г. Философия права. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 240 с.
35. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 743 с.
36. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига: Латгосиздат, 1964. – 748 с.

37. Сырых В.М. Материалистическая теория права: избранное. – М.: РАП, 2011.
38. Сырых В.М. Социология права как отрасль правоведения и учебная дисциплина // Ленингр. юрид. журн. – 2006. – № 1. – С. 205–226.
39. Тадевосян Э.В. К вопросу о социологии права // Социол. исслед. – 1997. – № 11. – С. 62–68.
40. Тарасов Н.Н. К вопросу о предмете общей теории права и теоретических понятиях // Рос. юрид. журн. – 2015. – № 6. – С. 9–21.
41. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург: УрГЮА, 2001. – 264 с.
42. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 776 с.
43. Тихомиров Ю.А. Государство: Развитие теории и общественная практика // Правоведение. – 1999. – № 3. – С. 3–14.
44. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сб. переводов. – Вып. 1. – М.: Изд. ИНИОН РАН, 1987. – 195 с.; Вып. 2. – М.: ИНИОН РАН, 1988. – 213 с.
45. Шебанов А.Ф. Повышение творческой роли права – важное направление общетеоретических исследований // Актуальные пробл. теории социалистического гос-ва и права. – М., 1974. – С. 120–124.
46. Шершеневич Г.Ф. Избранное. – М.: Статут, 2016. – 496 с.
47. Шишов О.Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. – 1980. – № 3. – С. 83–88.

**Актуальные вопросы корпоративного правотворчества,
связанные с правоприменением норм трудовых отношений
в связи с увольнением работника
за его несоответствие корпоративной культуре**

В статье исследуются вопросы, касающиеся применения корпоративных норм в трудовых отношениях, связанных с увольнением работников за несоответствие корпоративной культуре. Рассмотрена практика российских судов по применению корпоративных норм в трудовых отношениях.

The article examines the issues concerning the application of corporate norms in labor relations related to the dismissal of employees for non-compliance with the corporate culture. The practice of Russian courts on the application of corporate norms in labor relations is considered.

Ключевые слова: правотворческий процесс, локальный акт, корпоративный акт, корпоративная культура, юридическое лицо.

Key words: law-making process, local act, corporate act, corporate culture, legal entity.

Большую часть дискуссий в отношении соблюдения норм профессиональной этики и корпоративной культуры занимают споры с участием государственных служащих – сотрудников органов внутренних дел, следственных органов, уголовно-исполнительной системы, нотариусов, адвокатов и др. [11] Для таких сотрудников корпоративный документ, устанавливающий правила поведения, требования к моральному облику утвержден органом государственной власти или местного самоуправления, более детально регламентирован, и в подавляющем большинстве случаев при увольнении таких сотрудников суд встает на сторону работодателя.

В корпоративных нормах отсутствует всеобщность права и общеобязательность закона. Но в то же время они способны стать частью корпоративного права, но только лишь после официального санкционирования

государством, например, в порядке делегированного правотворчества [5]. В остальных случаях внутриорганизационные правила поведения социальных организаций признаются частью системы социального регулирования, действующей параллельно с правом, но к праву не относящейся.

Цель корпоративных норм – восполнение пробелов централизованного регулирования в конкретной организации, их дополнительный (субсидиарный) характер ведет к признанию за ними самостоятельного регулирующего значения [10]. При этом возникает соподчинение корпоративных норм нормам централизованным.

Разработанный корпоративный документ не должен противоречить действующему законодательству, иначе его положения будут недействительны и легкооспоримы.

Трудовой кодекс РФ не содержит статьи «увольнение за несоответствие корпоративной культуре». Обычно сотрудников склоняют уволиться путем подачи заявления об увольнении, сделанном в добровольно-принудительном порядке. Однако такие увольнения легко оспорить.

При соблюдении же ряда процедур возможно увольнение по ч. 5 ст. 81 Трудового кодекса РФ [9] (неоднократное неисполнение работником своих трудовых обязанностей без уважительных причин при наличии дисциплинарного взыскания). Для этого необходимо выполнение следующих действий:

1. Придание корпоративному документу (кодексу, правилам) силы локального правового акта, т. е. утверждение такого документа приказом организации и ознакомление сотрудников с таким приказом и документом под подпись.

2. При нарушении сотрудником положений корпоративного документа – получение объяснений у сотрудника, при неполучении – составление акта о нарушении, вынесение дисциплинарного взыскания, ознакомление с приказом о вынесении взыскания сотрудника, при отказе от подписания – составление соответствующего акта.

3. При повторном нарушении положений корпоративного документа, имевшем место в течение года после вынесения дисциплинарного взыскания, издание приказа об увольнении сотрудника по ч. 5 ст. 81 Трудового кодекса РФ.

Так, в соответствии с Апелляционным определением Магаданского областного суда от 11.03.2014 № 33-188/2014 по делу № 2-5786/2013 отказано в иске о восстановлении на службе, поскольку работодатель правомерно уволил истца, так как последний совершил проступок, порочащий

честь сотрудника органов внутренних дел, выразившийся в нарушении требований Правил дорожного движения РФ, а также этических и нравственных норм поведения.

Апелляционным определением Верховного суда Республики Коми от 13.02.2014 г. по делу № 33-648/2014 также отказано в иске о восстановлении на службе, так как истец совершил действия, нарушающие профессионально-этические принципы, нравственные правила поведения сотрудника как при исполнении служебных обязанностей, так и вне их, подрывающие деловую репутацию, авторитет органов внутренних дел.

К лицам, не являющимся государственными служащими, суды относятся мягче – здесь подавляющее число споров разрешается в пользу граждан, несправедливо получивших дисциплинарное взыскание, несмотря на явное нарушение локальных актов [4]. Так, в соответствии с Апелляционным определением Новгородского областного суда от 26.03.2014 по делу № 2-1038/13-33-627/14, суд удовлетворил исковые требования о восстановлении на работе истца, уволенного за неоднократное неисполнение своих трудовых обязанностей, а именно нарушение плана сбыта продукции, установленного локальным актом работодателя. Однако доказательств виновного неисполнения работодатель предоставить не смог, а сам по себе факт невыполнения планового сбыта товара, как указал суд, не является достаточным основанием для привлечения истца к дисциплинарной ответственности.

Апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 23.04.2013 № 33-5688/2013 отказано в удовлетворении требований истца о восстановлении на работе, поскольку работодатель (агентство недвижимости) подтвердил нарушение истицей своих обязанностей. Суд, учтя это обстоятельство, а также наличие неснятых дисциплинарных взысканий (опоздание на работу, зафиксированное надлежащим образом, неисполнение трудового договора и Кодекса поведения работников), признал увольнение правомерным. Истица была уволена по ч. 5 ст. 81 Трудового кодекса РФ.

По делам об обжаловании приказов о применении таких дисциплинарных взысканий, как выговор либо замечание, суд в основном поддерживает работодателя.

Так, Московским городским судом (определение от 01.07.2010 по делу № 33-19052/10) признан действительным приказ об объявлении выговора истице за нарушение норм деловой этики и грубые высказывания в адрес сотрудников. Согласно докладной записке финансового директора и директора по персоналу на истицу неоднократно поступали жалобы на ее

работу, на отказ выполнять служебные задания администрации, нарушение сроков подготовки документов, нарушение норм деловой этики, направление сотрудникам электронных писем с угрозами, грубыми высказываниями. При этом локальный акт, устанавливающий нормы поведения, компанией не принимался. Суд же, приняв показания свидетелей и правила внутреннего трудового распорядка, оставил в силе приказ об объявлении выговора. Однако при этом удовлетворил иск в части требований о восстановлении на работе истца, уволенного по ч. 5 ст. 81 Трудового кодекса РФ за указанные выше нарушения.

Аналогичным образом Санкт-Петербургский городской суд (апелляционное определение от 14.05.2013 № 33-6720/2013) оставил в силе приказ об объявлении выговора сотруднику за неисполнение и ненадлежащее исполнение без уважительных причин должностных обязанностей, выразившихся в допущенном истцом пренебрежительном и недоброжелательном поведении, граничащем с хамством, в отношении клиента, а также ненадлежащем уровне его консультирования при осуществлении ремонта принадлежащей клиенту бытовой техники, что повлекло за собой обращение клиента с соответствующей жалобой и негативно сказалось на деловой репутации работодателя. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в случае разрешения спора об обжаловании приказа об увольнении, а не об объявлении выговора, суд, скорее всего, встал бы на защиту работника.

В целом же при вынесении решения по делам об увольнении по ч. 5 ст. 81 Трудового кодекса суды в первую очередь обращают внимание на наличие нарушений, указанных в п. 35 постановления Пленума Верховного суда РФ от 17.03.2004 № 2 [7], в числе которых:

- отсутствие работника на рабочем месте без уважительной причины;
- отказ без уважительных причин от выполнения трудовых обязанностей в связи с изменением норм труда и отказ или уклонение без уважительных причин от медицинского освидетельствования работников некоторых профессий;
- отказ от прохождения в рабочее время специального обучения и сдачи экзаменов по охране труда, технике безопасности и правилам эксплуатации, если это является обязательным условием допуска к работе.

В остальных же случаях, как было рассмотрено выше, нарушение корпоративной культуры само по себе зачастую является недостаточным фактором для признания увольнения законным. Для отстаивания своей точки зрения в суде работодателю потребуется обширная доказательственная база и полное соблюдение требований законодательства при вынесении дисциплинарных взысканий.

Список литературы

1. Апелляционное определение Магаданского областного суда от 11.03.2014 № 33-188/2014.
2. Апелляционное определение Новгородского областного суда от 26.03.2014 по делу № 2-1038/13-33-627/14.
3. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.04.2013 № 33-5688/2013.
4. Журнал предпринимательского и корпоративного права. – № 3. – 2016.
5. Кирилловых А.А. Корпоративное право: курс лекций. – М.: Юстициформ, 2017.
6. Конституция Российской Федерации (прин. всенар. голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
7. О применении судами РФ Трудового кодекса РФ: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 17.03.04 № 2 // Рос. газета от 8.04.04 № 3449.
8. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 17.03.2004 № 2.
9. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 01.10.2017).
10. Уксусова Е.Е. Новый порядок рассмотрения дел по корпоративным спорам в арбитражных судах // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 6.
11. Федорова О. Увольнение за несоответствие корпоративной культуре // Трудовое право. – № 8. – 2014.

Мониторинг правоприменения как средство выявления и снижения рисков

В статье исследуется мониторинг правоприменения. Делается вывод, что создание комплексного механизма выявления юридических рисков, включающего в том числе мониторинг правоприменения, позволит повысить эффективность права, достижения определенного результата правового регулирования, к которому стремился законодатель.

The article explores law enforcement monitoring. It is concluded that the creation of a comprehensive mechanism for identifying legal risks, including including monitoring of law enforcement, will increase the effectiveness of the law and achieve a certain result of legal regulation to which the legislator has sought.

Ключевые слова: мониторинг правоприменения, юридические риски, эффективность права.

Key words: law enforcement monitoring, legal risks, law effectiveness.

Актуальность разработки комплексного механизма решения проблем мониторинга правоприменения обусловлена в том числе смещением исследовательского внимания к юридическим рискам, их природе, необходимости выработки эффективного инструментария их выявления и соответствующего снижения.

Первоначально обратимся к этимологическому анализу термину «риск». Как указывает В.А. Ойгензихт, он был заимствован в русский язык, вероятно, из европейского, в частности – испанского языка (исп. риск – «скала», подобным образом португальские мореплаватели обозначали приближающуюся опасность) [11, с. 7]. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, «риск» трактуется как «возможность опасности, неудачи» [10, с. 605]. По мнению В.А. Ойгензихта, понятие «риск» впервые появилось еще в дореволюционных актах, однако подобный термин заменялся словом «страх», что, вероятно, отождествлялось с явлением риска. Примером тому может служить Гражданское уложение 1905 г., согласно которому «страх за

случайную гибель или за случайное повреждение имущества несет сам владелец» [11, с. 8].

Необходимо отметить, что трактовка понятия «риск» как «опасность», получила наибольшее распространение среди ученых. Так, Я.М. Магазинер понимал под риском угрозу для различных благ, всякую возможность нанесения ущерба, возможность зла [5, с. 578]. Аналогично Я.М. Магазинеру, М.С. Гринберг вкладывал в понятие «риск» смысл ущерба, однако это сужает само явление, трактуя его как «правомерное опасное действие» [3, с. 12].

Важно отметить, что актуальность изучения дефиниции «риск» в праве существует постоянно и является значимой. К примеру, М.М. Агарков писал, что, хотя в большинстве случаев эта идея, лежащая в основании правоотношений, внешне не выражается, но в ряде норм достаточно легко обнаруживается [1, с.52].

Несмотря на всю важность изучения проблем юридических рисков, в отечественном законодательстве отсутствует легальное их определение, а также классификация, методика их оценки и прогнозирования.

Согласно п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ, предпринимательство (как путем создания компании, так и индивидуальное) – это деятельность, осуществляемая на собственный риск и направленная на регулярное получение прибыли путем продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг, использования движимого и недвижимого имущества. Если исходить из данного определения, то даже само по себе занятие бизнесом считается рискованным мероприятием, так как владелец может лишь предполагать степень выгоды и успешности организованного им предприятия.

Возможность возникновения риска предусмотрена и в ст. 211 Гражданского кодекса РФ: «Риск случайной гибели или случайного повреждения имущества несет его собственник, если иное не предусмотрено законом или договором» [2].

Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» в ст. 2 раскрывает понятие риска как «вероятность причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений с учетом тяжести этого вреда» [8].

Упоминание риска содержится и в Уголовном кодексе РФ, который предусматривает в качестве обстоятельства, исключаящего преступность деяния – обоснованный риск, критерии которого устанавливает ст. 14 УК РФ: «риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть

достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам» [15].

Более подробную регламентацию юридических рисков содержит рекомендательное письмо Центрального банка РФ «Об организации управления правовым риском и риском потери деловой репутации в кредитных организациях и банковских группах» от 30.06.2005 (с изменениями от 12.10.2016 г.) № 92-Т, которое определяет общие принципы работы банков по изучению и влиянию правовых рисков на выгодность совершаемых ими сделок и деловую репутацию организации. В п. 1.1 указанного письма определено, что «правовой риск – риск возникновения у кредитной организации убытков вследствие влияния факторов, указанных в п. 2.1 настоящих Рекомендаций» [9].

Риски, в зависимости от источников их происхождения, п. 2.1 того же письма делит на внутренние и внешние.

К внутренним юридическим рискам при этом относятся (п. 2.1.1):

- несоответствие учредительной документации, деятельности компании и практики заключения сделок требованиям законодательства;

- неэффективная организация деятельности юридического подразделения компании, отсутствие должной координации с руководством и другими отделами, пренебрежение необходимостью проведения юридической экспертизы сделок, грубые ошибки при заключении контрактов и т. п.;

- нарушение компанией условий заключенного договора – как умышленное, так и вынужденное (ввиду принятия на себя несоразмерных возможностей обязательств);

- недостаточное внимание при проведении технических усовершенствований, внедрении системы электронного документооборота, использовании электронных ресурсов для переписки с контрагентами, участия в тендерах, конкурсах и т. д.

К внешним факторам относятся (п. 2.1.2):

- не зависящие от воли сторон обстоятельства (изменения в законодательстве, повышение действующих или введение новых налогов, ужесточение требований к осуществляемой деятельности и т. д.);

- неисполнение контрагентами своих обязательств (как умышленно, так и вынужденно).

Пункт 2.2 письма № 92-Т обозначает, что основа управления рисками – это комплекс правовых и организационных мероприятий, направленных на максимально возможное их снижение.

К основным организационным мерам, которые могут быть приняты компанией, можно отнести:

- определение основных и второстепенных факторов риска при заключении сделок с учетом специфики деятельности компании;
- определение критериев допустимости риска при заключении сделки, а также условий, при которых она не может быть заключена, несмотря на всю привлекательность предложенных условий;
- назначение ответственного лица (либо нескольких лиц с разграничением компетенции между ними), на которое будет возложена обязанность проведения мероприятий по оценке и минимизации рисков;
- создание системы взаимного информирования о возможных рисках между руководством компании и юридической службой, а также между заинтересованными подразделениями (системы визирования и согласования решений и управленческих действий);
- определение порядка отграничения правовых рисков при подписании соглашений от рисков иного характера (кредитных, финансовых, производственных и т. д.);
- создание системы мониторинга и оценки уровня рисков, в отношении как самой компании, так и ее потенциальных клиентов (контрагентов);
- создание системы контроля за действиями юридической службы и иных специалистов, принимающих участие в заключении договоров.

К правовым мерам, согласно п. 2.2.1 письма № 92-Т, отнесена необходимость принятия специальных локальных нормативных актов предприятия либо включение обязанностей по проведению оценки и минимизации юридических рисков в должностные инструкции специалистов компании. Вместе с тем при внедрении на предприятии методики управления рисками при совершении сделок возникает необходимость в разработке комплексного документа, который должен содержать в себе положения, определяющие проведение указанных выше мероприятий, и служить подробной пошаговой инструкцией для конкретного специалиста.

Полагаем, что правовой мониторинг, включающий в себя мониторинг правоприменения, выступает одним из элементов механизма их выявления и соответствующего снижения юридических рисков. Профессор Ю.А. Тихомиров характеризует правовой мониторинг как динамичный организационный и правовой институт информационно-оценочного характера, движущийся по всем стадиям функционирования управления, хозяйствования, проявляющийся на всех этапах возникновения и действия права [12, с. 19].

Советом Федерации была разработана Концепция создания системы мониторинга законодательства и правоприменительной практики в Российской Федерации на 2008–2012 гг.: которая давала понятие, классификацию и, самое главное, методологию организации и проведения правового мониторинга в России [7, с. 345–347]. В современной юридической науке правовой мониторинг сводится в основном к мониторингу в правотворчестве и правоприменительной практики. В юридической литературе отсутствует единство относительно данной правовой категории. Многие ученые и практики используют термины «мониторинг законодательства», «мониторинг правового пространства», «мониторинг закона», «мониторинг нормативного правового акта» и т. д. [4; 6; 12, с.15]. Это объясняется отсутствием на федеральном уровне нормативного правового акта, регламентирующего мониторинг в правотворческой деятельности. Однако на уровне субъектов Федерации данный вопрос так или иначе отражен в законодательстве.

Так, конечной целью мониторинга в правотворчестве является создание эффективного механизма правотворчества, в результате которого принимались нормативные правовые акты, отражающие общественные потребности и закрепляющие назревшие социальные притязания субъектов, а также устраняющие соответствующие юридические риски в той или иной деятельности.

К таким новационным способам, образующим механизм выявления социальных притязаний, можно отнести правовой мониторинг.

Информационной базой мониторинга также являются:

- информация о содержании обращений граждан, поступающих в органы государственной власти области и касающихся исследуемых правоотношений;
- о судебной практике, прокурорской статистике, иные данные правоохранительных органов, касающиеся сферы исследуемых правоотношений;
- о правоприменительной практике уполномоченных органов государственной власти и органов местного самоуправления, их структурных подразделений и должностных лиц;
- об оспаривании нормативного правового акта области в судебном порядке, принятых решениях (постановлениях) и результатах их исполнения;
- о мерах прокурорского реагирования, принятых в отношении нормативного правового акта области (протесты и представления, заявления в суд);

- предписания Управления Федеральной антимонопольной службы, сведения Управления Министерства юстиции Российской Федерации, уполномоченного по правам человека, касающиеся сферы исследуемых правоотношений;

- данные социологических исследований: анкетирование граждан, специалистов-практиков;

- иные опросы общественного мнения; тестирование и тренинги специалистов;

- экспертные заключения, мнения ученых специалистов, специалистов-практиков;

- резолюции научно-практических конференций, научно-практических семинаров, рекомендации депутатских слушаний и «круглых столов»;

- итоги выездных встреч и совещаний; ответы на депутатские запросы, мотивированные заключения по результатам депутатских проверок.

Важным источником информации, собираемой в ходе правового мониторинга, являются данные социологических исследований. Социологические исследования, входящие в состав правового мониторинга, имеют различный характер и направленность, в зависимости от тех задач, которые ставятся в ходе такого мониторинга.

Прежде всего в ходе социологических исследований необходимо получать информацию о социальной обусловленности правовых норм, а также о существующих юридических рисках. Правовой мониторинг предполагает постоянное отслеживание связи между желаемыми социальными результатами (целью регулирования) и теми элементами правовой системы (механизма правового регулирования), которые в наибольшей степени могут повлиять на социальный результат. Основная задача социологических исследований – выявить социальные притязания, объективно требующие своей институционализации. Поэтому предметом социологического анализа в ходе правового мониторинга являются, в конечном счете, общественные отношения, требующие своей регуляции.

Мониторинг в правотворчестве очень актуален, поскольку наибольшую важность для будущей эффективности закона имеет именно предпроектная стадия, на которой определяются цели регулирования, анализируется соотношение потребностей, интересов, социальных притязаний участников будущих правоотношений, изучается сложившаяся практика регулирования, необходимость и место правовой регламентации в общей

системе социального регулирования данного вида общественных отношений, а также соответствующие юридические риски.

Также основой информационной базы мониторинга являются данные социологических исследований: анкетирование граждан, специалистов-практиков; иные опросы общественного мнения.

Мониторинг правоприменения, по нашему мнению, также выступает одним из эффективных средств выявления и устранения юридических рисков. Нормативную правовую базу для проведения данного вида мониторинга составляют Указ Президента РФ «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» от 20 мая 2011 года № 657, утвердивший соответствующее Положение «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», а также утвержденная Постановлением Правительства от 19.08.2011 г. № 694 Методика осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации [13].

В соответствии с п. 2 Положения «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» мониторинг предусматривает комплексную и плановую деятельность, осуществляемую федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов федерального значения. Согласно п. 4 Положения мониторинг проводится в соответствии с планом мониторинга и методикой его осуществления. При наличии соответствующего поручения президента Российской Федерации или правительства Российской Федерации мониторинг осуществляется без внесения изменений в утвержденный правительством Российской Федерации план мониторинга.

Проект плана мониторинга ежегодно разрабатывается Министерством юстиции Российской Федерации и до 1 сентября, утверждается правительством Российской Федерации. В плане мониторинга отражаются: а) отрасль (подотрасль) законодательства либо группа нормативных правовых актов, мониторинг которых планируется осуществить; б) наименования федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, участвующих в мониторинге; в) сроки осуществления мониторинга; г) иные данные.

Федеральные органы исполнительной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации ежегодно, до 1 июня, пред-

ставляют в Министерство юстиции Российской Федерации доклады о результатах мониторинга, осуществленного ими в предыдущем году в соответствии с планом мониторинга.

Сведения, полученные в результате мониторинга, осуществленного федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации по собственной инициативе, могут направляться до 1 июня в Министерство юстиции Российской Федерации по решению этих органов.

Другие органы и организации могут направлять в Министерство юстиции Российской Федерации до 1 июня предложения к проекту доклада президенту Российской Федерации о результатах мониторинга.

Министерство юстиции Российской Федерации на основе докладов федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации о результатах мониторинга, осуществленного ими в предыдущем году, и других материалов, поступивших в министерство, подготавливает проект доклада президенту Российской Федерации о результатах мониторинга и предложения к плану законопроектной деятельности правительства Российской Федерации.

В проекте доклада президенту Российской Федерации о результатах мониторинга подводятся итоги выполнения плана мониторинга за предыдущий год и вносятся предложения: а) о необходимости принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации; б) о мерах по совершенствованию законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации; в) о мерах по повышению эффективности правоприменения; г) о мерах по повышению эффективности противодействия коррупции; д) о государственных органах, ответственных за разработку соответствующих законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и за реализацию мер по повышению эффективности правоприменения и противодействия коррупции.

Проект доклада президенту Российской Федерации о результатах мониторинга и предложения к плану законопроектной деятельности правительства Российской Федерации ежегодно, до 1 августа, направляются в установленном порядке Министерством юстиции Российской Федерации в правительство Российской Федерации для рассмотрения.

Правительство Российской Федерации ежегодно, до 1 сентября, представляет президенту Российской Федерации доклад о результатах мо-

мониторинга. Президентом Российской Федерации по итогам рассмотрения доклада о результатах мониторинга могут быть даны поручения государственным органам и организациям, а также должностным лицам о разработке законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и принятии иных мер по реализации предложений, содержащихся в указанном докладе. Доклад о результатах мониторинга, после рассмотрения его президентом Российской Федерации, подлежит опубликованию Министерством юстиции Российской Федерации в средствах массовой информации, а также размещению на официальных сайтах президента Российской Федерации, правительства Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации в сети Интернет.

Таким образом, мониторинг правоприменения выступает эффективным средством устранения пробелов и коллизий в российском законодательстве, способствует решению проблемы выявления и устранения юридических рисков, которые приводят к соответствующим дефектам правоприменения. В связи с этим объективно возникает необходимость создания в стране посредством правового мониторинга, включающего мониторинг правоприменения, комплексного механизма выявления и снижения юридических рисков, обусловленных системой действующего законодательства, который бы соответствовал задачам государства и общества в целом.

Список литературы

1. Агарков М.М. Очерки кредитного права. – М., 1962. – С. 52.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // СЗ РФ. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве. – М., 1963. – С. 12.
4. Жужгов И.В. Мониторинг правового пространства Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2006.
5. Магазинер Я.М. Советское хозяйственное право. – Л., 1928. – С. 578.
6. Наконечный Я.Е. Мониторинг в правотворчестве (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008.
7. О состоянии законодательства в Российской Федерации: доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2006 г. – М., 2007. – С. 347–357.
8. О техническом регулировании: федер. закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // СЗ РФ. – 30.12.2002. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5140.

9. Об организации управления правовым риском и риском потери деловой репутации в кредитных организациях и банковских группах: письмо Банка России от 30.06.2005 № 92-Т (с изм. от 12.10.2016) // Вестн. Банка России. – № 34. – 06.07.2005.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1984. – С. 605.
11. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве (часть общая). – Душанбе, 1972. – С. 7.
12. Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие. – М., 2009. – С. 19.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. 23.05.2011. – № 21. – Ст. 2930.
14. Тихомиров Ю.А. Организация и проведение правового мониторинга // Право и экономика. – 2006. – № 10. – С. 13 и т. д.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Тело человека и право на человеческое достоинство

В статье, в рамках правовой науки рассматриваются понятия «человек», «личность» и «лицо», «особа», «индивидуум». Проводится анализ современного российского законодательства.

In the article in the legal science examines the concept of «person», «person» and «person», «person», «individual». The analysis of modern Russian legislation.

Key words: person, person and person, person, individual.

Ключевые слова: человек, личность и лицо, особа, индивидуум.

Право человека на достоинство закреплено в ст. 21 Конституции Российской Федерации, где говорится, что достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию, никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам. На международном уровне принята Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. Ст. 2 Декларации провозглашает: «Каждый человек имеет право на уважение его достоинства и его прав, вне зависимости от его генетических характеристик» [6, с. 102].

Говоря о человеческом достоинстве, следует подчеркнуть, что достоинство человека нарушено, если его личные качества поставлены под сомнение. П. Хеберле писал: «О содержании понятия “достоинство человека” можно говорить применительно ко всей его жизни – от рождения до смерти. Но в ряде случаев этот конституционный принцип действует даже до и после упомянутых событий. Примерами могут служить защита личного достоинства умершего и дискуссия о правах плода в чреве матери» [10, с 22].

Понятие «человеческое достоинство» отражает свойства и характеристики, которые определяют некое существо как человека. При этом

такими свойствами могут считаться родовые признаки, присутствующие у всех и любого человека и отличающие его от всех остальных существ.

В юридической доктрине и практике неоднократно вставал вопрос об определении человека и человеческого существа. Особенно остро необходимость в таком определении обнаруживалась при законодательном регулировании и применении действующего законодательства об искусственном аборте, донорстве органов и тканей, обращении с душевнобольными и людьми, находящимися в состоянии комы. В данных пограничных состояниях трудно определить, имеем ли мы дело с уже (или) еще живым человеческим существом или только с агрегатом клеток, тканей и органов.

Разработка техники клонирования обострила проблему юридического определения человека. Сегодня в международно-правовых актах подчеркивается необходимость именно законодательного определения понятия «человек». Отсутствие четкого термина «человек» или «человечество» не позволит сформулировать понятие «человеческое достоинство».

Во многих нормативных актах отмечается, что последние достижения в области медицины, в особенности клонирование человека, ставят под угрозу человеческое достоинство¹. Действительно, главный вопрос, который возникает при поиске путей законодательного регулирования клонирования человека, – это анализ соответствия данной технологии концепции достоинства человека. Однако ни один нормативно-правовой акт не дает определения этой категории.

В большинстве конвенций, деклараций и других международно-правовых документов упоминание о достоинстве человеческой личности встречается при обосновании естественности и неотчуждаемости основных прав человека. При этом поясняется лишь, что достоинство человека не зависит от его убеждений, социального, материального положения, рождения, здоровья или других признаков.

В связи с этим решение вопроса о противоречии человеческому достоинству какого-либо явления возможно только после уяснения смысла самой этой категории. В свою очередь, это требует четкого определения термина «человек».

¹ Конвенция о правах человека и биомедицине 1997 г. и Дополнительный протокол к ней, посвященный запрету клонирования человеческих существ 1998 г., Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека 1997 г., ряд документов Совета Европы и некоторые др.

Следует отметить, что тема юридической концепции сущности человека отчасти затрагивалась в работах многих российских и зарубежных юристов и философов. В частности, в юридической литературе отмечалась зависимость каждой конкретной системы права от «юридической концепции человека» как субъекта права и соответствующего представления о его правах и обязанностях, а также его свойствах и качествах [5; 18; 21; 22; 23; 24; 33; 41]. В связи с обсуждаемой проблематикой упоминали о естественных, неотъемлемых свойствах человека как о незыблемой основе его юридических прав. При этом отрицалась идея иерархии прав человека, и в то же время утверждалась святость человеческой жизни и права, обеспечивающего ее защиту [18, с. 22]. Обращалось внимание на необходимость переосмысления привычной связи между природой и обществом, биологическим и социальным, материальным и духовным, о важности выработки единого целостного видения мира и человека в мире с учетом новейших естественно-научных открытий и идеи естественного права [33, с. 23; 24, с. 23; 41, с. 27].

Однако до настоящего момента проблема определения «сущности и назначения человека» все же в основном остается в сфере внимания философии, богословия и медицины. В юридической доктрине человек чаще всего рассматривается лишь как некий носитель прав и обязанностей. По выражению П. Деларова, «понятие личности обрисовывается понятием суммы принадлежащих ей частных субъективных прав, притом приобретенных и не приобретенных (в техническом смысле слова), действующих и возможных [16, с. 1].

В то же время не представляется возможным отрицать, что в основе «суммы действующих и возможных прав» лежит более или менее четкое представление о том, что является характерным для человека как живого существа определенного вида. Это представление так или иначе отражено в праве любой страны. Это также означает, что право исходит из некоей концепции сущности человека, которая и определяет как содержание нормативно-правовых актов, так и политику государства. При этом преобладание в правовой системе того или иного взгляда может быть обусловлено не только его распространенностью среди граждан страны, но и предпочтениями государства в лице одного человека или группы людей, т. е. искусственно навязываемой государственной идеологией.

При отсутствии в стране (у народа) правовой системы, или в случае ее чрезмерной казуистичности, универсальные представления о человеке латентно содержатся в философской или (скорее) в религиозной традиции,

которые определяют общую политику страны и конкретное поведение каждого из граждан.

В целях обозначения человеческой личности в международном и российском законодательстве употребляются термины «человек», «человеческое существо», «член человеческой семьи», «лицо» («каждый») [6, с. 39; 20, с. 307]. При этом объем понятия этих терминов не раскрывается.

Если обратиться к современному российскому законодательству, можно сделать следующие выводы об общегосударственном понимании человека. Согласно Гражданскому кодексу (ст. 1, гл. 3 и т. д.) [11], человек – это физическое существо, т. е. природное (от греч. *physis* – природа), материальное, органическое живое тело, имеющее начало – рождение и конец – смерть. Об этом также говорят положения Уголовного кодекса РФ [34], например статьи об убийстве (ст. 105–110), причинении телесных повреждений (ст. 111, 112) и т. п.

Положения Конституции РФ (ст. 22, 23, 29), ГК РФ (ст. 1, 9), УК РФ (гл. 17 и др.) свидетельствуют, что человек мыслится свободным, автономным существом, независимо определяющим свои желания и поступки. Из содержания ст. 19 Конституции РФ, ст. 17 ГК РФ, ст. 4 УК РФ следует понимание равенства любого человека с другими людьми.

Психическая и физическая возможность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими и вследствие этого необходимость нести ответственность отражены в ст. 52 Конституции РФ, ст. 11, 12, 24 ГК РФ, ст. 19 УК РФ.

В то же время признается, что человек – развивающаяся система, не обладающая всегда и одновременно всеми качествами. Поэтому в Гражданском, Уголовном кодексах РФ предусматривается меньшая ответственность или полное ее отсутствие за детьми различного возраста, душевнобольными, ограничение некоторых их прав. В законодательстве также отражена точка зрения, в соответствии с которой человек – нравственное существо, и поэтому вред, причиненный человеку и обществу, может быть не только физическим, денежным, но и моральным. Об этом свидетельствуют ст. 21, 23, 51 Конституции РФ, гл. 8 ГК РФ, ст. 128, 129, 130 УК РФ.

Человек мыслится существом, для которого характерным и естественным является наличие семьи. Об этом упоминается в Конституции РФ, УК РФ, ГК РФ, Семейном кодексе РФ [30].

Как подчеркивает А. Е. Никитина, в российском законодательстве прослеживается отсутствие единого подхода к пониманию человека [25,

с. 296–297]. Это, в частности, обнаруживается в установлении противоречащих друг другу прав человека, а также в несоответствии законодательства реальной жизненной практике. При этом одним из последствий данной ситуации является правовой нигилизм граждан. Другое последствие – это навязывание и культивирование со стороны позитивного права определенных (часто противоестественных) взглядов на традиционные ценности. Типичным примером в данном случае может послужить ситуация, связанная с суррогатным материнством и абортom.

С одной стороны, общественная мораль и сознание исходят из высокой ценности материнства, важности нравственного восприятия как самой матерью, так и всеми окружающими актов вынашивания и рождения ребенка. Научные данные физиологии и психологии свидетельствуют об огромной физической, эмоциональной и духовной связи матери и ребенка. Конституция РФ (ст. 38) подчеркивает, что материнство и детство защищаются государством.

С другой стороны, существующее в российском законодательстве установление возможности вынашивания и рождения ребенка не с целью материнства, законодательное разрешение прерывания беременности практически на любых сроках беременности, признание экстракорпорального оплодотворения ведет к нивелированию ценности этих явлений.

Следует отметить, что задача выработки концепции сущности человека не может быть решена механически (путем получения исчерпывающих сведений и формулирования четкой дефиниции). Кроме того, следует иметь в виду, что данная концепция и не должна иметь вид формального жесткого определения в силу ценностной и трансцендентальной природы человека. Возможно также, что человек, как не сам себя сотворивший, никогда не сможет постичь Истину о самом себе.

Однако современные реалии накладывают на человеческое общество особую ответственность. Научно-технический прогресс утверждает другой уровень жизни как в техническом, так и в этическом, и юридическом плане.

Поиск адекватной современной жизни юридической концепции человека обязывает обратиться к двум источникам знаний о человеке. Первый – это собственное представление людей о самих себе как о носителях определенных социальных свойств и характеристик. Эти представления основываются на данных психологии, социологии и других гуманитарных наук и получают обобщение в философских выводах. Второй – медицинская наука, которая занимается изучением биологической составляющей –

человеческого тела. Именно эти знания в конечном счете воплощаются в нормативно-правовых актах и определяют, что человек может и должен.

Объем понятия «человек» напрямую связан с историей своего происхождения. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона говорит о том, что первоначально термин «человек» был лишен того внутреннего содержания, какое в него вкладывают теперь [43, с. 486–487]. «Человеком» у первобытных племен называется только соплеменник. В переводе с некоторых языков термин «человек» буквально означает «из моей деревни», «из этой земли», «здешний».

С развитием торговли, мореплавания, завоеваний и образования огромных империй начинается формирование единого общего термина «человек» и «человечество». Идея «человечества» как совокупности всех людей, имеющих одно происхождение, имеет для нас огромное значение. Именно она легла в основу всех идей и идеалов гуманитарных концепций дальнейших периодов человеческого мышления.

Кроме понятия «человек» также используются дефиниции «личность» и «лицо», «особа», «индивидуум», которые иногда употребляются с тем же значением, а иногда с другим. «Лицо – передняя часть головы человека; особа; человек; самостоятельное, отдельное существо»² [13, с. 258]. Слово «особа» произошло от особенного, т. е. индивидуального, отдельного, отличного от других. «Индивидуум (индивид) – от лат. – неделимое, лицо, особь, единица...» [13, с. 44]. Таким образом, все эти слова свидетельствуют, прежде всего, о непохожести, самостоятельности человеческого индивида.

В соответствии с Большой советской энциклопедией – «человек, высшая ступень живых организмов на Земле, субъект общественно-исторической деятельности и культуры. Человек есть живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального, наследственного и прижизненно приобретенного» [4, с. 137].

В ряде классических трудов мы также можем найти достаточно основополагающих определений человека³. В частности, данной проблемой были озабочены Аристотель [2, с. 379], Э. Роттердамский [29, с. 111–114],

² Происхождение слова «личность» связано с понятием личины, маски, определенной жизненной роли (в рамках западного рационализма), а также понятием лика Божьего (в отечественной традиции).

³ Данный аспект рассматривается в рамках европейской философии. Взгляды философов Востока не включены в предмет рассмотрения в силу ограниченности объема работы, а также специфики восточного мировоззрения.

И. Кант [17, с. 249–251] и Б. Паскаль [26, с. 230, 233, 238], Т. Гоббс [9, с. 441], К. А. Гельвеций [8, с. 93–97], Л. Фейербах [39, с. 186, 200–203] и другие выдающиеся мыслители.

Люди различных исторических эпох и культур по-разному делали акцент в определении человека. Одни приоритет отдавали духовности человека, другие – животным инстинктам, третьи – способности говорить и думать. За долгие тысячелетия у человечества накопилось достаточно знаний о самом себе. Эти знания всегда находили отражение в праве. По законодательству различных эпох и континентов можно определить, как менялось представление о человеке. Так, в эпоху Аристотеля естественным считалось, что одни люди созданы для того, чтобы господствовать, а другие – для того, чтобы быть рабами. Для Спарты нормальным считалось уничтожать слабое потомство. Для гуманистов эпохи Возрождения не было ничего противоестественного в том, что женщины и неимущие не обладают основными политическими правами. В некоторых современных обществах положение женщины до сих пор юридически не соответствует международным стандартам. Это обусловлено приписываемыми женщине свойствами и характеристиками.

«История прав человека – это история прогрессивного расширения правового признания в качестве человека тех или иных людей для того или иного круга отношений, история обогащения и распространения принципа правового равенства на все более широкий круг людей и отношений» [24, с. 23].

Не последнюю роль в этом процессе сыграло развитие медицинской науки. Медицина, как уже говорилось, имеет дело прежде всего с другой составляющей человека – биологической. В биологическом отношении человек имеет совершенно определенные признаки, не свойственные больше никаким живым существам.

В соответствии с современной официальной позицией медиков, человек – это млекопитающее (класс), подкласс – плацентарных одноутробных, отряд приматов, хордовое животное, характеризующееся живорождением и питанием новорожденных молоком матери (отсюда название класса). Тело отличается полярностью: имеются два дифференцированных конца тела; существует двубоковая (билатеральная) симметрия, то есть обе половины тела являются сходными, а большинство органов – парными; различима сегментарность – тело делится на сегменты, расположенные последовательно и т. д. [1, с. 36].

Медицинской науке известны органы, входящие в организм человека, их примерное взаимодействие и другие характеристики нормального

человеческого тела. Изучены некоторые патологии и дефекты человеческого организма.

Большое значение для медицины имеет категория нормы. «Норма – это гармоническая совокупность таких вариантов строения и соотношения таких структурных данных организма, которые характерны для человека как вида и обеспечивают полноценное выполнение биологических и социальных функций» [1, с. 35]. В свою очередь, аномалия (*anomalos*, греч. – несходный) определяется медицинской наукой как «отклонение от нормы, выраженные в различной степени. Они также имеют разновидности, из которых одни... не нарушают установившегося равновесия со средой и, следовательно, не отражаются на функции... Другие аномалии сопровождаются расстройством функций организма или отдельных органов, нарушают равновесие организма со средой... или даже полностью приводят его к полной нежизнеспособности...» [1].

Таким образом, на основании выделенных медицинских признаков всегда можно отличить человека от другого существа. В то же время практика показывает, что, даже имея четкие биологические критерии, люди неоднозначно отвечают на вопрос «Человек ли это».

Например, умственно неполноценных людей, несмотря на аномалии развития организма, в любом случае признают людьми. Юридически за ними признается человеческое достоинство и право на защиту, хоть и ограниченных, но все-таки принадлежащих им человеческих прав. Это также касается и людей с врожденными аномалиями в развитии тела (например, без рук, других частей тела, без каких-либо органов, при условии жизнеспособности такого человека, сиамских близнецов и т. д.).

Однако при рождении ребенка без головы, мозга или других жизненно важных органов – сердца, легких и т. д. определение его статуса крайне затруднительно. Несмотря на свою нежизнеспособность, он может прожить несколько часов или минут (иногда, дней). В юридическом отношении эта ситуация вызывает затруднения: как относиться к такому ребенку в указанный период? Как к человеку с аномалиями или уже как к нечеловеку (совокупности органических тканей)?

Из практики акушеров известно, что обычно таких детей усыпляют медикаментами до наступления их естественной гибели либо оставляют без ухода и те погибают от переохлаждения или от других причин [35, с. 43; 42, с. 8]. Очевидно, в одном из указанных случаев мы имеем дело с эвтаназией, во втором – с убийством (неоказание помощи больному). Однако формально и об эвтаназии, и об убийстве можно говорить лишь тогда,

когда объектом врачебного вмешательства является существо, признаваемое с юридической точки зрения человеком.

Вышесказанное приводит к выводу о том, что вопрос об определении человека впервые и постоянно возникает при рождении человеческого существа, поскольку именно рождение является единственным (пока!) способом появления человека на свет. При этом для определения правового статуса человека фактор определения начала жизни является наиболее важным. Именно в этот момент появления человека отражается в правовой действительности.

Рождение человека в юриспруденции получило значение «юридического факта». В различные времена данное явление (с точки зрения его социального значения – обретения прав) понималось по-разному как законодателями, так и врачами и философами.

Медицина различает два периода онтогенеза человека (индивидуального развития):

1. Внутриутробный (пренатальный или антенатальный):

– эмбриональный (первые 8 недель), когда происходит формирование органов и частей тела, свойственных взрослому человеку;

– фетальный-плодный, когда увеличиваются размеры и завершается органообразование;

– перинатальный период начинается с 28 недель беременности, включает период родов и заканчивается через 7 полных дней жизни новорожденного.

2. Внеутробный (постнатальный) [1, с. 33].

Как видно из вышеприведенных данных, медицина признает внутриутробный период частью жизни человека. Общеизвестно также, что индивидуальное развитие начинается с момента оплодотворения яйцеклетки.

Таким образом, медицинские данные четко отражают реальное начало бытия человека – момент оплодотворения.

Понятие человеческого достоинства нигде юридически не определено. В юридической доктрине данная проблема неоднократно была предметом специальных исследований [12; 27; 28; 32].

Под понятием «человеческое достоинство» правоведы подразумевали, прежде всего, определенные социальные свойства человека, такие как честность, благородство, великодушие и т. д. Таким образом, большинство исследователей, как правило, ограничивались взглядом на данную категорию как на общее выражение принципа гуманизма всей правовой системы государства.

Вместе с тем в большинстве международно-правовых актов человеческое достоинство упоминается главным образом в преамбулах как базовая исходная категория, из которой выводятся основные человеческие права-признаки: свобода, неприкосновенность, равенство и т. д. Именно оно является основанием всех прав и свобод человека. В связи с этим при правовом регулировании новых явлений и в правоприменительной практике возникает много проблем и закономерные споры о том, что противоречит человеческому достоинству, а что нет.

Термин «достоинство» имеет значение стоимости, ценности, соразмерности, сообразности [14, с. 479, 480]. Из этого следует, что человеческое достоинство – это то, что сообразно человеку. В таком же смысле употребляются понятия «человеческая природа» и «человеческое естество». Согласно толковому словарю В. Даля, под природой в данном случае можно понимать нечто земное, плотское, телесное и вещественное в человеке (в противоположность духовному, невещественному). Это понятие также подразумевает и врожденные свойства, прирожденные качества, т. е. данные от рода (вида), рождения. Естество, согласно этому же автору, – все, что есть, природа, порядок ее и законы; сущность по происхождению; неискусственное; непротивное законам природы.

Во многих философских, юридических текстах указывается, что достоинство человека зиждется на некоем постоянстве в определенном наборе признаков, которые у разных авторов варьируются. Анализ мнений относительно сущности человека приводился выше. Например, Б. Паскаль считал, что человеческое «достоинство – в способности мыслить» [26]. Л. Фейербах в определении человека делал акцент на его разуме, воле, сердце, универсальности и общении с себе подобными [40], Н. А. Бердяев – на творчестве и духовности [3, с. 50–60] и т. д.

В. Соловьев справедливо отмечал, что «человеческое достоинство каждого лица, или его свойство быть нравственным существом, вовсе не зависит от его природных качеств, ни от его полезности: этими качествами и этой полезностью может определяться внешнее положение человека в обществе, относительная оценка его другими лицами, но никак не собственное значение и человеческие права. Именно благодаря достоинству, формальной бесконечности разума во всяком человеке, благодаря тому, что каждое лицо есть нечто особенное и незаменимое, человек имеет безусловное достоинство и безусловное право на существование, на свободное развитие своих положительных сил. Именно поэтому никакой человек не может быть средством для целей других людей или целей общества...

Только относясь к другим как к лицам, индивидуальный человек и сам определяется как лицо». И далее: «...высочайшее достоинство человека... состоит не в том, чтобы побеждать во времени, а в том, чтобы хранить пределы вечные, одинаково священные для прошедшего и будущего» [31, с. 285].

Если обобщить различные высказывания по определению сущности достоинства человека, то можно условно выделить две основных позиции. Первая позиция основывается на признании божественности (или, по-другому, трансцендентальности) происхождения человеческой личности и иррациональной ценности любой человеческой жизни. Другая во главу угла ставит различные социальные качества человека. Именно эта вторая позиция и легла в основание юридической концепции прав человека.

С учетом отмеченных различий во взглядах, необходимо выделить некоторые общие (наиболее распространенные) положения, касающиеся неотъемлемых признаков достоинства человека. В числе таких признаков можно назвать следующие:

- неповторимость (как социальную, так и биологическую);
- разумность (не только в смысле умения считать и т. д., а в смысле умения различать справедливое и несправедливое);
- духовность или нравственность (в смысле возможности испытывать такие чувства, как любовь, сострадание, благодарность);
- свобода (возможность выбирать, а также право, прежде всего, быть самоцелью, а не средством);
- равенство (и не математическое, которое не связано с понятием справедливости, а этическое, то есть равенство в человеческом достоинстве);
- самостоятельность (возможность контролировать свои действия и нести за них ответственность перед собой и окружающими).

Следует отметить, что в данном случае слово «достоинство» рассматривается в строгом смысле. Дело в том, что его бытовое значение, как правило, подразумевает наличие у человека нравственных позитивных характеристик, таких как «честность», «великодушие», «благородство» и т. д.

Теперь необходимо более подробно обратиться к вопросу об отражении категории достоинства человека в нормативно-правовых актах. Прежде всего данная категория наиболее часто встречается в международных актах, составляющих так называемый Билль о правах. В частности, это Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Венская декларация 1993 г., Декларация о расе и расо-

вых предрассудках 1978 г. В этой связи также следует отметить некоторые другие международно-правовые документы общего характера (устав ООН [37], устав ЮНЕСКО [38], устав ВОЗ [36]). Кроме того, категория человеческого достоинства фигурирует в Конституции РФ, Основах законодательства РФ о здоровье граждан, ГК РФ, УК РФ и некоторых других документах.

В преамбуле Всеобщей декларации прав человека 1948 г. говорится: «...признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира...»

Цитируемая Декларация содержит важный постулат, что люди «наделены разумом и совестью...» При этом следует учитывать, что умственно отсталые люди, дети и коматозные больные не имеют или не могут реализовать такие качества, как разум и совесть. Тем не менее общество не отказывает им в тех правах, которые могут быть, хотя и не осознанно, но использованы ими или их представителями в их интересах. Наоборот, Декларация о правах инвалидов от 9 декабря 1975 г., Декларация о правах умственно отсталых лиц от 20 декабря 1971 г., а также Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. [20] специально провозглашают, что за упомянутыми категориями граждан должно признаваться право на уважение их человеческого достоинства. Этим людям признают личностями, независимо от их состояния – физического или психического.

Таким образом, очевидно, что разум, совесть и воля не являются неотъемлемыми для человека. Следовательно, названные признаки не могут считаться критериями наличия человеческого достоинства. Это необходимо учитывать при решении вопроса об универсальной концепции сущности человека, которая должна быть положена в основу правового регулирования любых явлений общественной жизни.

Далее необходимо рассмотреть качество уникальности человека, которое также признается критерием наличия человеческого достоинства. Следует сказать, что уникальность как основополагающее качество человеческой особи до последнего момента только презюмировалась и не была закреплена юридически. До последнего времени единственным документом, который имел косвенное отношение к этой проблеме, была Декларация о расе и расовых предрассудках 1978 г. [15]. В указанной Декларации провозглашалось право на «непохожесть». В частности, ст. 2 гласила, что «все люди имеют право отличаться друг от друга, рассматривать себя как

таковых и считаться таковыми...» В то же время оговаривалось, что это право не должно служить основанием неравенства прав людей.

История человечества подтверждает, что свойство неповторимости человека, хоть и осознанное как самостоятельная ценность не сразу, всегда признавалось неотъемлемой чертой человеческого существа. Именно этим качеством обуславливалась ценность любого человека – честного и нечестного, доброго и злого, здорового и больного.

В связи с этим разделение людей на «лучших» и «худших» (в юридическом отношении) давно было признано недопустимым и аморальным, а дискриминация была запрещена на уровне международных и национальных юридических актов.

Как свидетельствует естественно-историческая концепция происхождения права, закрепление какого-либо права происходит, как правило, только тогда, когда определенный интерес начинает нарушаться и, таким образом, осознается людьми как необходимая ценность.

Уникальность человеческой личности начала осознаваться как ценность только в конце XX в. Возможность генетической инженерии, создания химер и клонирования человека посягают на уникальность человека и грозят привести к нивелированию ценности этого качества.

Вследствие этого международным сообществом были предприняты меры по защите человеческой уникальности. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г. [44] (или, коротко, Конвенция о правах человека и биомедицине) уделяет особое внимание защите человека и прежде всего его человеческого достоинства со стороны медицины, биологии и генетики. Данный акт впервые употребляет (ст. 1) слова «индивидуальность» и «целостность» как свойства человеческой личности, подлежащие защите. В связи с этим в Конвенции устанавливается запрет на вмешательство в геном человека (ст. 13), а также любой формы дискриминацию по признаку генетического наследия (ст. 11).

Тему защиты человеческого генома продолжает и развивает документ международного уровня, который был принят ЮНЕСКО ООН в ноябре 1997 г. под названием Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека [7].

Ст. 1 Декларации провозглашает: «Геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, а также признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия. Геном человека знаменует собой достояние человечества».

В ст. 3 Декларации указывается на эволюционный характер генома человека, что приводит, в результате мутаций, а также влияния природной и социальной среды, к разным его проявлениям. Из этих положений следуют два важных момента: первый – то, что личность человека не сводится только к его генетическим характеристикам; второй – то, что в основе человеческого существа лежит некая матрица – родовой человеческий геном, т. е. некий набор генов. Этот набор уникален и отличается от набора генов любого другого существа – животного или химеры.

Декларация утверждает право любого человека, независимо от его генетических характеристик, на уважение его человеческого достоинства и прав. При этом под человеческими характеристиками подразумевается как обычное генетическое разнообразие, так и генетические отклонения – заболевания. В ст. 2 документа поясняется, что признание за человеком достоинства предполагает уважение его уникальности и неповторимости.

Подобная точка зрения нашла отражение и в российской юридической доктрине. Так, известный исследователь юридических аспектов генетики М. И. Ковалев считает, что «...достоинство неотъемлемо от постоянства, ибо все, что мимолетно и преходяще, не может обладать каким-либо достоинством. В этом смысле постоянство человеческой сущности и есть его достоинство. Последнее сохраняется благодаря передаче по наследству строго определенных физиологических, психических и душевных качеств, присущих человеческому существу (в общем плане), и индивидуальных признаков, присущих родителям (в индивидуальном). Именно передача этих признаков определяет сущность и постоянство человеческой природы и предохраняет поколение от постепенного перерождения» [19].

Таким человеческое достоинство юридически должно признаваться за всеми членами человеческой семьи, куда входят люди как с физическими, так и психическими недостатками, а также человеческие существа на любой стадии развития, включая эмбриональную. Если толковать это положение буквально, необходимо будет признать человеческое достоинство и за существами (клонами) без головы или мозга, органы которых предполагают использовать для трансплантации. Такие существа должны будут рассматриваться как члены человеческой семьи (благодаря человеческому геному), но с физическими и психическими недостатками. В то же время такие существа не могут быть жизнеспособны, а значит, по российскому законодательству их нельзя признать субъектами права. Однако для использования таких существ в целях трансплантации законодателю необхо-

димо будет специально закрепить положение, в соответствии с которым такие существа не будут являться носителями человеческого достоинства.

Традиция понимания человека, его тела, его соматических прав должна быть основана на категории человеческого достоинства. Защита человеческого достоинства не может оспариваться.

Список литературы

1. Анатомия человека / под ред. М. Г. Привеса. – М.: Медицина, 1985. – С. 35–36.
2. Аристотель. Политика // Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 379.
3. Бердяев Н. О назначении человека. – Париж: УМСА-Press, 1931. – С. 50–60.
4. Большая Советская Энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1978. – Т. 29. – С. 137.
5. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М.: Наука, 1979.
6. Всеобщая декларация 1948 г. // Международные акты о правах человека. – М.: НОРМА-ИНФРА М, 1999. – С. 39.
7. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека // Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека»: междунар. док. и аналитические материалы / сост.: В. И. Иванов, Б. Г. Юдин. – М., 1988. – С. 102.
8. Гельвеций К. А. О человеке // Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1974. – Т. 2. – С. 93–97.
9. Гоббс Т. Человеческая природа // Избр. произведения: в 2 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 1. – С. 441.
10. Государственное право Германии / пер. с нем. – М., 1994. – Т. 1. – С. 22.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. I // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 1996. – № 5. – Ст. 410.
12. Гумилев В. Е., Рудинский Ф. М. Демократия и достоинство личности / отв. ред. Н. М. Топорнин. – М.: Наука, 1983.
13. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Изд-во иностр. и национальных слов., 1955. – Т. 2. – С. 258.
14. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. – С. 479, 480.
15. Декларация о расе и расовых предрассудках 1978 г. // Междунар. акты о правах человека: сб. док. – М.: Норма-Инфра М, 1999. – С. 114–119.
16. Деларов П. Очерки по энциклопедии права. Т. 1. Очерк 1. О праве в ряду других сфер умственной жизни человека. – СПб.: Тип. Б. Г. Ямпольского, 1878. – С. 1.
17. Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба. 1755 // Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1963. – Т. 1. – С. 249–251.
18. Карташкин В. А. Всеобщая декларация и права человека в современном мире // Права человека в истории человечества и в совр. мире / под ред. Е. Л. Лукашевой. – М., 1989.

19. Ковалев М. И. Генетика человека и его права: юридические, социальные и медицинские проблемы // Гос-во и право. – 1994. – № 1. – С. 22.
20. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Междунар. акты о правах человека. – С. 306–323; 307; 341–342; 343–344.
21. Кудрявцев В. Н., Лукашева Е. А. Новое политическое мышление и права человека // Вопр. философии. – 1990. – № 5.
22. Мальцев Г. В. Новое мышление и современная философия прав человека // Права человека в истории человечества и в совр. мире / ред. Е. А. Лукашева. АН СССР. Ин-т гос. и права. – М., 1989.
23. Мюллерсон Р. А. Права человека: Идеи, нормы, реальность. – М.: Юрид. лит., 1991.
24. Нерсесянц В. С. Права человека в истории политической и правовой мысли // Права человека в истории человечества и в совр. мире. – М., 1989. – С. 23.
25. Никитина А. Е. Принцип уважения человеческого достоинства при правовом регулировании биометрических технологий // Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности: материалы Всес. науч.-практ. конф. – М., 2004. – С. 296–297.
26. Паскаль Б. Из «Мыслей» // Размышления и афоризмы французских моралистов XVI–XVIII веков. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1987. – С. 230, 233, 238.
27. Придворов Н. А. Достоинство личности и социалистическое право. – М.: Юрид. лит., 1977.
28. Проблема свободы и прав человека в современной идеологической борьбе / ред. Д. А. Керимов, В. М. Чхиквадзе. – М.: Политиздат, 1986.
29. Роттердамский Э. Оружие христианского воина // Философские произведения. – М.: Наука, 1986. – С. 111–114.
30. Семейный кодекс Российской Федерации. – СПб.: Альфа; РАВЕНА, 1996.
31. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – С. 285.
32. Социалистическая концепция прав человека / отв. ред. В. М. Чхиквадзе, Е. А. Лукашева. – М.: Наука, 1986.
33. Топорнин Б. Н. Декларация прав человека: новые подходы // Права человека: проблемы и перспективы. – М.: Тип. Минстанкопрома СССР, 1990.
34. Уголовный кодекс Российской Федерации от 1 января 1997 г. // СЗ РФ. – 1996. № 25. – Ст. 2954.
35. Уилки Дж., Уилки Б. Аборт. Вопросы и ответы. – М.: МНПП «ЭСИ», 1994. – С. 43.
36. Устав ВОЗ // ВОЗ. Основные документы. – Женева: Медицина, 1986. – С. 5–26.
37. Устав ООН (Извлечение) // Международные акты о правах человека: сб. док. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – С. 37–39.

38. Устав ЮНЕСКО // Свод нормативных актов ЮНЕСКО: Конвенции, соглашения, рекомендации, декларации. – М.: Междунар. отношения, 1991. – С. 25–35.
39. Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Избр. филос. произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 186, 200–203.
40. Фейербах Л. Сущность христианства // Избр. филос. произведения. – С. 186, 200–203.
41. Чиквадзе В. М. Социалистический гуманизм и права человека. – М.: Наука, 1978.
42. Шервин У. Международная ситуация в области защиты жизни // Право на жизнь. – М.: МНПП «ЭСИ», 1994. – С. 8.
43. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб.: Семеновская Типолит. (И. А. Ефрона), 1890. – С. 486–487.
44. Convention on Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine // Texts of the Council of Europe on bioethical matters, Strasbourg, February 1999. – P. 119–130.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.53(470)

Л. Ю. Свистунова, Т. А. Коломейцева

Институт парламентского контроля в региональных законодательных органах РФ: проблемы становления и развития

В статье рассматриваются проблемы становления и развития парламентского контроля в законодательных органах субъектов РФ, исследуются различия в закреплении форм и механизма осуществления парламентского контроля законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ, предлагается ряд законодательных мер для повышения его эффективности.

In this article the problems of establishment and development of parliamentary control in the legislative bodies of constituent entities of the Russian Federation. Explores the differences in the clamping, building of the moods and mechanism of the implementation of parliamentary control of legislative (representative) bodies of government power of subjects of the Russian Federation, proposed a number of legislative measures to enhance effectiveness.

Ключевые слова: региональный парламентский контроль, правовое регулирование, законодательный орган субъекта РФ, контрольные полномочия.

Key words: regional parliamentary control, legal regulation, the legislature of the subject of the Russian Federation, control powers.

Исследование правового закрепления института парламентского контроля в субъектах Российской Федерации и проблем его реализации основывается, в первую очередь, на положениях федерального законодательства, закрепляющего особенности правового статуса регионального законодательного (представительного) органа. Опираясь на положения, сформулированные в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. (с изм. и доп.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», можно констатировать, что приоритетными

функциями данного органа государственной власти субъекта РФ выступают законодательная и представительная. Вместе с тем законодательный (представительный) орган субъекта Федерации реализует и другие функции, закрепленные в ст. 5 вышеназванного закона. К таким важнейшим функциям относится и контрольная функция парламента. Следует отметить, что в последние годы региональное законодательство развивается и совершенствуется по многим направлениям намного стремительнее, чем федеральное (это явление получило весьма емкое определение «опережающее законотворчество»). В частности, во многих субъектах Российской Федерации были приняты законы, закрепляющие и регламентирующие реализацию контрольных полномочий региональными парламентами, определяющие цели, задачи и формы парламентского контроля, права и обязанности его субъектов. Вместе с тем парламентские процедуры, обеспечивающие контрольную деятельность, требуют дальнейшего развития законодательства.

В теории конституционного права существует множество различных, порой противоположных, мнений о соотношении законодательной и контрольной функций парламента, но, по нашему мнению, наиболее предпочтительной является позиция, согласно которой деятельность законодательного (представительного) органа государственной власти рассматривается в единстве и взаимодействии его представительной, законодательной и контрольной функций.

Контрольная деятельность законодательного (представительного) органа государственной власти реализуется в качестве самостоятельной правовой формы деятельности, которая позволяет наиболее полно раскрыть политико-правовую природу представительных органов [2]. По справедливому мнению многих ученых-конституционалистов, реализация контрольных функций законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ играет важную роль в его деятельности. Возможность осуществления парламентского контроля за органами исполнительной власти создает условия для реализации законодательных положений, что, в свою очередь, позволяет совершенствовать законодательную деятельность. Следовательно, наделение законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ реальными контрольными полномочиями в полной мере обеспечивает реализацию принципов разделения властей и народовластия в организации системы органов государственной власти в Российской Федерации.

Однако большинство конституций (уставов) субъектов Российской Федерации, воспроизводя формулировку ст. 94 Конституции РФ и ст. 4 ФЗ № 184, закрепляют конституционно-правовой статус регионального парламента только как представительного и законодательного органа. Исключения составляют Конституции Удмуртской Республики и Республики Саха (Якутии), а также Устав Пермского края, в которых региональный парламент определен как законодательный, представительный и контрольный орган государственной власти. Представляется, что необходимо закрепить в основных законах субъектов РФ важнейшую функцию законодательного (представительного) органа – контрольную.

Законодательство большинства субъектов России закрепило в региональных законах осуществление собственными представительными органами контрольных полномочий. Такие субъекты Российской Федерации, как Республика Дагестан, Санкт-Петербург, Саратовская область, Хабаровский край приняли специализированные законодательные акты, закрепляющие правовые основы, а также механизм реализации контрольных полномочий органов законодательной власти над исполнительными органами субъектов РФ. Кроме того, некоторые субъекты РФ приняли специализированные законы, которые закрепляют контрольные полномочия при проведении отдельных организационно-правовых форм деятельности законодательного (представительного) органа, в частности закон Сахалинской области «О постоянных комитетах Сахалинской областной Думы», закон Волгоградской области «О публичных (депутатских) слушаниях в Волгоградской областной Думе», Закон Алтайского края «О депутатских слушаниях в Алтайском краевом Законодательном Собрании», закон Еврейской автономной области «О депутатском расследовании».

Формы реализации парламентского контроля и пределы его осуществления можно выявить только при анализе тех предметов ведения, которые закреплены за региональными парламентами. Под парламентским контролем понимают конституционное полномочие представительного (законодательного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации по соответствию деятельности региональных органов исполнительной власти Конституции РФ, конституциям (уставам) субъектов РФ, федеральному и региональному законодательству, по обеспечению эффективной реализации принимаемых парламентами законов [1]. Правовая сущность парламентского контроля просто и точно разъяснена видным русским правоведом С.А. Котляревским: «Если парламент участвует в осуществлении законодательной власти, он не может быть равнодушным к исполнению этих законов [3]».

Следует отметить, что в настоящее время юридической наукой не разработано четкое и однозначное понятие парламентского контроля. Федеральное законодательство, регламентирующее основания и порядок его осуществления, не поясняет данный термин, возможно, считая его очевидным, или, напротив, чрезмерно многозначным. В нормах регионального законодательства встречаются попытки формулирования дефиниции парламентского контроля, контрольных полномочий парламента в целом или депутата (депутатов) законодательного (представительного) органа, но в большинстве случаев в региональных законах закреплена лишь возможность парламентского контроля. Так, в ст. 3 закона Вологодской области «О контрольных полномочиях Законодательного Собрания Вологодской области» под таковыми понимаются права и обязанности по осуществлению контроля за соблюдением и исполнением федерального и областного законодательства государственными и муниципальными органами, организациями и должностными лицами.

В процессе исследования понятия парламентского контроля важным является определение целей, задач, принципов, содержания и форм контрольной деятельности. Основными целями регионального парламентского контроля можно назвать цели, следующие из ст. 2 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле»: обеспечение соблюдения и исполнения конституций (уставов) и законов субъектов Российской Федерации; защита прав и свобод человека и гражданина; обеспечение эффективного функционирования государственной власти на региональном уровне; укрепление законности и правопорядка; выявление ключевых проблем в деятельности региональных государственных органов, повышение эффективности системы государственного управления; противодействие коррупции; изучение практики применения федерального и регионального законодательства и выработка рекомендаций, направленных на его совершенствование и повышение эффективности исполнения. В данном федеральном законе абсолютно не регламентированы задачи парламентского контроля, которые, тем не менее, получили свое отражение в нормах законов ряда субъектов Российской Федерации.

Содержание парламентского контроля выражено в закрепленных полномочиях законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а его формы – в установлении определенных способов и средств реализации данных полномочий. Контрольные полномочия – постоянный элемент, присущий деятельности

региональных законодательных (представительных) органов. Вместе с их развитием совершенствуются содержание, формы и методы контрольной деятельности парламентов. При этом остается неизменной сущность регионального парламентского контроля, заключающаяся в контроле населением субъекта Федерации, осуществляемом через законодательный (представительный) орган, являющийся выразителем его суверенных прав.

Как уже отмечалось, региональный парламент осуществляет контрольную функцию при помощи самых разнообразных методов и форм. Согласно региональному законодательству, парламентский контроль осуществляется в следующих формах: рассмотрение информации о соблюдении и ходе исполнения федерального и регионального законодательства; проведение депутатами парламентов проверок исполнения нормативно-правовых актов; депутатский запрос; парламентские слушания; парламентские расследования. Наряду с этими отдельные субъекты Российской Федерации выделяют следующие формы контроля: принятие решения об устранении нарушений, которые выявлены при его осуществлении; подготовка ежегодного доклада о состоянии законодательства и его рассмотрение региональным законодательным органом; проведение конференций, семинаров, круглых столов по вопросам контроля; обращение с иском в соответствующий суд в случае нарушения регионального законодательства, повлекшего нанесение ущерба субъекту Российской Федерации. В законодательных органах некоторых субъектов РФ ввели такую форму парламентского контроля, как ответственность исполнительного органа государственной власти субъекта РФ перед парламентом, закрепив ежегодные отчеты высшего должностного лица субъекта РФ (Самарская область).

Таким образом, современное состояние регионального парламентского контроля характеризуется многообразием форм реализации контрольной деятельности законодательного (представительного) органа, а также разнообразием источников его регламентации (по сравнению с федеральными нормативно-правовыми актами).

Представляется, что закрепление института парламентского контроля во многих субъектах РФ объясняется, в первую очередь, отсутствием четкой правовой позиции федерального законодателя о целях, задачах и правовой природе парламентского контроля. В связи с этим возникает объективная необходимость целостного и доктринально обоснованного закрепления института парламентского контроля в субъектах Российской Федерации.

Федерации и необходимости принятия модельного федерального закона. Принятие подобного закона будет способствовать созданию эффективного правового механизма контрольной деятельности региональных парламентов (что повысит не только конституционно-правовой статус законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации) и совершенствованию системы государственного контроля в целом.

Список литературы

1. Григорьева Е.П. Парламентский контроль за деятельностью органов исполнительной власти: конституционно-правовые аспекты. – М., 2012.
2. Дюрягин И.Я. Право и управление. – М., 2010. – С. 60.
3. Котляревский С.А. Власть и право. – М., 1915. – С. 306.

**Цели уголовного наказания в механизме осуществления
конституционно-правовой политики государства**

Целью статьи является анализ различных теоретических подходов в исследовании роли и значения целей уголовного наказания в конституционной политике, выявление факторов взаимовлияния друг на друга. В качестве исследовательской задачи была определена попытка обоснования обусловленности проводимой национальной политики борьбы с преступностью законодательным определением целей уголовного наказания, оценить исходя из анализа исторической и правоприменительной практики, ее направленность, характер изменений, «просчеты-ошибки». Раскрываются закономерности, возникшие из анализа механизма функционирования целей наказания, свидетельствующие о том, что автор называет цель наказания «катализатором» развития гражданского общества. Особое внимание уделяется роли науки как гаранту обеспечения целей наказания, высказаны авторские точки зрения относительно неэффективности «несозревших» и устаревших для общества целей наказания в проводимой политике.

The purpose of the article is to analyze various theoretical approaches in the study of the role and significance of the goals of criminal punishment in constitutional policy, the identification of factors of mutual influence on each other. As the research task, the author defined an attempt to substantiate the conditionality of the national policy of combating crime by defining the goals of criminal punishment in a legislative way, to evaluate it on the basis of an analysis of historical and law enforcement practice, its direction, the nature of the changes, and "errors-mistakes". The regularities arising from the analysis of the mechanism of the functioning of the purposes of punishment are revealed, which indicate that the author calls the purpose of punishment a "catalyst" for the development of civil society. Particular attention is paid to the role of science as a guarantor of ensuring the goals of punishment, authorial points of view are expressed regarding the ineffectiveness of "not matured" and obsolete social goals of punishment in the policy pursued.

Ключевые слова: конституционная политика, уголовная политика, «гиперцели», ситуация общественной стабильности, авторитарный режим, по связи с преступной средой в данной местности», «ограничение развития», декриминализован, коррупция положительный социальный эффект, частно-превентивное воздействие.

Key words: constitutional policy, criminal policy, "hyper-goals", the situation of social stability, authoritarian regime, connection with the criminal environment in a given locality ", restriction of development ", decriminalized, corruption, positive social effect, private preventive influence.

Проблемы законодательного установления и реализации целей наказания находятся в тесной связи с конституционной политикой в целом и уголовной политикой в частности и, можно сказать, существенным образом ее определяют.

Сущность конституционной политики в сфере борьбы с преступностью во многом состоит в содействии обеспечения на своем уровне и своими средствами прав и свобод личности, поддержании баланса между областью государственно-политических отношений и сферой гражданского общества, выработке алгоритмов решения отрицательных «неконституционных» ситуаций, постановке нормативного прогноза развития общественным отношениям в данной сфере.

Общие цели борьбы с преступностью ставятся государством в интересах общества в целом. Главной целью борьбы с преступностью для государственной власти, на наш взгляд, является создание эффективно работающего государственного механизма пресечения совершенных и предупреждения новых преступлений. Для гражданского общества главной целью борьбы с преступностью является создание ситуации общественной стабильности, защищенного состояния как социальной группы, так и отдельных индивидов от преступных проявлений (на бытовом уровне это сводится к тезису о возможности «без опаски выйти на улицу»). Для отдельного представителя социума в сфере борьбы с преступностью важно достижение определенного уровня социального комфорта, позволяющего воспринимать преступность как художественный вымысел из области детективного жанра. К сожалению, в структуре общей преступности есть ряд общественно опасных посягательств, стать жертвой которых может любой индивидум, независимо от того, какой образ жизни он ведет, просто в силу случайного стечения обстоятельств (террористический акт в метро или в аэропорту, дорожно-транспортное происшествие, хищение имущества и др.). Поэтому установка на реализацию гиперцелей (искоренение преступности в принципе, как это декларировалось в 50–80 гг. XX в., например) является, на наш взгляд, популистской и непродуманной. Государственная власть выступает источником принуждения (в лице специальных органов, задействованных в сфере борьбы с преступностью и исполнения уголов-

ных наказаний), а само общество – носителем охраняемых ценностей, разработчиком норм поведения, которые в разные исторические периоды могут быть совершенно разными, а кроме того, отличаться друг от друга в зависимости от национальных, религиозных и иных традиций, поддерживаемых в социуме. В странах мусульманской правовой системы, например, уголовно наказуемое деяние рассматривается с двух позиций: за его совершение человек получит кару на земле, а также и кару на небе [8, с. 7]. Европейские государства давно сосредоточились на ресоциализации осужденных, а в США все большую популярность получает теория о том, что совершение преступления обусловлено низким социальным статусом человека, в силу которого у него нет возможности вести иной образ жизни, нежели преступный (общество потребления не оставляет шансов получить некие материальные блага законным путем).

Вместе с тем сегодняшнее состояние преступности и тенденции ее развития не позволяют в полном объеме говорить о том, что цели наказания достигаются теми средствами, которые предлагает действующее законодательство.

Бесспорно, цели наказания являются ориентирами развития уголовного и уголовно-исполнительного права в доктринальном плане, а также и совершенствования практики исполнения уголовных наказаний, в процессе которой обеспечивается их непосредственная реализация. На сегодняшний день создана обширная нормативная база для реализации целей наказания, однако на практике полноценный правовой механизм отсутствует. Не налажен в полном объеме общественный контроль за исполнением наказания и условиями содержания осужденных в исправительных учреждениях, не предусмотрены эффективные средства ресоциализации осужденных, на крайне слабом уровне ведется индивидуальная работа с ними.

Соответствующие историческому времени и необходимым требованиям цели наказания определяют направления развития всего комплекса наук так называемого «криминального цикла», лежат в основе прогрессивных методологических разработок в сфере карательно-воспитательного воздействия на осужденного и, кроме того, в конечном счете отражают социально-психологическое отношение общества к осужденному и примененному к нему наказанию как мере реагирования государства на совершенное преступление.

Сегодня состояние борьбы с преступностью на современном этапе в России отражает ряд неблагоприятных процессов, свидетельствующих о низкой эффективности применяемых к осужденным наказаний (высокий

уровень рецидива, значительное применение наказаний, связанных с изоляцией от общества).

Вышеизложенное указывает на актуальность исследования теоретических и прикладных аспектов целей современного наказания как с точки зрения необходимости постоянного изучения в динамике, так и с позиций востребованности такого исследования правоприменителем.

Исходя из целей наказания, предписанных уголовным законом, можно сделать вывод о цивилизованности государства и общества, демократичности и развитости его правовой системы, перспективах его развития. Авторитарный режим ведет, как правило, к изменению целей и содержания наказания в сторону их ужесточения, усилению карательного элемента в их структуре. И напротив, режим демократический не может оставить без изменения подходы к уголовной репрессии, отражающей устаревшие взгляды, не соответствующие прогрессивной уголовно-правовой мысли. В.А. Жабский указывает, что цели наказания нормативно определены только в УК России и других стран – участниц СНГ, а в уголовном законодательстве большинства зарубежных стран такой нормы нет [3, с.18].

Вместе с тем следует отметить очень важное обстоятельство: провозглашенные цели (в том числе, и цели наказания) могут грубо исказиться в процессе их реализации, не соответствовать реалиям механизма исполнения наказаний, оставаясь лишь декларацией. Так было, например, в период 1930–1950 гг. в России, когда формальная «мягкость» понятия наказания как социальной меры (меры социальной защиты), казалось бы, заставляла предполагать об изменении системы исполнения наказаний в сторону максимальной гуманизации. Между тем именно данный период российской истории известен максимальным беззаконием и попранием всех правовых и демократических устоев. Достаточно напомнить, что Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. в ст. 22 предусмотрели возможность применения ссылки и высылки к лицам, не только осужденным за совершение конкретного преступления, но и к тем, кто признан общественно опасным «по связи с преступной средой в данной местности», а по УПК РСФСР 1923 г. одним из критериев заключения под стражу в качестве меры пресечения выступала «связь с преступной средой». Кроме того, высылка применялась даже к оправданным судом лицам, признанным социально опасными. Указанные нормы были использованы для внесудебного применения карательных мер в отношении невиновных лиц, в политических целях для расправы с инакомыслящими и иных нарушений законности.

Если рассмотреть механизм функционирования целей и необходимого их соответствия между законодательным установлением и обеспеченностью их реализации в реальной жизни, можно увидеть следующие закономерности. Разумеется, цели должны несколько опережать жизнь и отодвигать планку их достижения в идеальном варианте – в будущее, на определенное и обозримое время. Цель – ориентация на перспективу, и она в некоторой степени может (и должна) не только устанавливать уровень достижимых сегодня результатов, но и создавать потенциал, направление для движения вперед. Без этого цель превращается в некую текущую задачу, что недопустимо, и кроме того, такое «ограничение развития» цели пагубно скажется на процессе совершенствования законодательства, а также практических достижений. К. Маркс писал, что цель как закон определяет способ и характер действий человека [7, с. 188]. В этой связи следует отметить, что определение долгосрочных целей является обоснованным в сфере борьбы с преступностью, поэтому при совершенствовании уголовного законодательства необходимо производить оценку того, насколько принятие нового закона способно снизить количество преступлений или обеспечить правопослушное поведение осужденных в дальнейшем. К сожалению, такой разумный подход законодатель демонстрирует далеко не всегда. Например, по мотиву низкой общественной опасности в декабре 2011 г. были декриминализованы составы клеветы и оскорбления. В июле 2012 г. состав клеветы вернулся в Уголовный кодекс.

Вместе с тем нельзя допускать, чтобы цель была явной декларацией и представляла собой своеобразный фетиш, достижение которого абсолютно нереально и не может быть обеспечено ни правовыми, ни материальными, ни идеологическими гарантиями. Такая цель становится абсурдной, непонятой и не принятой обществом, населением страны, а значит, в конечном счете не будет обеспечена и ее реализация. Движение к цели основано на социально-психологической убежденности в возможности ее достижения и постоянном поэтапном ее закреплении очевидными и конкретными материально-объективными результатами. На сегодняшний день это видно на примере борьбы с коррупцией. С одной стороны, используется социальная реклама, которая убеждает общество в опасности коррупции, при этом акцент сделан не столько на том, что коррупция – угроза развитию государства, а на том, что дача взятки может лишить свободы. С другой стороны, коррупционные скандалы получают широчайшее освещение в прессе, с помощью чего формируется убеждение об успехах государственной власти на ниве борьбы с коррупцией. В целом на

сегодняшний день люди воспринимают коррупцию в России как общественную проблему, т. е. промежуточная цель – уяснение обществом опасности явления – становится достигнутой разумными современными средствами. Выполнение очередной задачи по достижению цели дает возможность перехода к следующему этапу, создает материальную, идеологическую и психологическую базу для достижения конечного результата.

Цели наказания можно определить как основные направления деятельности пенитенциарной и правоохранительной системы государства, установленные законодателем для снижения количества преступлений, противодействия формированию рецидивной и профессиональной преступности, создания стабильной социально-экономической ситуации в стране. Не будем забывать и о специфической форме морального удовлетворения как общества в целом, так и лиц, ставших жертвами преступлений (даже если отрицать это как цель наказания, что, в принципе, правильно). Любой обвинительный приговор и осознание потерпевшим факта репрессий по отношению к осужденному порождает у жертвы преступления, а также и у широкой массы населения, если дело получило огласку, чувство удовлетворения, которое в российской действительности способствует и авторитету правоохранительных и судебных органов: совершено преступление – виновных поймали и наказали – система работает. В контексте ст. 43 УК РФ цели наказания можно разделить на общесоциальные (восстановление социальной справедливости), воспитательные (исправление осужденного) и общепредупредительные (общая и частная превенция). В литературе отмечалось, что осужденных следует воспитывать не в духе уважения к любому человеку, а только к законопослушному члену общества [4, с. 32] (это очень актуально для учреждений пенитенциарной системы, где на уважение среди заключенных часто претендуют лица с ярко выраженными антиобщественными установками). Кроме того, в развитие принципа гуманизма предлагается законодательно исключить из возможных целей наказания причинение физических и нравственных страданий осужденному и унижение человеческого достоинства [5, с. 134] (эта позиция отражена в законодательстве некоторых стран, в том числе республик бывшего СССР: Грузии, Казахстана и др.).

Любая разумная деятельность невозможна без установления целей. В этом плане значение целей наказания переоценить невозможно. До тех пор, пока общество не установит, чего же оно действительно хочет: искупления, изоляции, воспитания или устрашения потенциальных преступников, у нас не будет ни искупления, ни воспитания, ни устрашения, а только пу-

таница, где одно преступление порождает другое, уточнял Н. Винер [16, с. 47]. По сути, наличие целей наказания позволяет грамотно организовать деятельность уголовно-исполнительной системы, на подразделения которой возложено исполнение приговора.

Мы уже отмечали, что даже поверхностное изучение понятия и целей уголовного наказания дает представление о состоянии так называемой уголовно-репрессивной политики государства, политическом режиме, состоянии института прав и свобод граждан. Оригинальное определение уголовной политики дал Л.Д. Гаухман: уголовная политика – это составная часть политики государства, закрепленная в законе, соответствующая сущности социально-экономической формации и отношениям классов и слоев населения между собой и с государством и правительством, направления охраны общественных отношений от преступных посягательств [1, с. 23]. Вместе с тем следует различать формирование уголовной политики, которое заканчивается отражением ее положений в Конституции страны, а также законодательных актах, указах и претворением провозглашенных положений в жизнь, функционирование системы обеспечения установленных целей и задач. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [11], утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р, используется термин «уголовно-исполнительная политика», под которым понимается организация исполнения наказаний, большое внимание уделяется социализации осужденных. Цели Концепции, заявленные в ее разделе 2, корреспондируются с положениями ст. 43 УК РФ: сокращение рецидива преступлений, оказание постпенитенциарной помощи лицам, отбывшим наказание. К ожидаемым результатам реализации концепции ее разработчики отнесли создание системы стимулов правопослушного поведения осужденных, расширение сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, создание в обществе условий, исключающих распространение криминальной субкультуры.

Гарантированность достижения целей обеспечивается в основном духовным и социально-экономическим потенциалом личности и социума, способным к развитию и усовершенствованию. То же относится и к системе обеспечения целей уголовного наказания, которая, в дополнение к сказанному, должна включать в себя еще и необходимый уровень научных достижений (в сфере психологии и педагогики, в особенности пенитенциарной, а также психиатрии, медицины и др.). Роль научного потенциала в процессе реализации целей наказания фактически признается и чрезвычайно высоко ценится, например в США (хотя, как уже отмечалось, американ-

ское законодательство обычно не регламентирует цели наказания, ограничиваясь установлением общей наказуемости преступных деяний). Так, в США признан авторитет таких ученых, как Ч. Беккариа и Д. Бентам, которые разработали доктрину устрашения (цель системы правосудия – удержание людей от преступного образа жизни за счет того, что цена наказания выше выгоды от преступления), а также сформулировали главные критерии эффективности наказания – неизбежность, строгость и быстрота [6, с. 448]. Сама теория востребована американским обществом, поскольку большая его часть выступает за ужесточение наказания, однако ученые-криминологи более осторожны в своих оценках. Дж. Гиббс считает, что более уместной выглядела бы теория об общих превентивных последствиях наказания [17]; Дж. Вильсон предлагает основные силы уголовной юстиции сосредоточить на повышении вероятности наказания, хотя бы это и было бы связано с увеличением штата полиции, соответствующими расходами налогоплательщиков и возможным стеснением гражданских прав [18]. В России сейчас доминирует идея гуманизации уголовных наказаний, активно внедряется в сознание общества возможность исправления осужденного с помощью более мягких, чем лишение свободы, наказаний. Одновременно разрабатываются, как это видно на примере Концепции развития уголовно-исполнительной системы, возможности реорганизации пенитенциарной системы на основе европейских стандартов обращения с заключенными.

Нужно добавить, что цели определяют направленность наказания, так как с помощью их установления законодатель указывает на оптимально возможный и желаемый результат применяемого наказания. В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть отличие установления конкретных целей от иных промежуточных решений и этапов, предположений и деклараций (планирования, постановки задач, выдвижения гипотез и т. п.).

В данной связи отметим справедливое суждение А.А. Толкаченко, который пишет: «К целям наказания не могут быть отнесены фактически достигнутые в результате применения наказания эффекты, если они не были прямо предусмотрены уголовным законом (причинение страданий, унижение достоинства, отмщение, перевоспитание лица, отбывшего наказание, в высоконравственную личность) [15, с. 48]. Конечно, при исполнении наказания (особенно лишения свободы) осужденный осознает приговор как форму своеобразной «мести» государства за совершенное преступление, страдает и физически, и нравственно от самого факта нахождения в условиях несвободы, кто-то переосмысливает прожитую жизнь (а кто-то, напротив, становится на путь отрицания каких бы то ни

было моральных ценностей), но все это не входит в число целей наказания, это «сопутствующий эффект» его исполнения.

Действительно, нельзя выносить за рамки содержания наказания те его элементы, которые составляют его содержание и не являются ориентирами, к которым следует стремиться как главным итоговым результатам применения уголовной репрессии. Неверное (с теоретической и прикладной точек зрения), установление и закрепление в уголовном законодательстве целей наказания неумолимо приведет к искажению правовых основ всей уголовной политики, деформации уголовно-исполнительного процесса, а в конечном итоге – снижению авторитета правосудия и государственной власти в целом. Доверие граждан государственной власти и правосудию – очень болезненный вопрос для современной России. По результатам различных социологических опросов, проводимых Левада-центром и другими авторитетными центрами социологических исследований, от 58 до 70 % граждан не доверяет ни правосудию, ни правоохранительным органам, ни государственной власти в целом.

Установление целей наказания должно сочетаться с потенциальной возможностью их реализации. В этой связи наиболее уязвимо выглядят цели восстановления социальной справедливости и общей превенции, поскольку запрограммировать процент их реализации невозможно. Тем не менее, с помощью повышения правовой грамотности и правосознания населения, через позитивную деятельность средств массовой информации возможно создать положительный эффект для восприятия обществом этих целей наказания. Начнем с того, что российское общество не ориентируется в тонкостях уголовной политики и целей наказания, поэтому восстановление социальной справедливости в качестве цели наказания гражданами, далекими от юриспруденции, не воспринимается. Повышение внимания к этой цели наказания может иметь положительный социальный эффект, когда приговоры по резонансным уголовным делам могут оцениваться не с позиции статуса или значимости подсудимого, его мотивов или личных убеждений, а именно с позиции причиненного вреда и тех возможностей, которые имеются для того, чтобы этот вред устранить, компенсировать, минимизировать. В плане общей превенции можно отметить, что ее демонстрация как реально работающей цели наказания возможна путем сравнения статистических данных о состоянии преступности в стране или регионе.

Важно также подчеркнуть, что цели выступают в качестве критериев (показателей) эффективности наказания. При отсутствии закрепленных в законе целей наказания невозможно проанализировать и оценить результаты

воздействия примененного наказания в отношении каждого осужденного. Цель восстановления социальной справедливости при ее достижении сигнализирует о глобальных позитивных процессах в правоохранительной деятельности государства: нормальном функционировании правосудия, достаточно высоком уровне нравственного развития общества, правовой грамотности населения, защите интересов потерпевшего и иных граждан, других факторах, отражающих реализацию принципов законности и справедливости.

Общее представление об эффективности целей уголовных наказаний в стране дает уголовная статистика, хотя она и отражает состояние преступности лишь в ее цифровом, математическом отношении. Но и в ней мы можем найти негативные факты, отражающие неэффективность применения уголовных наказаний в отношении значительной массы осужденных (например, высокий уровень рецидива). Кроме свидетельства о социально-экономическом и духовном неблагополучии общества в целом, данный факт говорит и о низком качестве деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исправления осужденных и частно-превентивного воздействия. Кроме того, он сигнализирует и о том, что, возможно, «не работает» реализация целей восстановления социальной справедливости (например, к рецидиву могут приводить слишком малые сроки лишения свободы или наказание, не соответствующее тяжести содеянного) и общей превенции – например, неоправданная гуманизация отношения к преступникам порождает рост совершаемых повторных преступлений. Однако в то же время можно обнаружить и позитивные статистические данные, внушающие больше оптимизма и доверия работоспособности судебной, правоохранительной и уголовно-исполнительной систем. Так, из года в год количество лиц, осужденных условно, превышает количество лиц, осужденных к реальному лишению свободы, при этом на примере несовершеннолетних осужденных статистические данные выглядят еще более впечатляюще, что дает нам возможность утверждать, что количество осужденных, в отношении которых цели наказания могут быть реализованы без изоляции от общества, увеличивается.

На основании вышеизложенного становится ясной причина исключения из совокупности целей наказания понятия «перевоспитание», которое провозглашалось в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. наряду с целью исправления осужденного. Воспитание высоконравственной личности, исходя из многолетнего опыта воспитательной работы с осужденными в российских пенитенциарных учреждениях, в подавляющем большинстве случаев – фактически нереализуемая цель, ее провозглашение целью нака-

зания было бы фиктивным и декларативным. В 60–70-е гг. XX в. в научных трудах по уголовному праву и процессу идея перевоспитания в основном подкреплялась рассуждениями идеологического профиля, хотя многие ученые не настаивали на верховенстве перевоспитания, по сравнению с исправлением. Так, И.Д. Перлов рассматривал исправление как составную часть перевоспитания, итогом исправления должно стать исключение возможности для осужденного совершить новое преступление, а итогом перевоспитания должно стать коренное изменение мировоззрения осужденного [10, с. 120]. Аналогичная точка зрения высказывалась Ю.М. Ткачевским [14, с. 57–58], Н.А. Стручковым [12, с. 41] и др. И.С. Ной выделял моральное и юридическое исправление, отождествляя, по сути, первое из них с перевоспитанием [9, с. 41]. На современном этапе развития государства и личности нецелесообразно ставить такую задачу перед правоприменителем, к такому выводу пришел и законодатель, исключив данную цель при обсуждении положений Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. Этот шаг был воспринят теоретиками и практиками с пониманием, хотя получил и неоднозначное толкование (с начала 90-х гг. XX в. перевоспитание рассматривалось, скорее, не как педагогическое, а как юридическое понятие, близкое по своей сущности к исправлению [2, с. 105]).

Таким образом, следует сказать, что институт целей уголовного наказания имеет сложную философско-правовую природу, он сформировался в процессе эволюционной интеллектуальной деятельности человека и неразрывно связан как с процессами личностного совершенствования членов общества, так и государственных, социально-экономических, культурно-образовательных и связанных с ними преобразований. Совокупность последних определяет соответствующий уровень сложившихся общественных отношений, который, в свою очередь, является предметом механизма конституционно-правового регулирования. В этом смысле цели наказания являются своеобразными ориентирами всей проводимой государственной политики, определяющими ее направленность и содержание, соответствие международным и отечественным правовым стандартам.

Список литературы

1. Гаухман Л.Д. Уголовная политика // Уголовное право. Общая часть. – М.: МИ МВД РФ. – 1997. – С. 23.
2. Елеонский В.А. Важнейшая проблема уголовного и уголовно-исполнительного права // Цели уголовного наказания. – Рязань, 1990. – С. 105.
3. Жабский В.А. Наказания по уголовному законодательству зарубежных стран: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2010. – С. 18.

4. Зайцева Е.Н. Цели наказания и средства их достижения в исправительных учреждениях: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 1998. – С. 32.
5. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: законодательство, теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2002. – С. 134.
6. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели. – СПб.: Питер, 2003. – С. 448–451.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23. – С. 188.
8. Махарамов Я.А. Наказание по мусульманскому уголовному праву: понятие, цели, виды: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 7.
9. Ной И.С. Вопросы наказания в уголовном праве. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1962. – 234 с.
10. Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. – М., 1963. – С. 120.
11. СЗ РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.
12. Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов, 1977. – С. 67.
13. Сыч К.А. К вопросу о цели исправления и перевоспитания осужденных // Цели уголовного наказания. – Рязань, 1990. – С. 83.
14. Ткачевский Ю.М. Советское исправительно-трудовое право. – М., 1971. – С. 57–58.
15. Толкаченко А.А. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные основания исполнения уголовного наказания // Уголовно-исполнительное право. – М.: Пенатес-Пенаты, 2004. – С. 48–49.
16. Трофимова М.П. К вопросу о понятии функций юридической ответственности // Вестн. ВуиТ. – Вып. 3. – Тольятти, 1999. – С. 47.
17. Gibbs J.P. Crime, Punishment and Deterrence. – New York, Elsevier, 1975 (на англ. яз.)
18. Wilson J.Q. Thinking About Crime. – New York, Basic Books, 1975 (на англ. яз.)

О государственной идеологии в контексте статьи 13 Конституции Российской Федерации

В статье рассматривается необходимость государственной идеологии, идеологического и политического многообразия, многопартийности, обосновывается ошибочность конституционного запрета на государственную идеологию.

The article considers the necessity of state ideology, of ideological and political diversity, of multi-party system. It justifies the falsity of the constitutional prohibition on state ideology.

Ключевые слова: государство, Конституция РФ, государственная идеология, идеологическое и политическое многообразие.

Key words: state, Constitution of the Russian Federation, state ideology, ideological and political diversity.

На фоне происходящих в мире процессов глобализации, умаления роли права, особенно международного, в угоду национальным интересам лидирующих стран, проводимая ими, а также некоторыми европейскими и мировыми структурами политика «двойных» стандартов, попытки игнорирования роли ООН, распространение национализма, экстремизма и терроризма и т. п. социально-негативных явлений все более актуализируют необходимость разработки эффективной государственной идеологии и определение ее места в развитии общества и государства.

В основе государственной идеологии как части целого лежит общее понятие идеологии как совокупности системных упорядоченных взглядов, выражающей интересы различных социальных классов и других социальных групп, на основе которой осознаются и оцениваются отношения людей и их общностей к социальной действительности в целом и друг к другу.

Государство, будучи важнейшим институтом общества для осуществления своих функций, всегда стремится монополизировать идеологию как необходимый инструмент воздействия на общественное сознание

и социальное поведение людей. С помощью этого ресурса осуществляется и информационное, а в большей степени и ориентационное воздействие на волю и сознание населения, направленное на выработку необходимых социальных установок. Как правило, это удается в государствах с тоталитарным режимом. В демократических государствах, в отличие от тоталитарных, всегда официально допускалось и существует идеологическое многообразие, плюрализм мнений. Так, в постсоветской России на самом высоком законодательном уровне признается идеологическое и политическое многообразие, многопартийность (ч. 1,3 ст. 13 Конституции РФ). Они составляют основу развития общества и государства и одну из существенных характеристик демократии. Идеологическое многообразие означает свободное осуществление в обществе различных политических и иных взглядов, идей. Оно является закономерным следствием таких конституционных прав и свобод человека и гражданина, как свобода мысли и слова, свобода совести и др. К сожалению, приходится констатировать, что идеологическое многообразие и многопартийность как признаки демократического государства не выполнили роль того социального ориентира, отклонение от которого чревато застоєм не только политической, но и других систем общества, может угрожать идеологическими и политическими конфликтами, раскалывающими и так далеко не монолитный многонациональный народ России [11, с. 2].

Из самого факта закрепления в ч. 3 ст. 13 Конституции РФ политического многообразия и многопартийности явствует стремление к созданию таких политических партий, которые представляли бы различные социальные группы и позволяли говорить о демократичности политической системы в целом. Однако ни одна из действующих политических партий не выражает интересы различных слоев населения. Как тут не вспомнить А.И. Солженицына, который писал: «Каждая партия старается, прежде всего, не для своей нации, а для себя и своих. Национальный интерес затмевается партийными целями...» [19]. Многопартийность необходима прежде всего для государства. Если партийная система неэффективна, то возникновение и углубление противоречий между обществом и государством неизбежны, а это, в свою очередь, способно поставить под угрозу само существование государственных институтов, по крайней мере в том виде, в котором они сейчас существуют.

Процесс деидеологизации, как отмечает О.Е. Кутафин, нельзя понимать упрощенно. Стремление освободиться от всякой идеологии есть тоже

идеология, и она может привести к отрицательным последствиям – разобщенности и даже конфронтации людей и борьбе между собой [10].

Признание идеологического и политического многообразия, равенство всех общественных объединений перед законом не означает вседозволенности их деятельности и идеологии. В соответствии с международно-правовыми нормами, в частности ст. 19 Пакта о гражданских и политических правах, ст. 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод государства устанавливают некоторые разумные ограничения деятельности общественных объединений и ассоциаций. Так, ч. 5 ст. 13 Конституции РФ запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Из конституционного признания идеологического многообразия, на наш взгляд, в отличие от позиции некоторых авторов, не следует вывод о запрете государственной идеологии даже если это, как пишут в литературе, есть рефлекс на насаждавшийся десятилетиями идеологический монизм, закреплявшийся в советских конституциях и поддерживающийся всеми институтами государственной власти. Вместе с тем идеологическое многообразие, как отмечают те же специалисты, означает существенное сужение пределов государственной власти, поскольку из-под контроля государства выводится сфера идеологии [8]. На наш взгляд, именно с этой целью и была сформулирована ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, предусматривающая, что «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Прежде чем проанализировать содержание данной конституционной нормы, необходимо подчеркнуть и знать, что она появилась в силу разных причин. Отметим те из них, которые интересуют нас в контексте исследуемой темы. Во-первых, общеизвестно, что, начиная с горбачевской «перестройки», с середины 1980 гг., политика идеологического противостояния резко сменилась противоположной – политикой соглашательства по ряду принципиальных вопросов, движения в форварте прозападных интересов, унижительного самобичевания и политического заискивания. Из одной крайности политика и идеология России, а вместе с ней и бывших соцстран, отразившиеся на их внешних функциях, перешли в другую крайность [20, с. 205].

Во-вторых, после распада Советского Союза многим показалось, что идеология навеки погребена под хаосом разрозненных, зачастую противостоящих, не объединяющих людей, а отталкивающих друг от друга идей, взглядов, концепций, пишет Е. М. Бабосов.

Получившие широкое распространение националистические, нигилистические, консервативные, либеральные и иные настроения, вплоть до монархических, анархических и профашистских, породили такую сумятицу в умах и чувствах людей постсоветской эпохи, которая может быть названа не иначе как «ситуация идеологического безвременья» [4, с.32].

В-третьих, в начале 1990 гг. пришедшая к власти политическая элита, опасаясь реванша коммунистической идеологии, активно выступила инициатором запрета на любую государственную идеологию и готова была принимать советы американских, как им казалось, «апостолов».

В-четвертых, у авторов Конституции РФ не было опыта конституционализма, тем более законотворческой работы по подготовке столь статусных правовых документов. К тому же, мало кто из них занимался изучением конституционной материи, не говоря уже о каких-то глубоких ее исследованиях. Чего только стоит «профессионализм» одного из членов конституционной комиссии Г.Э. Бурбулиса – бывшего преподавателя научного коммунизма.

В-пятых, Конституция РФ разрабатывалась в сложнейших социально-политических и экономических условиях, идеологическом противостоянии и борьбе, при крайнем дефиците времени.

Наконец, в нашем конституционном законотворчестве самое активное и заинтересованное участие приняли заокеанские и западные специалисты. Было бы наивно думать, что на фоне обострившейся борьбы за природные ресурсы, чем богата Россия, наши извечные соперники вдруг начали помогать в создании такой конституционно-правовой базы, которая бы способствовала укреплению российской государственности, ее успешному политическому, экономическому, духовному и правовому развитию.

Известно, что санкции бывают не только политические, экономические, но и правовые, и даже на конституционном уровне, которые составляют юридическую основу для неблагоприятных последствий в разных сферах жизни. Разве конституционный запрет на государственную идеологию, а свято место пусто не бывает, не способствует напрямую появлению и распространению в обществе и государстве националистической, экстремистской и террористической идеологии? За примерами и доказательствами не надо далеко ходить. Отсутствие государственной идеологии на

Украине привело к появлению «бандеровской» идеологии с соответствующими негативными последствиями в некогда процветающей стране.

Что касается ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации, то некоторые ученые начали толковать данную норму как вообще запрет на государственную идеологию, что практически вообще невозможно, поскольку она относится к числу объективно существующих явлений. Идеология, как правильно пишут специалисты, «является столь же неотъемлемым признаком всякого государства, как государственный суверенитет, территория, право, органы государственной власти и т. д.» [22, с. 13]. Следовательно, конституционный запрет на государственную идеологию следует понимать всего лишь как *отрицание ее обязательности* и не более. Практически такое толкование государственной идеологии дается также известным ученым-конституционалистом В.Е. Чиркиным. Он отмечает, что существование государственной идеологии не всегда означает ее принудительную обязанность. Некоторые лица, объединения людей не придерживаются тех или иных взглядов, выраженных в Конституции. За это не устанавливается и не должно быть установлено каких-либо санкций со стороны государства. В этом отличие современного подхода к государственной идеологии от подходов тоталитарных режимов [24, с. 175]. Таким образом, отмечают другие специалисты, представляется очевидным, что Конституция России не содержит прямого запрета на идеологию, однако подчеркивает, что с момента вхождения ее в юридическую силу на государственном уровне в России не может существовать государственной или обязательной идеологии [3]. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию должен пониматься не как запрет на государственную, в смысле конституционную идеологию, который никак не соотносится с мировой конституционной практикой [12, с. 41], но, скорее, как отрицание *официализации партикулярной идеологии* в качестве единственной государственной идеологии с вытекающими из этого социальными и юридическими «принудительно-обязательными» последствиями [18, с. 356].

Более того, отстаивая право государства на обладание собственной идеологии, И.В. Приставкин правильно отмечает, что «Конституция не запрещает никому, в том числе и государству, вырабатывать и пропагандировать свою идеологию» [16, с. 9].

Государство как политико-правовая форма организации общества, на наш взгляд, не может не иметь государственной идеологии, если оно хочет оправдать свое предназначение. Такие известные конституционалисты, как

С.А. Авакьян и Г.Г. Бернацкий тоже считают, что обязательно существует господствующая идеология в любом государстве [5, с. 63]. «Ни одна страна не может жить без идеологии... Утверждать иное – значит вводить людей в заблуждение. Идти вперед нельзя, не выбрав целей. А это и есть... выбор определенных идеологических установок» [13, с. 543–544]. Обосновывая социальную необходимость государственной идеологии, О.Е. Кутафин отмечает, что «общество и государство не могут существовать без идеологии. Чтобы развиваться, они должны иметь концепцию развития, которая и является выбором определенных идеологических установок» [10, с. 378]. Государство, лишившее себя собственной идеологии и освободившееся от идеологических функций, имеет все шансы быстро деградировать в качестве властной организации [15, с. 126].

Что касается России, то для нее вообще нехарактерно развитие общества и государства без государственной идеологии, *«так как это приводит к утрате связей между индивидом и государством, ослабляет национальную и государственную самоидентификацию»* [7, с. 4].

Неслучайно в литературе отмечается, что практика существования России с 1991 г. показала: без наличия государственной идеологии нежизнеспособны сами институты гражданского общества, которые определяют многонациональный государственный механизм в единую систему [14].

Ослабление идеологических основ губительно для развития и общества, и государства. Идеологическая функция, по мнению одного из известных конституционалистов О.Е. Кутафина, – одна из важнейших функций государства, а Основной закон любого государства выполняет идеологическую функцию. Объектом ее воздействия являются не только правосознание граждан, но и другие формы общественного сознания. По его мнению, идеологическая деятельность государства помогает аккумулировать общенациональные интересы и реализовывать их в политике государства, способствует мобилизации материальных, финансовых и людских ресурсов для их использования в социально значимых целях.

Следует подчеркнуть, что отрицание государственной идеологии в постсоветской России привело к фактическому отрицанию идеологической функции государства, ценностной дезориентации общества, что отразилось на всех формах общественного сознания, в том числе и на правосознании, а следовательно, и на правовой идеологии [10, с. 379].

В контексте этих рассуждений профессор М.Х. Хаджаров задается вопросом: «Не потому ли в начале 90-х гг. ушедшего столетия при принятии новой Конституции РФ американские кураторы – консультанты насто-

яли на том, что в эту самую Конституцию был включен пункт, запрещающий России иметь единую общенациональную государственную идеологию, нацеливающую население страны на построение экономически развитого, социально стабильного и политически предсказуемого общества?» [23, с. 101].

«Суверенное государство не может не иметь своей идеологии. Без нее оно обречено копировать модели общественного устройства других стран, следовать в форватере их политики. При этом государственная идеология обязательна для власти, а в обществе должно быть сохранено идеологическое многообразие. По мере развития общества будут уточняться и представления о содержании объединяющих условий. Идеология должна улавливать эти изменения, обеспечивать их жизнеспособность в обозримом временном пространстве» [17, с. 266]. Идеологию, или даже *государственную идеологию*, следует отнести к числу тех необходимых, неотъемлемых, существенных признаков, наличие которых и делает возможным возникновение и существование самого феномена государства [12, с. 41].

Таким образом, обобщая высказывания указанных и других ведущих конституционалистов, можно уверенно сказать, что идеология является одним из необходимых свойств государства. Неслучайно и полномочный представитель Совета Федерации в Конституционном суде РФ А. Александров высказал сомнения в целесообразности конституционного запрета государственной идеологии [9, с. 183].

Говоря об идеологии и совершенствовании конституционных норм о ней, необходимо также иметь в виду следующее:

1. Идеология трактуется во всех словарях как мировоззрение, система взглядов, идей. В свою очередь под мировоззрением понимается «совокупность взглядов, воззрений на окружающее, на жизнь, на мир, на ту или иную область бытия» [21, с. 450]. Как известно, мировоззрение возникает в сознании, т. е. в мыслях, чувствах, ощущениях. В связи с этим возникает риторический вопрос: *можно ли человеку, социальной группе или обществу запретить мыслить, а проща говоря, думать, и тем самым иметь свое мировоззрение, идеологию?* Ответ очевиден, поскольку это то же самое, что запретить дышать, осуществлять другие естественные потребности. И государство без идеологии, отмечает Н.А. Боброва, все равно что человек без мыслей [6, с. 28]. Какова же тогда *социальная ценность и реалистичность* указанной конституционной нормы? По меткому замечанию профессора С.А. Авакьяна, отсутствие идеологии власти состоит в явлении, которое

мудрый русский народ оценил кратко, но бесподобно выразительно – «без царя в голове» [1, с. 6].

2. Нет запрета на государственную идеологию ни в Конституции США, ни в конституциях других стран, ни в конституциях (уставах) многих субъектов РФ. Более того, конституции некоторых стран подчеркивают идеологию государства, т.е. определяют *функцию идеологического государства*.

3. Некоторые страны, например Индия и Китай, являющиеся наиболее динамично развивающимися по экономическим параметрам государствами, прямо заявляют о приверженности определенным идеологическим учениям. В этих древних странах давно поняли, что при отсутствии верной государственной идеологии побеждает идеология хаоса и беспорядка.

4. Конституция России не обязывает субъекты РФ к тому, чтобы они в своих конституциях (уставах) буквально воспроизвели все положения основ конституционного строя РФ, в том числе в части государственной идеологии, поскольку она по существу формируется на государственном уровне. Поэтому в основных законах субъектов РФ следует исключить конституционную норму об идеологии, тем более что на данном уровне этот вопрос решается значительно проще.

Рассуждая о государственной идеологии, невольно приходишь к парадоксальному выводу. С одной стороны, Конституция РФ запрещает государственную идеологию, с другой, именно она содержит ее элементы в своих нормах. Практически каждое слово Конституции РФ, все закрепленные в ней институты выражают видение желаемой социально-политической системы страны, отмечал еще в 2000-е гг. профессор С.А. Авакьян. Наряду с идеологией категорического отрицания частной собственности (в советских конституциях), совсем противоположная в конституционном закреплении частной собственности и многообразии форм собственности Конституция РФ 1993 г. или, к примеру, закрепление в Конституции СССР 1977 г. однопартийной системы с руководящей ролью КПСС и, наоборот, политического плюрализма Конституции 1993 г. и равенства всех общественных объединений перед законом [1, с. 14–15]. Закрепление новой государственной идеологии очевидно также во многих других конституционных нормах, начиная с первых. Это и характеристика России как демократического федеративного правового социального государства, признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, принцип разделения властей, разнообразие форм собственности, верховенство права, признание принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации составной частью ее правовой

системы и т. д. Все это означает материализацию государственной идеологии в конкретных нормах действующей Конституции РФ, которые составляют законодательную основу развития российского общества и государства. Однако для того, чтобы ускорить данный процесс, необходимо части целого объединить в то общее, что придает им целостный и целенаправленный характер. С этой целью по меньшей мере следует исключить ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, а вышеуказанные конституционные нормы признать основой государственно-правовой идеологии. В обоснование данного предложения, кроме вышеизложенного, отметим: жизнь показывает, что только социально оправданная государственная идеология и практика ее эффективного осуществления является необходимым условием успешного государственно-правового развития, в том числе в сфере противодействия националистической, религиозной и экстремистской деятельности.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Властеотношения: закономерности существования, субъективизм регулирования и правоприменения // Конституционное и муниципальное право. – № 5. – 2018. – 11 с.
2. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. – М., 2000. – 528 с.
3. Атмачев С.И., Зубенко В.В. Государственная идеология или идеология государственности // Вестн. СевКав ГТИ. – 2015. – Вып. 3(22). – 47 с.
4. Бабосов Е.М. Основы идеологии современного государства. – Мн., 2004. – 378 с.
5. Бернацкий Г.Г. Государственная идеология как основа конституционного строя // Юрид. наука как основа правового обеспечения инновационного развития России: сб. тез. докл. III междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения) / отв. ред. В.И. Фадеев. – М., 2012. – 382 с.
6. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. Автор. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004. – 47 с.
7. Власова Ю. Б. Взаимодействие права и идеологии в современных условиях (на материалах Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 26 с.
8. Комментарий к Конституции РФ / под ред. В.Д. Зорькина. – М., 2013. – 1340 с.
9. Конституции Российской Федерации. От образа будущего к реальности / под ред. Т.Я. Хабриевой. – М., 2004.
10. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. – М., 2008. – 543 с.

11. Лебедев В.А. Идеологическое многообразие и российская многопартийность: размышления о судьбе статьи 13 Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 11. – 480 с.
12. Лебедев В.А. Конституционная идеология – идеология демократии // Современные проблемы конституционного и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран: сб. материалов междунар. науч. конф. / отв. ред. Авакьян. – М., 2010.
13. Ни одна страна не может жить без идеологии // Авакьян С.А. Размышления конституционалиста: избр. ст. – М., 2010. – 621 с.
14. Поярков С.Ю. Идеология российского конституционализма как условия развития гражданского общества // Право и политика. – 2009. – № 8.
15. Право и политика современной России. – М., 1996.
16. Приставкин И.В. К вопросу о содержании правоохранительной системы России // История гос-ва и права. – 2008. – № 13 – 34 с.
17. Реформирование России: реальность и перспективы. – М.: РИЦ ИСПИ, 2003. – 320 с.
18. Самородова-Богацкая Л.В. Государственная идеология в контексте идеологического плюрализма: имплицитный, но обязательный характер: науч. тр. РАЮН. – Вып. 13. – Т. 1. – М., 2013. – 467 с.
19. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // Комсомольская правда. Спец. выпуск. Брошюра в газете. – 1990. – 18 сент.
20. Теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. – М., 2005. – 785 с.
21. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М., 2007. – 124 с.
22. Хабибуллин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Гос-во и право. – 1999. – № 3. – 67 с.
23. Хаджаров М.Х. Многообразие идеологии и проблема развития общества: может ли идеология стать базовой ценностью в России? // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 3. – 147 с.
24. Чиркин В.Е. Конституционная терминология. – М., 2005. – 270 с.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.6:341

Л. А. Сухомлинова, Н. В. Бобракова

Международно-правовые аспекты наследственного права

В статье рассмотрены общие положения и порядок приобретения наследства в Российской Федерации. Акцентировано внимание на международно-правовом регулировании наследственных отношений, проведен анализ конвенционного регулирования изучаемого вопроса, выявлены основные проблемы и разработаны направления гармонизации национального законодательства в сфере наследования.

The article discusses the general provisions and the procedure for acquiring inheritance in the Russian Federation. Attention is focused on the international legal regulation of inheritance relations, the analysis of the conventional regulation of the studied issue is carried out, the main problems are identified and directions for the harmonization of national legislation in the sphere of inheritance are developed.

Ключевые слова: наследственные отношения, международное наследственное право, коллизии, международное частное право, унификация, правовые проблемы.

Key words: inheritance relations, international inheritance law, conflicts, international private law, unification, legal problems.

В современных условиях независимо от того, насколько глубоко страна вовлечена в мировые экономические связи, обойтись без норм международного частного права, регулирующих многообразные имущественные и личные неимущественные отношения между гражданами и юридическими лицами разных стран, практически невозможно [4].

Наследственное право является одним из древнейших правовых институтов. Основным производный способ приобретения права собственности, признаваемый в большинстве стран мира, – наследование. В области гражданско-правового регулирования наследования между государствами остаются существенные различия, в связи с чем возникают определённые

проблемы. Данный вопрос традиционно рассматривается в трёх аспектах: международная подсудность, применимое право и признание решения. В европейских государствах осуществляются специальные правила подсудности для наследственных дел. В ряде стран существуют различные правила для наследственных дел, рассматриваемых в порядке особого и искового производства.

Правовое регулирование наследственных правоотношений на современном этапе наиболее точно проявляется в сравнении наследственного права европейских стран с отечественными правовыми нормами. Международное наследственное право характеризуется наличием иностранного элемента в наследственных отношениях [1].

Одной из важных особенностей наследственного права в международном частном праве является влияние на него исторических, культурных, социальных и национальных традиций, которые выступают в виде конкретных ценностей каждого государства: обычаев, обрядов, ритуалов, семейных устоев, нравственных представлений и идей.

Наследование включает в себя целый ряд правоотношений, которые можно подразделить на следующие группы:

- 1) правоотношения, связанные с приобретением наследственных прав;
- 2) правоотношения, возникающие в момент осуществления наследственных прав;
- 3) правоотношения в процессе управления тем имуществом, которое подлежит наследованию.

При регулировании указанных правоотношений положения законодательства различных государств не совпадают по многим вопросам, например определения перечня лиц, допущенных к управлению наследуемым имуществом, административному решению проблем несовершеннолетних, которые находились на содержании наследодателя.

Коллизии возникают как в процессе наследования по закону, так и по завещанию, а также при наследовании движимого и недвижимого имущества. В теории международного частного права существует понятие «международное» наследование, под которым ряд исследователей понимают наследственное правоотношение с иностранным элементом, подлежащее урегулированию компетентным российским нотариусом. Внешний элемент в наследственном правоотношении может быть опосредован фактом нахождения наследственного имущества за рубежом или наличием ино-

странного гражданства у наследодателя, постоянно проживавшего на территории Российской Федерации.

Актуальность настоящей работы, заключается в том, что вопрос о принятии наследства является одним из самых сложных в праве как с точки зрения регулирования его нормами, так и в плане понимания этих норм.

Несмотря на заключённые и действующие международные договоры и конвенции, в этой области международного права всё ещё существуют сложности, возникающие при разрешении конкретных наследственных дел, которые объясняются значительными различиями во внутреннем законодательстве в области наследственного права [3]. Нормы, определяющие порядок перехода наследственного имущества после открытия наследства, являются одной из важных составляющих наследственного права каждого отдельного государства.

В последние годы актуальность вопроса о наследственных правах российских граждан в иностранном государстве и соответствующих правах иностранцев в России сильно возросла. Данный факт объясняется постоянным расширением интеграционных связей между субъектами права различных государств. Для приобретения наследства наследник должен его принять. Процедура принятия наследства представляет собой юридически значимые действия наследника, выражающиеся в его намерении вступить в наследственные права и, как следствие, приобрести право собственности на наследственное имущество.

В Российской Федерации иностранцы в области наследственного права получают те же права, что и российские граждане. Иностранцы, в соответствии с законодательством Российской Федерации, могут наследовать и завещать имущество, могут быть и наследователями на тех же основаниях, что граждане Российской Федерации. В отношении наследования иностранцами в России также не установлено никаких ограничений; наследование ими осуществляется в рамках национального режима независимо от того, проживают они на территории России или нет [2].

Предоставляя иностранцам национальный режим в области наследования, наше право не ставит условия о взаимности – именно из этого принципа исходят и договоры о правовой помощи, предусматривающие, что граждане одной страны в отношении наследования полностью приравниваются к гражданам другой страны. В этих договорах идет речь о признании за иностранцами способности наследовать по закону и по завещанию, наравне с собственными гражданами, переходе наследственного имущества к наследникам-иностранцам на таких же условиях, что и к собствен-

ным гражданам; в отношении способности к составлению и отмене завещания на имущество, находящееся на территории этой страны.

Во всех случаях наследование с иностранным элементом будет определяться правом, подлежащим применению либо в силу коллизионных норм внутреннего законодательства того или иного государства, либо в силу правил международного соглашения.

Так, в договорах о правовой помощи, заключенных между иностранными государствами, странами, установлено, что право наследования движимого имущества регулируется законодательством той договаривающейся стороны, гражданином которой был наследодатель в момент своей смерти, а право наследования недвижимого имущества – законодательством той стороны, на территории которой находится имущество.

Участникам наследственных отношений, органам нотариата и суду недостаточно знать материально-правовые нормы о наследовании, действующие в национальном правовом порядке, необходимо также учитывать нормы о праве, подлежащем применению к наследственным отношениям в другом государстве.

Так, коллизионные нормы, содержащиеся в иностранном государстве, могут не совпадать с аналогичными нормами российского законодательства, что может привести к определенным трудностям реализации наследственных прав [6].

Отмеченные обстоятельства с очевидностью свидетельствуют о том, что для разрешения таких дел по существу указанным субъектам придется активно обращаться к инструментарию международного частного права.

Следует особо подчеркнуть, что принципы российского законодательства о наследовании аналогичны по принципам законодательства стран романо-германской правовой системы. Страны англосаксонской системы права имеют иные особенности правового регулирования. Главной такой особенностью по сравнению со странами романо-германской системы права является то, что основным источником права в указанных государствах является не нормативный акт, а юридический прецедент. Поэтому абсолютное большинство правовых подходов в сфере наследования формируется не законодателем, а правоприменительными органами, в основном судами.

Наследственное право является, пожалуй, одной из самых сложных отраслей российского гражданского права, а надлежащее оформление наследственных прав – наиболее ответственным направлением работы нотариусов.

Из проделанного анализа наследования в международном частном праве были выявлены следующие проблемы и их пути решения:

1) почти полное отсутствие международной универсальной унификации норм гражданского права о наследовании [5]. Данную проблему стоит решать с помощью классического регулирования наследственных правоотношений посредством коллизионных норм национального (внутригосударственного) права или, реже, таких норм, которые установлены различными способами в порядке международной унификации;

2) ограничение унификации норм на региональном и двустороннем уровне межгосударственных отношений, в основном коллизионными нормами. Для решения этой проблемы необходимо регулирование наследования посредством предоставления права участникам правоотношений самим выбрать применимое право, проявив автономию воли по отношению к регулированию (в том числе коллизионному) соответствующих отношений государством, в том числе даже сделав это независимо от воли других участников правоотношений. Ввиду серьезных различий между внутренним и коллизионным законодательством государств в области наследования значение такого опосредованного выбора, примененного в области наследования права за счет выбора «выгодной» юрисдикции, более чем существенно: он уже прямо предопределяет наличие и объем наследственных и иных имущественных прав заинтересованного лица в рамках спорного наследственного правоотношения. Для международных наследственных споров можно без особого преувеличения утверждать: выбирая суд, выбираем право;

3) отсутствие внесения в действующее наследственное законодательство РФ изменений не только уточняющего характера, но и ряда положений, являющихся новеллами для российского права. Путём решения выявленной проблемы является регулирование наследственных правоотношений непосредственно нормами материального права, установленными в национальном законодательстве и созданными различными способами в порядке международной унификации. Например, в процессе проанализированных статей совместное завещание супругов предоставляет наследодателю многочисленные возможности по выбору наиболее подходящего для него варианта правопреемства. В современном обществе резко возросло количество разводов и повторных браков, в результате чего в одной семье нередко имеются дети от разных браков. В итоге наследодателю становится все сложнее учесть интересы всех близких ему людей. Именно поэтому введение института совместного завещания в законодательство

РФ укрепило бы принцип свободы завещания и способствовало бы более точному отражению последней воли наследодателя. Данная идея не только отвечает основным началам наследственного права, но и современным стремительно развивающимся социально-экономическим условиям.

В заключение также стоит отметить, что институт наследования решает важнейшие задачи:

- во-первых, стимулирует развитие частной собственности;
- во-вторых, способствует переходу права собственности на наследственное имущество к близким лицам наследодателя;
- в-третьих, гарантирует права нетрудоспособных и иждивенцев, т. е. гражданин имеет возможность обеспечить в случае смерти материальную помощь членам своей семьи, родственникам, любым другим лицам.

Список литературы

1. Агафонова Ю.В. Частное и публичное в вещном праве: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. – 2016. – С. 9–15.
2. Альжанова З.К. Право наследования иностранных граждан // Энергия науки. – 2017. – № 5. – С. 985–987.
3. Гражданское право: учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2017. – С. 400.
4. Иванова Т.А. Наследственные отношения в международном частном праве // Теория и практика современной юридической науки: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. – 2016. – С. 91–93.
5. Миронова И.В. Унификация международных норм в области формы завещания // Вестн. Балтийского федер. ун-та им. И. Канта. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 9. – С. 17–23.
6. Угоднова А.Ю., Ефименко В.Н. Проблемы регулирования наследственных отношений в российской федерации и странах Европы // Совр. проблемы управления организациями, территориями, страной: взгляд молодых: материалы студ. науч. конф. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т. – 2017. – С. 159–163.

**Проблемы права интеллектуальной собственности
в условиях построения информационного общества
в Российской Федерации**

В статье раскрыты основные проблемы и противоречия в области современного права интеллектуальной собственности. Обоснован вывод об опережающих трендах развития сферы интеллектуальной деятельности в сравнении с формированием мер ее правового регулирования. Определена универсальная структура институциональной среды интеллектуальной деятельности и названы три ее основных компонента – организационный, экономический и правовой.

The article reveals the main problems and contradictions in the field of modern intellectual property rights. The conclusion about the leading trends in the development of the sphere of intellectual activity in comparison with the formation of measures of its legal regulation is substantiated. The universal structure of the institutional environment of intellectual activity is defined and its three main components are named - organizational, economic and legal.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, право интеллектуальной собственности, объекты интеллектуальной собственности, правовой режим правовая защита, информационное общество институциональная среда.

Key words: intellectual property, intellectual property law, intellectual property objects, legal regime, legal protection, information society, institutional environment.

Развитый институт интеллектуальной собственности – относительно новое явление общественной жизни, свойственное современной рыночной экономике и обретающее особую значимость в условиях становления информационного общества. Функционирование объектов интеллектуальной собственности в обществе, основанном на рыночных отношениях, не может не подчиняться законам рынка, что предопределяет принципы и концептуальные основы правового регулирования отношений, связанных с интеллектуальной собственностью.

Специфика интеллектуальной собственности как продукта интеллектуального труда и как товара особого вида порождает ряд новых острых проблем ее правового регулирования, значимость которых нарастает по мере углубления процесса информатизации всех сфер общественной жизни. В статье будут показаны противоречивость и неоднозначность механизмов функционирования интеллектуальной собственности при переходе к информационному обществу и актуальность возникающих в силу этого проблем правового регулирования интеллектуальной собственности.

Как справедливо указала Л.А. Лебединцева, главное противоречие функционирования интеллектуальной собственности состоит в следующем: при все более возрастающей роли информационной и интеллектуальной деятельности коммерциализация интеллектуальной собственности выступает ограничителем свободы движения и использования продукта интеллектуального труда и информационных ресурсов. Данное противоречие находит отражение в действующих нормах права интеллектуальной собственности [1].

Противоречие между социально-экономической природой интеллектуальной собственности и ее правовым статусом в обществе с развитой рыночной экономикой, эволюционирующей в направлении всеобщей цифровизации, носит комплексный характер и имеет сложные формы проявления.

Для общественного прогресса необходима возможность самого широкого и свободного использования знаний и информации, которые лежат в основе интеллектуальной собственности и составляют не только ключевой производственный ресурс современной экономики, но и особый вид общественных благ. Однако в условиях информационного общества все более нарастает процесс монополизации объектов интеллектуальной собственности и ограничения свободы их движения и использования.

В результате этого объекты интеллектуальной собственности используются не в интересах общества в целом, а в интересах частного капитала. В условиях жесткой конкуренции на национальном и международном уровне интеллектуальная собственность становится объектом коммерческой тайны и имеет ограниченную сферу применения.

Отношения собственности на продукты интеллектуального труда детально регламентируются нормами права интеллектуальной собственности, где в специфической форме воспроизводится отмеченная выше противоречивость природы интеллектуальной собственности.

В научных кругах активно обсуждается проблема смягчения этих противоречий и совершенствования права интеллектуальной собственности. Законотворческая деятельность также направлена решение этих задач. К числу наиболее актуальных относятся такие проблемы права интеллектуальной собственности, как:

- регламентация и защита авторских прав;
- средства индивидуализации в праве интеллектуальной собственности;
- проблемы правового режима гудвилл;
- правовые основы измерения и оценки объектов интеллектуальной собственности;
- правовое регулирование таможенной защиты объектов интеллектуальной собственности;
- совершенствование правовых механизмов защиты от нелегального использования объектов интеллектуальной собственности и появления контрафактных объектов интеллектуальной собственности;
- выявление причин и путей преодоления недостаточной эффективности законодательства интеллектуальной собственности;
- смягчение проблемы согласования международного правового регулирования отношений в области интеллектуальной собственности и национальных законодательств об институтах интеллектуальной собственности;
- определение способов и масштабов государственного регулирования внутреннего рынка интеллектуальной собственности и участия в процессах международного обмена, использования и создания объектов интеллектуальной собственности;
- оптимизация методов оценки развития рынка интеллектуальной собственности.

Развитие права интеллектуальной собственности и правовая политика в данной области детерминированы прямыми и обратными связями с состоянием и эволюцией национального и международного рынков интеллектуальной собственности. Но при анализе тенденций развития рынка интеллектуальной собственности возникает ряд проблем методологического порядка. Как отмечают исследователи, полноценный анализ рынка интеллектуальной собственности в России и за рубежом затруднен из-за отсутствия или недостаточной достоверности официальных статистических данных, несовершенства используемой системы показателей [2, с. 6].

В международной практике в качестве основных показателей развития рынка интеллектуальной собственности используются количественные

характеристики: число заявок на выдачу патентов и регистрацию товарных знаков; количество совершенных регистраций патентов, промышленных образцов и товарных знаков. Оценка регистрационной активности дается дифференцированно по резидентам и нерезидентам.

Но остаются неучтенными нерегистрируемые объекты интеллектуальной собственности – ноу-хау, объекты авторских и смежных прав, по которым условия сделок являются конфиденциальными. В статистическую отчетность не попадает неофициальный («серый») оборот документации о правах на изобретения. Ряд оставшихся неучтенными достижений советской науки находится в распоряжении автономных научных учреждений и реализуется ими частным предпринимателям на неофициальном рынке при отсутствии должной юридической защиты. Затруднительно проведение сравнительной оценки реальной патентной активности резидентов и нерезидентов [1, с. 15–16, 26, 29, 31].

Традиционно при анализе рынка интеллектуальной собственности рассматриваются показатели по стране в целом и по отдельным ее регионам. В настоящее время в ряде стран (США, ЕС, Китай) стала применяться более эффективная методика анализа – по отраслевому критерию и с применением качественных показателей. В России в практике Росстата, Роспатента и Федерального института промышленной собственности сохранился традиционный территориальный подход.

Устранение и смягчение проблем права интеллектуальной собственности является исключительно важной задачей, так как они оказывают решающее влияние на развитие экономической системы в целом и тем в большей мере, чем активнее идет процесс становления цифровой экономики. Для определения и понимания путей решения этих проблем определяющее значение имеет формирование эффективной институциональной среды в области интеллектуальной собственности. В России Концепция формирования такой институциональной среды (далее – Концепция) была разработана в 2015 г. [3].

Как сказано в Концепции, в каждой стране формируется уникальная по масштабам и составу элементов институциональная среда интеллектуальной собственности. Но существуют общие для всех стран ее характеристики. Ими являются обязательные структурные элементы, призванные обеспечить успешное развитие институциональной среды и решение задач инновационного развития экономики, а именно:

- 1) стратегическое планирование;

- 2) наличие институтов создания продуктов интеллектуальной деятельности (НИИ, вузы, производственные компании);
- 3) рыночные механизмы стимулирования инновационного спроса и инновационной деятельности;
- 4) институты венчурного финансирования, включая механизмы частно-государственного партнерства;
- 5) правовая система охраны и защиты интеллектуальной собственности;
- 6) наличие институтов поддержки и трансфера технологий;
- 7) коммерциализация интеллектуальной собственности;
- 8) участие в процессах информационного обмена и международного взаимодействия;
- 9) уровень образования населения [3, с. 34].

В представленном перечне одним из обязательных элементов выступает правовая система охраны и защиты интеллектуальной собственности. Тем самым подтверждаются и раскрываются единство и взаимосвязь трех основных видов компонентов, составляющих институциональную среду интеллектуальной деятельности и ее продукта – интеллектуальной собственности: социально-экономического, организационного и правового.

В приведенном выше перечне приоритетную роль играет эффективный трансфер технологий, т. е. доведение результатов интеллектуальной деятельности до стадии коммерциализации и обеспечение скорости диффузии инноваций. В России данный процесс тормозится, в частности, отсутствием федерального закона «О передаче технологий», проект которого (№ 48384-5) все еще находится на стадии обсуждений и согласований.

Эффективность реализации норм права интеллектуальной собственности является важным фактором достижения целей государственной инновационной политики и развития цифровой экономики России, а также стран ЕАЭС и СНГ. Так, страны СНГ в своих стратегических документах определяют в качестве основных целей построение и развитие инновационной экономики и повышение конкурентоспособности страны на базе совершенствования системы интеллектуальной собственности. Одной из задач, решение которых должно обеспечить достижение поставленных целей, является «совершенствование нормативно-правовой базы по всем аспектам интеллектуальной собственности и ее гармонизация с международными стандартами» [3, с. 45].

В деле управления интеллектуальной собственностью немаловажную роль играет оценка текущей ситуации в данной сфере. Для этой цели в международной практике используется специальный показатель – индекс

защищенности прав интеллектуальной собственности. По данным за 2014 г. Россия занимала лишь 66-е место среди охваченных выборкой 97 стран [3, с. 50]. В Российской Федерации недостаточно развитыми остаются основные звенья в системе защиты прав интеллектуальной собственности – судебная защита, деятельность таможенных органов с использованием Таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности.

Характерной особенностью эпохи становления информационного общества являются опережающие тренды развития сферы интеллектуальной деятельности в сравнении с процессом совершенствования права интеллектуальной собственности. Особенно заметен данный разрыв применительно к стремительному процессу создания новых объектов интеллектуальной собственности, способов их использования и сфер применения. Правовая наука не способна с такой же скоростью выработать адекватные эффективные и непротиворечивые формы их правовой защиты, устанавливать правовой режим оборота объектов интеллектуальной собственности, определять оптимальные параметры соответствующей институциональной среды и др.

Еще одной специфической особенностью современности выступает расширение круга непосредственно заинтересованных сторон в развитии и правовой защите интеллектуальной собственности. Возникают новые категории потребителей объектов интеллектуальной собственности. Интеллектуальная собственность становится особым видом общественного достояния, в котором заинтересовано общество в целом.

Список литературы

1. Лебединцева Л.А. Институт интеллектуальной собственности и информационное общество: проблемное поле // Информационное о-во. – 2011. – Вып. 2. – С. 36–42.
2. Основные тенденции развития права интеллектуальной собственности в современном мире, в том числе новые объекты интеллектуальных прав и глобальная защита. «РВК», государственный фонд фондов и институт развития венчурного рынка Российской Федерации. – М., 2017. – URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/85d/Trends_in_Intellectual_Property.pdf
3. Концепция формирования эффективной институциональной среды в области интеллектуальной собственности. – М., 2015. – URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/56a/201512_concept_of_institutional_environment.pdf

Управленческие отношения и их многоаспектность

В представленной статье рассматриваются результаты научных исследований управленческих отношений. Проведённый анализ субъектного состава и содержательного наполнения общественных отношений в сфере воздействия на социальные системы с целью достижения желаемых результатов показал достаточно высокий уровень многоаспектности такого воздействия. Кроме того, управленческие отношения, как представляется, отражают социальный, политический и экономический цивилизационный опыт. Изучения этого опыта позволяет в зависимости от имеющихся характерных особенностей управленческих отношений применять соответствующие им формы управленческого воздействия.

In the present article, the authors offer readers to get acquainted with the results of scientific research of management relations. Their analysis of the subject composition and content of social relations in the sphere of impact on social systems in order to achieve the desired results showed a sufficiently high level of multi-aspect of such impact. In addition, management relations, according to the authors, the article reflects the social, political and economic civilization experience. The study of this experience allows, depending on the existing characteristics of management relations, to apply appropriate forms of management influence.

Ключевые слова: управление, проектирование, планирование, организация деятельности.

Key words: management, designing, planning, activities organization.

Исследование вопросов, связанных с особенностями управленческой деятельности в XXI в., предполагает, прежде всего, уточнение механизма влияния на динамику экономического роста и особенностей его применения в социально-экономических системах, уяснения сущности диалектики отношений между элементами управления на том или ином этапе исторического развития, с учетом влияния имеющихся доминантов.

Управленческие отношения позволяют отражать и обеспечивать реализацию социально значимых интересов личности и ее общностей. Это

значит, что в области управленческих отношений аккумулируются различные интересы и собственно связи, определяемые сферами человеческой деятельности, и в первую очередь, социально-экономической. Они формируют условия взаимодействия между различными сторонами, участвующими в реализации управленческой функции. Значимо и то, что управленческие отношения – это результат исторического опыта развития человечества во всей совокупности общественных отношений, т.е. управление как форма организации человеческой деятельности выступает в качестве элемента общечеловеческих отношений и являются одновременно с этим носителем нравственного аспекта, в том числе и правовой культуры.

Рассматриваемые отношения участвуют в формировании как личности, так и ее общностей, выступающих в качестве субъектов и объектов системы управления одновременно. Другими словами, личность является субъектом и объектом управленческих отношений, она входит в структуру различных элементов системы управления, участвует в реализации различных управленческих функций. Указанные обстоятельства позволяют выражать и защищать интересы человека в экономической, социальной и правовой среде. Кроме того, эти отношения формируют условия для объективирования других общественных страт, следовательно, в управленческих отношениях проявляются качественные характеристики, свойственные социально-экономической системе, доминирующей в обществе и государстве. Тем не менее, отношения, реализуемые в сфере управления, прежде всего отражают отношения между сторонами, элементами, составляющими систему управления, способами и методами осуществления соответствующих функций, а также качественные характеристики субъектов отношений.

Таким образом, управленческие отношения представляют сложную целостную систему, в которой наблюдаются различные виды связей между субъектами, между субъектами и объектами, между самой системой управления и социальной средой.

Значимую роль в управленческих отношениях играют функции, ибо они определяют содержание процесса управления, структуру элементов, составляющих систему управления, а также механизм управления в целом. При этом последний значительно влияет на эффективность управленческих отношений.

Рассматриваемые нами отношения следует оценивать через призму взаимосвязей элементной базы управления социально-экономической системы. Диалектика отношений между составляющими представляет собой

детерминированный процесс, связанный, с одной стороны, противоречивостью, с другой стороны, целостностью. Исходя из оценки множества неоднородных взаимосвязей внутреннего и внешнего свойства, сложности социально-экономических систем по причинам различий направленности деятельности определяются: собственно процесс управления, его сложная социальная природа, роль в правовой культуре и механизм функционирования.

Анализируемые отношения – это результат проявления объективных законов экономического роста социально-экономических систем, в то же время это результат человеческой деятельности.

В современных условиях на повестке дня встает вопрос совершенствования системы управленческих отношений, определение точек экономического роста социально-экономических систем. При изучении этого вопроса следует иметь в виду, что постоянно возникает необходимость продуманного конструирования и совершенствования механизма управления. Этот процесс должен являться отражением объективных закономерностей общественного развития. Несоблюдение этого методологического положения приводит к созданию стихийного механизма и кризису социально-экономической системы, её управленческих взаимосвязей.

Практика отношений в обществе и государстве свидетельствует, что механизм социального управления формируется на основе исторического опыта и отражает сложившиеся отношения организационного, правового, культурного, социально-экономического, психологического и иного характера. Одновременно с этим особое значение здесь имеет объективное прогнозирование экономических, социальных и правовых явлений и процессов, посредством анализа их состояния в настоящем и предвидения точек их роста в будущем. Не углубляясь в анализ моделей и методов социально-экономического прогнозирования, считаем целесообразным отметить, что до настоящего времени не сформировано единое представление, характеризующее сложные социальные системы в формализованном виде, не выработаны единые подходы, связанные с реализацией принципа альтернативности при моделировании социально-экономических процессов, это объясняется прежде всего сложностью рассматриваемых отношений, огромным количеством неопределенностей, кроющихся в противоречивости самого человека и социально-экономических образований в целом.

В настоящий период повышается роль правовой культуры как необходимое условие совершенствования управления страной, ибо оно не только оказывает управленческие воздействия на систему социально-экономических отношений, но и выступает в качестве средства по совер-

шенствованию системы и процесса управления. Характерно, что право и управление не могут должным образом обеспечить свою функциональность, если нарушен принцип системности и учета закономерностей социально-экономического развития.

Значение права в управлении определяется исключительно его способностью обеспечить социальную организованность, закрепление общих программ управления экономическими и другими процессами. Оно выступает как средство по закреплению базовой системы воздействия государства на экономическую, социальную и правовую культуру общества.

Считаем, что в условиях необходимости совершенствования социально-экономических процессов в системе государственного управления следует в рамках правотворческой деятельности определить схему системы управления на всех уровнях. При этом обеспечить более четкое разграничение полномочий организационных структур, упрощение и удешевление аппарата управления, преодоление ведомственной разобщенности, совершенствование территориального и отраслевого управления, а также организационных форм реализации целевых социально-экономических программ.

Список литературы

1. Бугель Н.В. Право как средство управления в социальных системах: моногр. – СПб.: СПб ун-т МВД России, 2008. – 117 с.
2. Бугель Н.В., Игошин Н.А. Правовой прогресс в системе отношений // Роль образования в формировании экономической, социальной и правовой культуры: сб. науч. тр. – СПб., 2014. – С. 268–270.
3. Бугель Н.В., Игошин Н.А. Стратегическое планирование как средство совершенствования деятельности правоохранительных органов (Методологический аспект) // Ленингр. юрид. журн. – № 3 (45) – 2016. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 20–28.
4. Игошин Н.А. Административно-правовые основы определения критериев оценки деятельности участковых уполномоченных полиции // Сорокинские чтения: материалы ежегодн. всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию проф. Ю. Е. Аврутина: в 3 ч. / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. – 2017. – С. 200–203.
5. Рой О.М. Теория управления: учеб. пособие. – СПб.: Питер, 2008. – 256 с.
6. Франчук В.И. Основы общей теории социального управления: учеб. – М.: Изд-во Ин-та организационных систем, 2004.

Памяти профессора Мурадина Хасимовича Кебекова¹ посвящается

**Сравнительно-правовое исследование института группового
иска и некоторый анализ его модели в контексте
Концепции единого гражданского процессуального кодекса РФ**

В статье дается сравнительно-правовое исследование института защиты группы лиц. Идея законодательного закрепления данного института была впервые сформулирована в Концепции единого гражданского процессуального кодекса РФ. В российской процессуальной доктрине существуют серьезные споры относительно того, каким должна быть наиболее эффективно функционирующая модель института группового иска.

The article is devoted to the comparative legal analysis of the institution of protection of a group of persons. The idea of legislative consolidation of this institution was first formulated in the Concept of a single civil procedure code of the Russian Federation. In the Russian procedural doctrine there are serious disputes about what should be the most effective functioning model of the Institute of group action.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, группой иск, единый кодекс, сравнительный анализ, защиты прав группы.

Key words: civil process, arbitration process, group claim, unified code, comparative analysis, protection of the rights of the group.

Обозначенная в Концепции единого гражданского процессуального кодекса РФ идея законодательного закрепления абсолютного нового для российской процессуальной науки института защиты прав, свобод и интересов группы лиц посредством обращения в суд с групповым иском предполагает проведение серьезного теоретико-практического исследования всех аспектов применения указанного способа защиты, в том числе обра-

© Дзагурова М. Д., 2018

¹ Мурадин Хасимович Кебеков – первый ученый-юрист Республики Северная Осетия - Алания и Республики Кабардино-Балкария, один из основателей и первый декан единственного на Северном Кавказе в период с 1969 по 1990 гг. юридического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, заслуженный юрист РФ, кавалер медали «Во славу Осетии».

шение в рамках сравнительно-правового метода к зарубежному опыту применения групповых исков [2]. При этом, на наш взгляд, последнее означает изучение не только доктрины и нормативной базы стран англосаксонской системы права (прежде всего США [6]), где рассматриваемый способ защиты прав имеет более длительную историю применения и отличается наибольшей популярностью [1], но также интересен опыт стран континентальной Европы, например Франции, в которой период законодательного закрепления такого способа защиты прав и интересов граждан, как групповой иск (*l'action de groupe*) исчисляется лишь с 2014 г. В указанный период впервые Законом № 2014-344 от 17 марта 2014 г. в потребительский кодекс Франции были введены нормы, регламентирующие возможность защиты прав и свобод неопределенного круга потребителей посредством института группового иска [7].

Как представляется, именно схожесть российской и французской правовых систем в целом, а также условий реализации права на судебную защиту в частности позволит сформировать более четкие представления об эффективной модели судебного порядка рассмотрения группового иска с учетом французского опыта, доктринального осмысления и практики применения указанного института.

Необходимость проведения серьезного сравнительно-правового исследования института группового иска обусловлена также и тем обстоятельством, что российская модель защиты прав и законных интересов группы лиц, предусмотренная гл. 28.2 АПК РФ, оказалась невостребованной, практически недействующей, в том числе и в силу очевидного несоответствия некоторых положений указанной главы общим принципам отправления правосудия. В частности, в процессуальной науке совершенно справедливо указывалось на недопустимость отказа в реализации конституционного права на судебную защиту лицу, обратившемуся с индивидуальным иском заявлением после вступления в законную силу судебного решения, принятого по итогам рассмотрения группового иска, посредством присоединения к требованиям которого данное лицо ранее могло защитить свои права и законные интересы [2].

Итак, проведем некоторый анализ института группового иска, который достаточно детально урегулирован действующим гражданским процессуальным законодательством Франции. При этом сразу отметим, что институт группового иска является способом защиты, который в том числе регламентирован французским Кодексом административного судопроизводства.

Идея необходимости дальнейшего законодательного закрепления и расширения сферы применения группового иска как способа судебной защиты прав исключительно физических лиц была обозначена в положениях так называемого Закона о модернизации французского судопроизводства XXI в. [5], принятого 18 ноября 2016 г. В частности, во исполнение предписаний указанного нормативного акта Декретом № 2017-888 от 6 мая 2017 г. внесены дополнения в Гражданский процессуальный кодекс Франции, согласно которым более подробно и поэтапно раскрывается содержание группового иска, условия реализации права на обращение с указанным видом иска, а также особенности и последствия его рассмотрения судом.

Возможность применения института группового иска определяется исходя из одновременного действия двух основополагающих процессуальных принципов: во-первых, это принцип опосредованного, непрямого инициирования судебного процесса и, во-вторых, принцип строго ограничения категорий прав, подлежащих защите путем предъявления группового иска.

Принцип опосредованного инициирования судебного разбирательства заключается в том, что

субъектом, реализующим право конкретного лица на судебную защиту посредством группового иска, является аккредитованная в установленном законом порядке некоммерческая организация – ассоциация (association de consommateurs, дословно «ассоциация потребителей»). По состоянию на 2018 г. во Франции насчитывается 15 ассоциаций защиты прав потребителей [6]. Применительно к определению именно такого порядка опосредованной защиты прав французская доктрина задолго до законодательного закрепления института группового иска установила, что, «исходя из фундаментальных и непреходящих основ французского гражданского процесса, суть которых сводится к тому, что никто не должен и не может подменять прокурора в процессе и “примерять” на себя его функции, а также то, что судебное решение имеет субъективные пределы, правом на обращение с групповым иском должно быть наделено либо юридическое лицо, либо специально созданное для защиты прав группы лиц публично – правовое образование – ассоциация, союз и т. д.» [4]. Следовательно, физическое лицо не может от своего имени обратиться с исковым заявлением и тем самым инициировать судебный процесс в защиту прав и законных интересов группы лиц.

Суть второго принципа защиты прав и законных интересов посредством предъявления группового иска заключается в том, что французским законодательством (art. 826-2 Code de procedure civile, art. L. 423-1, L. 623-1

Code de la consommation) прямо предусмотрен закрытый перечень категорий дел, по которым допустимо применение института группового иска. К указанному перечню относятся, в частности, дела по защите прав потребителей, трудовых прав, прав в сфере охраны здоровья, окружающей среды (экологические права), а также дела по вопросам противодействия любой форме дискриминации, защите информации и персональных данных. Во всех иных случаях применение группового иска не допускается. При этом в рамках данного принципа применения группового иска в качестве дополнительного обязательного критерия его использования указано условие об имущественном характере причиненного перечисленным категориям прав вреда. Таким образом, вопрос о возмещении морального вреда в соответствии с действующим французским законодательством не может выступать в качестве требования группового иска. Следует отметить, что подобный подход законодателя подвергается наиболее частой критике со стороны, прежде всего, ассоциаций, которые при оценке обращения граждан с требованием об инициировании группового иска зачастую отказывают в передаче дела в суд в связи с тем, что вопрос об определении объема имущественного вреда в том числе предполагает необходимость учета и включения в состав искового требования причиненного морального вреда [8].

Важно также отметить, что посредством группового иска подлежат защите указанные категории прав, при условии, что их нарушение произошло по причине неисполнения или ненадлежащего исполнения законных или договорных обязательств юридическим лицом – ответчиком по данному виду иска.

Роль ассоциаций в вопросе реализации права физического лица на судебную защиту посредством института группового иска является во французской науке гражданского процессуального права достаточно дискуссионной. Как правило, анализ их функций и назначения проводится в контексте их соотношения с деятельностью органов прокуратуры Франции, которые также наделены полномочиями по защите прав и свобод неопределенного круга лиц. Казалось бы, вышеуказанные права, которые с октября 2014 г. могут быть защищены, в том числе путем предъявления группового иска, вполне могли бы и далее находиться «под защитой», под юрисдикцией органов прокуратуры, но, тем не менее, законом устанавливается новый, ассоциационный порядок защиты прав и свобод группы лиц. Вероятно, при сопоставлении деятельности прокуратуры и ассоциаций, как публично-правовых организаций, специально создаваемых для защиты соответствующих категорий прав, решающее значение имел аргумент, согласно которому

для группы лиц в рамках ассоциаций вопрос инициирования защиты прав и свобод в большей степени зависит от волеизъявления непосредственно самих лиц.

Применительно к вопросу о значении и целях функционирования ассоциаций в процессуальной доктрине Франции выражена точка зрения, в соответствии с которой ассоциации являются своеобразными фильтрами, предназначение которых заключается в том числе в предварительной оценке и отсеивании споров, которые либо не подпадают под критерии применения группового иска, либо с позиций эффективности более приемлемым для конкретного спорного случая является обращение с индивидуальным иском [3].

Ни французский гражданский процессуальный кодекс, ни иные нормативные правовые акты (в частности, Потребительский кодекс Франции, который в ст. 623-1 практически определяет содержание понятия группового иска для защиты прав потребителей и основания его предъявления) не указывают количественное выражение группы, требования которой могут быть защищены посредством группового иска. Ответ на вопрос о количественном критерии разрешен на уровне правоприменительной практики, согласно которой данный вид иска может быть инициирован при обращении в соответствующую ассоциацию не менее двух лиц [9].

Далее обратимся к этапам рассмотрения группового иска. Условно весь процесс рассмотрения можно подразделить на два этапа: досудебный и этап судебного рассмотрения требования, которое осуществляется судом общей юрисдикции по общим правилам искового производства (ст. 826-5 Гражданского процессуального кодекса Франции).

Как уже было отмечено выше, оценка требований физических лиц на предмет возможности применения к защите их прав механизма группового иска осуществляется на уровне соответствующей ассоциации. Только после положительной оценки наличия критериев применения группового иска ассоциация подает групповое исковое заявление в трибунал большой инстанции по месту нахождения юридического лица – ответчика (ст. 826-3 Гражданского процессуального кодекса Франции).

Непосредственно судебный этап рассмотрения группового иска, на наш взгляд, также следует подразделить на три этапа: первый предполагает решение судьей вопроса о допустимости принятия группового иска с точки зрения соблюдения критериев реализации права на его использование в качестве механизма защиты прав и интересов группы лиц. Второй этап – непосредственное рассмотрение искового заявления по существу, т. е. исследование фактических обстоятельств спора, выяснение характера причи-

ненного вреда и тяжести наступивших последствий. Процессуальными целями данного этапа являются установление факта неисполнения или ненадлежащего исполнения ответчиком законных либо договорных обязательств, повлекших за собой нарушение прав группы лиц, а также установление общего объема причиненного имущественного (материального) вреда и порядка его возмещения (индивидуальный или коллективный порядок возмещения причиненного вреда, ст. 826-15 Гражданского процессуального кодекса Франции). Установление данных обстоятельств дела является, скорее, практически единственной целью данного судебного этапа рассмотрения группового иска. Исследование же иных обстоятельств дела, а именно правомерность требований каждого лица, объявившего о своей принадлежности к группе, осуществляется только в случае несогласия ответчика с заявленным требованием о возмещении конкретному лицу, присоединившемуся к групповому иску на стадии выплат компенсаций (ст. 826-17 Гражданского процессуального кодекса Франции).

Кроме того, в процессе исследования главных фактических обстоятельств дела – причинение вреда правам и свободам группы лиц – судом не ставится задача персонификации всех участников данной группы, которым был причинен имущественный вред в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением законных или договорных прав и обязанностей ответчиком. В судебном решении, принятом по итогам рассмотрения группового иска (которым последний признается именно групповым, и на основании которого удовлетворяются заявленные требования), содержатся положения о форме, порядке и сроках присоединения к требованиям данного группового заявления в последующем и иных лиц, чьи права и интересы также могли быть нарушены (ч.3 ст. 826-16 Гражданского процессуального кодекса Франции).

Таким образом, действующее гражданское процессуальное законодательство Франции как на стадии обращения в суд, так и на этапе принятия судебного решения не содержит каких-либо обязательных предписаний относительно необходимости персонификации всех возможных участников группы, в защиту прав и интересов которых соответствующей ассоциацией предъявляется групповой иск.

Судебное решение, принятое по итогам рассмотрения группового иска, должно содержать сведения относительно порядка получения возмещения от ответчика за причиненный вред. При этом указанный порядок возмещения может иметь либо индивидуальный, либо коллективный характер (ст. 826 - 15 Гражданского процессуального кодекса Франции).

Судебное решение должно также содержать разъяснения относительно того, что после удовлетворения требований посредством присоединения к групповому иску лицо утрачивает право на обращение с индивидуальным иском заявлением, содержащим тождественные требования (ч. 6 ст. 826-16 Гражданского процессуального кодекса Франции). Соответственно, в случае неприсоединения за лицом остается его право на судебную защиту и получения возмещения посредством обращения с индивидуальным иском заявлением (ч. 5 ст. 826-16 Гражданского процессуального кодекса Франции).

Таким образом, исходя из изложенного, следует отметить, что действующая французская модель группового иска основана на принципе диспозитивного распоряжения процессуальными правами на судебную защиту. Только на этапе объявления о принадлежности к группе лиц и выплате компенсаций возможно проведение персонификации состава группы лиц.

Судебное решение, принятое по итогам рассмотрения группового искового заявления, подлежит также обязательному опубликованию ответчиком и производится за его счет (ст. 826-14 Гражданского процессуального кодекса Франции). Собственно подобная публикация и позволяет довести до сведения потенциальных участников группы информацию о принятом судебном решении и о возможности реализации права на судебную защиту посредством присоединения к принятому судебному решению и получения соответствующей компенсации. Таким образом, с момента публикации «запускается» этап выявления состава потенциальных истцов, которые в порядке, в форме и в сроки, предусмотренные судебным решением, адресуют требования непосредственно ответчику об индивидуальном порядке возмещения причиненного имущественного вреда, либо направляют в ассоциацию обращение о присоединении к группе и заявляют о своем участии в коллективном порядке возмещения имущественного вреда (ст. 826-17 Гражданского процессуального кодекса Франции).

При использовании любого из указанных вариантов возмещения вреда (индивидуальный или коллективный) лицом должны быть представлены все имеющиеся у него документы – доказательства, подтверждающие его «причастность» к группе (ч. 7 ст. 826-16 Гражданского процессуального кодекса Франции).

Заявление о присоединении физического лица к удовлетворенным требованиям группового иска не является каким-то формальным и в то же время автоматическим основанием для возмещения имущественного вреда посредством института группового иска. В случае несоблюдения формы,

сроков, а также порядка присоединения к групповому иску, непредоставления сведений, подтверждающих статус лица, на которое распространяется действие судебного решения, принятого по итогам рассмотрения группового искового заявления, спор подлежит передаче в суд и рассматривается по правилам индивидуального искового производства (ст. 826-19, ст. 826-24 Гражданского процессуального кодекса Франции).

Подводя некоторый итог всему вышеизложенному, постараемся в формате сравнительно-правового сопоставления сформулировать некоторые предложения относительно российской модели группового иска, идея внедрения которого изложена в Концепции единого гражданского процессуального кодекса РФ [10, 11].

Так, по нашему мнению, и в российском гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве надлежит предусмотреть институт специального истца – ассоциации, которые бы имели исключительное право на обращение с иском в защиту прав и интересов группы лиц. При этом важно подчеркнуть, что роль и назначение указанной ассоциации должны сводиться не только к выполнению организационно-технической функции по подготовке процессуальных документов, но и в том числе к предварительной оценке возможности защиты интересов двух и более лиц посредством института группового иска путем соотнесения правовых и фактических оснований искового требования с законодательно установленными критериями его квалификации в качестве рассматриваемого вида иска.

Концепция единого гражданского процессуального кодекса РФ не содержит описания порядка рассмотрения группового иска. Между тем именно подробный и тщательно взвешенный с точки зрения действия процессуальных принципов порядок, позволит обеспечить наиболее эффективное использование института группового иска. В частности, исходя из действия процессуального принципа диспозитивности недопустимо ограничение прав доступа к правосудию любого лица, который не был заявлен в групповом исковом заявлении, либо в дальнейшем не присоединился к судебному решению, принятому по итогам рассмотрения подобного иска. Групповой иск не должен «поглотить» иск индивидуальный.

Очевидна и разумность подхода определения конкретного перечня категорий споров, рассмотрение которых возможно посредством института группового иска. Подобное определение категорий споров возможно на основании, например, исследования судебной практики на предмет выявления наиболее «уязвимых» с позиций частоты допущения массового нарушения прав и интересов сфер жизнедеятельности общества.

Список литературы

1. Аболонин Г.О. Правовой механизм группового иска в США // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
2. Туманов Д.А. О групповых исках в Концепции единого гражданского процессуального кодекса РФ // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
3. Daniel Mainguay, L'action de groupe en droit français après la loi Hamon du 17 mars 2014, Lextenso éditions, 2014, page 31.
4. S. Guinchard. L'action de groupe en procedure civile francaise. Revue international de droit compare. Année 1990. 42-2 pp. 599–635.
5. Titres V et VI de la loi n° 2016-1547 du 18 novembre 2016 de modernisation de la justice du XXIe siècle // www.economie.gouv.fr/particuliers/action-de-groupe
6. URL:[https://www.economie.gouv.fr/cedef/action-de groupe](https://www.economie.gouv.fr/cedef/action-de_groupe) (дата обращения: 08.12.2018)
7. URL:<https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000028738036&dateTexte=20181122> (дата обращения: 08.12.2018)
8. URL:<http://www.ufc-quechoisir-var-est.org/les-resultats-de-laction-de-groupe-selon-alain-bazot> (дата обращения: 08.12.2018)
9. URL:[https://www.economie.gouv.fr/particuliers/action-de groupe?fbclid=IwAR2Nql4_3vh1oygEQJOiIQ8gEa2n6uizGODrqJPd95iBFDzbVj4MCUsAFHE](https://www.economie.gouv.fr/particuliers/action-de_groupe?fbclid=IwAR2Nql4_3vh1oygEQJOiIQ8gEa2n6uizGODrqJPd95iBFDzbVj4MCUsAFHE) (дата обращения: 08.12.2018)
10. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/
11. URL:<http://legalacts.ru/doc/konseptsija-edinogo-grazhdanskogo-protsessualnogo-kodeksa-rossiiskoi-federatsii/> (дата обращения: 08.12.2018)

Экономический интерес участников как основной фактор интеграции

В статье проведен анализ развития моделей интеграции. Раскрыта роль экономического интереса участников в развитии процесса интеграции в продовольственной цепи. Обоснована необходимость сочетания частного, группового и совокупного интересов по цепи создания конечного продукта. Выявлены основные противоречия между участниками. На основе совершенствования локальных нормативных актов интегрированного формирования (объединения) предложено сформировать совокупный интерес для всех участников процесса. Согласно основным положениям институциональной теории обоснована необходимость учета и гармонизации интересов участников по всей цепи создания продовольствия, с учетом специфики базовой отрасли – сельского хозяйства.

The article analyzes the development of integration models. The role of economic interest of participants in the development of the integration process in the food chain is revealed. The necessity of a combination of private, group and aggregate interests in the chain of creation of the final product is substantiated. The main contradictions between the participants are revealed. On the basis of improvement of local regulations of integrated formation, it is proposed to form a common interest for all participants in the process. On the basis of institutional theory, the necessity of taking into account and harmonizing the interests of participants throughout the food chain, taking into account the specifics of the basic agricultural sector.

Ключевые слова: теория, интеграция, интерес, модель, связи, собственник, корпорация, сделка, транзакционные издержки.

Key words: theory, integration, interest, model, communications, owner, Corporation, transaction, transaction costs.

В современных условиях глобализации продовольственных рынков агропромышленная интеграция является наиболее распространённой формой развития крупных предпринимательских организационно-экономических структур в аграрной сфере. В процессе интеграции в АПК по цепи производства продовольствия образуются различные организаци-

онно-правовые и экономические формы взаимодействия. Интеграционное формирование как сложная экономическая система требует полного учета и гармонизации интереса участников, постоянного укрепления и совершенствования локальной правовой базы, усиления связей между участниками, создания гибкой структуры управления, обеспечивающей сбалансированное развитие всех звеньев по цепочке создания продукта.

Нарушение на практике в процессе интеграции этих основных положений приводит к неэффективному функционированию агроформирования и недостижению целей, поставленных ими в коммерческой деятельности. Это вызывает необходимость в разработке подходов к обоснованию развития процесса интеграции с учетом локальной специфики производства продукта, учитывающих интересы участников по цепи создания продукта, повышения их конкурентоспособности, а также в разработке (формировании) стратегии их сбалансированного развития на основе правовых норм.

Низкая эффективность процесса интеграции в регионе в сфере производства продовольствия по сравнению с транснациональными продовольственными корпорациями, рост противоречий между участниками в ходе интеграции по цепи создания продукта, слабопроработанная локальная корпоративно-правовая база приводят к усугублению противоречий между участниками, росту транзакционных издержек, нарушению воспроизводственного процесса и в конечном счете к распаду и банкротству интегрированного формирования.

Актуальность данной проблематики определяется слабой разработанностью на теоретическом и методологическом уровне научных основ по учету интересов участников в ходе интеграции в АПК в трансформационной экономике, недостаточной проработанностью локальной правовой базы, практической необходимостью повышения конкурентоспособности продовольственной цепи Северо-Западного региона РФ в условиях глобализации продовольственных рынков усиления конкуренции после вступления РФ в ВТО.

В последние годы ученые региональных институтов НИУ РАН, а также государственные управленческие структуры и практические работники различных региональных уровней активно занимаются изучением вопросов совершенствования процессов интеграции и созданием теоретических основ регулирования экономических отношений в интегрированных формированиях и трансформационной экономике. Исследователями интеграционных процессов в АПК создана существенная научно-теоретическая база, основными составляющим элементами которой явля-

ются основные принципы и теории функционирования интегрированных формирований, обоснование обменно-распределительных отношений, нормативно-правовое обеспечение.

Интеграционные процессы в АПК обладают сложной структурой взаимосвязей, сочетанием деятельности и интересов множества организаций различного профиля и масштаба из разных отраслей в ходе создания ценности по продовольственной цепи для конечного потребителя.

Сложность и многогранность проблемы взаимодействия хозяйствующих субъектов требует комплексного подхода к разработке методических основ для эффективного функционирования интегрированных формирований как единой, целой системы.

В современных условиях развития глобальной экономики наилучшим образом интересы участников в продовольственной сфере согласовываются в рамках интегрированной структуры организации агробизнеса. Интегрированная структура представляет собой целостную систему взаимоотношений между множеством субъектов по цепочке создания продукта, выражающую их цели, экономические интересы, характер, формы организации и взаимодействия по поводу создания ценности для конечного потребителя. Полный учет интереса участников и понимание наличия противоречиво обусловленной взаимозависимости между экономическими интересами позволяют понять, что только согласование экономических интересов путем взаимных уступок обеспечивает развитие процесса интеграции без существенных потерь и острых конфликтов для участников.

В первую очередь это относится к взаимоотношениям по ценообразованию, складывающимся между предпринимателями (инвесторами) отраслей сельскохозяйственного производства, переработки и хранения, логистики и торговли и зависящим от решения проблемы совершенствования экономического взаимодействия по всей цепочке создания ценности. Также же важно учитывать интересы менеджмента и наемных работников по выравниванию уровня оплаты труда в процессе интеграции для каждого звена.

Интересы предпринимателей в каждой отрасли сферы продовольствия в процессе интеграции разнообразны и многогранны. В то же время они объективно группируются, образуя различные виды групповых интересов, которые взаимно проникают и существуют не только параллельно, но и взаимосвязанно, функционально переплетаясь между собой.

Частные интересы сторон в каждом конкретном правоотношении, как правило, являются противоположными. Совпадение противоположных интересов дает возможность их взаимного удовлетворения, когда субъекты

являются юридически равными в условиях диспозитивного правового регулирования. При этом участники общественных (хозяйственных) отношений находятся в юридически равном положении, имеют широкую автономию воли в выборе конкретного варианта поведения, являются имущественно самостоятельными, что дает возможность саморегулирования в рамках основ гражданского права, разрешительном типе правового регулирования, в котором преобладают законодательные разрешения [6].

Соединение интересов субъектов хозяйствования в интегрированном формировании может осуществляться, во-первых, на основе учета многостороннего интереса всех участников, во-вторых, на основе двусторонней связи интересов и соблюдения принципов взаимной экономической выгоды; в-третьих, в условиях, когда при взаимодействии хозяйствующих субъектов экономический интерес одного реализуется вне зависимости от экономического интереса другого.

Из мировой практики функционирования интегрированных корпоративных организаций, исходя из того, преимущественно чьим интересам призваны служить данные формирования, можно выделить следующие три базовые модели:

- интересам собственников (учредителей) (англо-американская модель);
- интересам собственно корпорации как организации (японская модель);
- интересом всех участников корпоративного формирования (немецкая модель).

На современном этапе развития существенная разница между этими моделями сокращается вследствие заимствования методов корпоративного ведения дел друг у друга. В частности, в англо-американской модели экономические интересы субъектов собственности, владеющие контрольным пакетом акций (долей), имеют приоритет относительно интересов монетарных участников и наемных работников. В основном собственникам, владеющим контролем над корпорацией, свойственна ориентация на долговременный экономический интерес. Это обеспечивает им в дальнейшем альтернативность в экономическом поведении и экономическую свободу в выборе хозяйственных действий. Если контролирующему собственнику-владельцу или группе лиц заинтересованность и ответственность за хозяйственные действия имманентно присущи, то для активизации других субъектов нужно прибегать к использованию внешних стимулов.

У монетарных собственников, менеджеров, наемных работников доминируют краткосрочные цели. Для повышения степени экономической заинтересованности и ответственности наемных работников, в т. ч. ме-

менеджмента, необходимо разрабатывать и применять систему стимулов, участие в прибылях, предоставление права на льготное приобретение акций или право льготного участия в долевом капитале.

Данная модель формирования интеграции в АПК, учитывающая преимущественно только интересы контролирующих собственников, приводит к нарушению условий взаимосвязанности и сбалансированности развития интегрированного формирования, к ущемлению других субъектов хозяйствования в цепи создания продукта и слабо мотивирует наемных работников, наносит ущерб развитию производства и социальному развитию сельской местности.

Во втором случае, при японской модели функционирования корпоративного формирования, интересы всех хозяйствующих субъектов строятся на основе учета интереса корпорации как единого целого и организации двусторонней связи и взаимовыгодных экономических отношений хозяйствующих субъектов, когда создаются наиболее благоприятные условия для производственной деятельности каждого из субъектов. В такой ситуации стороны осуществляют взаимный контроль за хозяйственной деятельностью и реализацией интересов, координируют свои действия в разрешении противоречий, достигая тем самым согласованного функционирования. Двусторонняя зависимость хозяйствующих субъектов в группе по цепочке производства заставляет каждого из них искать все более результативные решения в своей деятельности: размещение заказов внутри корпорации осуществляется на основе проведения конкурентных торгов между участниками.

В интеграционном процессе по немецкой модели формируется скоординированный интерес группы собственников (инвесторов, юридических лиц) из разных отраслей и сфер услуг и наемных работников по цепочке создания продукта. Она возникает в результате целенаправленной и сознательной деятельности, активностей по достижению собственных предпочтений, но вынужденных для достижения этой цели постоянно идти на взаимные компромиссы. При данном условии интересы множества участников по цепочке создания продукта наиболее эффективно согласуются в процессе интеграции хозяйствующих субъектов в рамках одной структуры при различных формах организационного взаимодействия.

Скоординированный интерес в ходе интеграции множества хозяйствующих субъектов из разных отраслей и сфер деятельности, менеджмента и наемных работников решает вопросы более высокого порядка. В его природе заложен социальный элемент. В скоординированном интересе, в процессе интеграции, частные цели и выгоды участников интеграции доб-

ровольно и сознательно приводятся в состояние отсутствия противоречия с целями внешнего окружения и развития местного, регионального или национального сообщества. Это происходит путем создания в рамках интеграционного формирования условий, при которых все участники – предприниматели получают возможность эффективной реализации своих целей. Наличие множества лиц, самостоятельно принимающих решения с учетом индивидуальных, групповых и скоординированных интересов, придает устойчивость процессу интеграции, что приводит к самоподдерживающему долгосрочному развитию, нивелированию ошибок отдельных участников [3].

По экономической самостоятельности и типов преобладания связей различаются корпоративные формирования, функционирующие на основе договоров, – мягкие связи, на основе объединения капиталов – жесткие связи, на основе членства и партнёрства (кооперативно-ассоциативная форма) – средней степени связи.

По мнению А.А. Алпатова, в разных странах складываются не модели смешанной экономики, отличающиеся друг от друга своими «национальными коэффициентами смещения», а способы сглаживания изъянов несбалансированной рыночной экономики и учета интересов всех социальных групп. В качестве примера можно привести современные социальные системы Швеции, Японии, США, Германии. Так, основой шведской системы является социальная политика, ее успешное проведение обусловлено высоким уровнем налогообложения хозяйствующих субъектов (более 50% валового национального продукта). Своеобразие Японии это прежде всего планирование и координация деятельности правительства и частного сектора, при этом планирование носит исключительно рекомендательный характер. Американская модель социальной системы дает пример такого соотношения права и экономики, при котором правовое регулирование экономических отношений осуществляется лишь в крайне необходимых случаях – утверждение правил экономической игры, регулирование бизнеса, образования. Германская модель – это парадигма социального рыночного хозяйства, которая увязывает расширение конкурентных начал с созданием особой социальной инфраструктуры, смягчающей недостатки рынка и капитала, с формированием многослойной институциональной структуры субъектов социальной политики [1].

Общие интересы субъектов объясняются врожденными инстинктами, а также необходимостью выработки единой стратегии для защиты своих интересов. Цель объединения субъектов в организацию – разрешение конфликтов. Традиционные институционалисты исходят из того, что внутри

организации конфликты носят частный характер и устраняются путем административных сделок в уже сформированном правовом поле. Конфликты между организациями требуют участия третьей стороны, в качестве которой выступают государственные структуры (суды, арбитраж). Внешние конфликты устраняются путем рыночных и распределительных сделок, так как в основе своей это конфликт между бизнес-структурами по поводу распределения ресурсов и доходов общества. Преодоление таких конфликтов чаще всего ведет к изменению действующих формальных и неформальных институтов.

Связь между понятиями прав собственности, транзакционных издержек и контрактных отношений по учету интересов раскрывается в знаменитой «теореме Коуза», которая гласит: «Если права собственности четко определены и транзакционные издержки равны нулю, то размещение ресурсов (структура производства) будет оставаться неизменным и эффективным независимо от изменений в распределении прав собственности» [7].

Процесс агропромышленной интеграции в рыночных условиях является сложным самоорганизующимся явлением, механизмы функционирования и развития которого до сих пор, несмотря на множество публикаций отечественных и зарубежных авторов, не получили полноценного теоретического обоснования. Подтверждением тому выступает существование в экономической теории различных точек зрения на его содержание.

Наиболее адекватной основой изучения интеграционных процессов является институциональная экономическая теория. Один из ее последователей и теоретиков Джон Кеннет Гэлбрейт считает, что главным элементом планирующей системы является «зрелая» корпорация. Основой крупной корпорации служит соединение передовой техники с массовым применением капитала. Дж. Гэлбрейт выделяет две стадии развития корпорации: на первой стадии доминирует предпринимательская корпорация, «которая по времени своего возникновения, размеру и простоте операций еще позволяет отдельному лицу, контролирующему капиталы, пользоваться единоличной властью...». На втором этапе развития корпорации происходит отделение собственников от управления и переход фактических функций власти к профессиональным менеджерам, названным Гэлбрейтом «техноструктурой». За собственниками остается важная функция контроля за менеджментом [2].

Другой же представитель и один из основателей институционализма Рональд Коуз в ранних работах определил процесс интеграции как результат преодоления ограниченности мелкого производства. В сущности, интеграция – это объединение мелких производителей в различных отраслях с

целью получения выгод крупномасштабного производства. Проблема интеграции для Коуза вмещала в себя два основных вопроса: найти экономический критерий эффективности интеграции и установить пределы интеграционных процессов (до каких пор фирма может расти?). Ответ на поставленный вопрос Р. Коузу позднее удалось раскрыть в статьях «Природа фирмы» и «Проблема социальных издержек». В 1937 г. Р. Коуз попытался найти ответы на вопросы, которые не ставились неоклассической теорией: если конкурентные рынки столь эффективны, как утверждает теория, как объяснить существование фирм, которые внутри своей структуры стараются обходиться без рыночных сделок? Если фирмы имеют преимущества в сравнении с рынком, как объяснить, почему они не замещают его полностью? Ответ Р. Коуза состоит в том, что заключение сделок на рынке сопряжено с издержками использования рыночного механизма, поскольку при каждой сделке необходимо проводить переговоры, осуществлять надзор, устанавливая взаимосвязи, устранять разногласия, контролировать нарушения договоров партнерами и добиваться их исполнения или компенсации потерь от неисполнения. Автор назвал их транзакционными издержками [7].

Рыночный обмен может достаточно эффективно соединять покупателей и продавцов, производителей и потребителей, и в идеальном случае все субъекты экономики должны быть самостоятельными, независимыми товаропроизводителями. Но почему тогда существуют фирмы, ведь во внутреннем пространстве фирм свободный рыночный обмен заменен на административные иерархические, неравные связи между собственниками и рабочими, собственниками и менеджерами, менеджерами и рабочими? Р. Коуз противопоставил рынок и иерархическую внутреннюю организацию фирмы как взаимозамещающие механизмы координации экономической активности. Он отмечал, что внутренняя организация может экономить транзакционные издержки, т. е. затраты на поиск информации, борьбу с оппортунистическим поведением внутри фирмы могут быть ниже, чем в том случае, когда каждый субъект экономики был бы независимым продавцом или покупателем.

О. Уильямсон развил дальше выводы исследования Коуза, сделав теорию транзакционных затрат функциональной. Он предложил модель, которая объясняет компромисс между организацией сделки в рамках фирмы (иерархии) и рынка [9].

Уильямсон выявил способ минимизации транзакционных издержек, который связан со специфичностью активов фирмы. Специфичность разделяется на физическую (насколько активы компании однородны и уз-

коспециализированы с точки зрения их роли в производственном процессе) и по местоположению (насколько активы территориально разобщены). Для агробизнеса утверждение о специфичности активов является ценным в связи с тем, что земельные ресурсы и узкоспециализированные основные средства в сельском хозяйстве это низколиквидные активы, которые невозможно использовать для бизнеса по другому назначению. Специфичность активов порождает различные формы управления агрофирмой. В принципе, возможны три основные формы: иерархическая (когда организация управляется директивным способом из единого центра); рыночная (предполагающая возникновение своеобразных рыночных отношений внутри агроформирования (заключение контрактов между центром – интегратором и отдельными подразделениями, при которых сохраняется определенная автономность подразделений в принятии решений); гибридная (сочетающая в себе элементы иерархической и рыночной форм).

Уильямсон сделал несколько важных выводов относительно выбора формы управления организацией, которые наиболее соответствуют, на наш взгляд, агробизнесу. Чем больше специфика активов, тем более управление агроформированиями стремится перейти от рыночной контрактной формы к иерархической на основе концентрации собственности. Этому способствует слабое развитие механизма исполнения договоров. Рыночные условия обмена регулируются контрактным правом. В агроформировании унитарного типа взаимоотношения строятся вне договорного права. В первом случае возникают трансакционные издержки, во втором – внутриорганизационные бюрократические издержки. Эффективно функционирующий механизм договорного права способствует снижению трансакционных издержек на рынке. В этих условиях растет значение рыночных форм управления организацией.

На выбор формы управления интегрированного формирования влияет эффект репутации организации и ключевых собственников. Он связан с предположением об оппортунизме при договорной форме взаимоотношений. Чем слабее связь между организациями по цепочке создания продукта, тем легче не выполнять договорные обязательства, следовательно, уровень доверия оказывается на низком уровне, так как нет влияния эффекта репутации интегратора. Напротив, чем выше репутация интегратора, тем выгоднее становится использовать рыночные формы управления.

Весьма важен в экономике фактор неопределенности. Пытаясь преодолеть неопределенность будущего в целях формирования устойчивой сырьевой базы, интегратор увеличивается в размерах и переходит от рыночной формы управления к иерархической путем концентрации соб-

ственности. Взаимодействие вышеназванных эффектов в АПК приводит к тому, что в динамике отдельные сельскохозяйственные товаропроизводители стремятся к различным формам объединения: от самостоятельной организации к интегрированному формированию.

К 1990-м гг. в научный оборот теории интеграции вошло новое понятие – «управление цепью поставок» как альтернативная теоретическая парадигма. Первоначально выдвинутая логистиками в целях улучшения технической эффективности процессов приобретения и управления запасами концепция вскоре получила дальнейшее развитие среди исследователей агропродовольственной системы и агробизнеса. Согласно данной концепции базовой единицей анализа становится скоординированная агропродовольственная цепь, а не фирма или транзакция. Эмпирические исследования подтверждают, что современная конкуренция – не борьба компании против компании, а экономическое соревнование цепи поставок с другими цепями поставок. Обобщающей работой, подводящей определенный итог концептуальному развитию интеграционных процессов, в том числе в агробизнесе как «агропродовольственной цепи», можно считать работу Г. Бирса и др. [8]. «Агропродовольственные цепи», как правило, формируются на основе мягких связей, на базе долгосрочных договорных отношений по цепи создания продовольственного товара для конечного потребителя.

Дальнейшее развитие неинституционализма было связано с уточнением и конкретизацией понятия транзакционных издержек. Так, А. Алчиан и Г. Демсец в своей работе «Производство, информационные издержки и экономическая организация» (1972) увидели сущность фирмы в преимуществах кооперации, когда совместное использование какого-либо ресурса в составе единой команды может дать лучшие результаты, чем индивидуальная деятельность. Однако совместное производство сопряжено с издержками выделения (оценки вклада каждого участника команды в общий результат), порождая стимулы к отлыниванию. Следовательно, необходим контроль, который бы пресекал подобное оппортунистическое поведение.

Таким образом, авторы теории экономической организации пришли к ряду выводов, которые мы считаем правильными и адекватными для интеграционных процессов в АПК:

в экономике складывается рынок организационно-правовых форм, на котором фирмы разных моделей и типов конкурируют между собой;

конкуренция на рынке организационных форм и моделей интеграции способствует выживанию на нем тех структур, которые в наибольшей степени отвечают требованиям экономической среды. Для каждого типа мо-

делей интеграции на рынке существует ниша, в которой он оказывается эффективнее остальных. Однако преимущества моделей интеграции определенного вида могут исчезнуть с изменением внешних условий на рынке;

ни одна из моделей интеграции и организационных форм не имеет абсолютных преимуществ перед другими; каждая модель интеграции и каждая форма собственности и юридическая форма сопряжены со своим набором транзакционных издержек, который при определенных обстоятельствах может превратить ее в наиболее или наименее эффективную.

В рыночных условиях агропромышленная интеграция представляет собой процесс объединения субъектов разных отраслей хозяйствования на основе усиления их взаимосвязей и развития их взаимодействия. Проявление экономической интеграции в продовольственной сфере заключается в развитии и усилении наукоемких связей по цепи создания продукта в совместном использовании ресурсов, слиянии капитала и создании благоприятных условий хозяйствования для всех участников [4].

Наличие и взаимодействие субъектов хозяйствования в долгосрочном периоде является фундаментом исследования экономического содержания интеграционного процесса. В социальном контексте взаимодействие экономических субъектов является результатом интеграции. Таким образом, на наш взгляд, интеграцию необходимо определять сквозь призму выявления наличия и взаимодействия субъектов хозяйствования.

Возможности развития экономической интеграции находятся, прежде всего, в диалектических взаимосвязях с процессом специализации. При общественном разделении труда и его углублении специализация служит необходимым условием для формирования производства в оптимальных масштабах и развития присущих им связей и отношений с другими производствами на постоянной и прочной основе, одной из форм проявления которой выступает интеграция. Углубление общественного разделения труда, в свою очередь, требует расширения кооперации производства, которая создает предпосылки и условия для формирования первичных звеньев промышленных комплексов и их производственных структур. Специализированное производство не может существовать без связи с другими специализированными производствами, как и не может производить продукцию только для собственных нужд [5].

Для успешного воздействия на интеграционные процессы необходимо выявить специфику интеграционных процессов именно в АПК и выработать содержательные теоретические основы их развития прежде всего на основе учета интересов его участников, а также особенности воздействия

на них с целью повышения конкурентоспособности продовольственного сектора экономики в СЗРФ в условиях глобализации.

Интеграция, как известно, связана не только с позитивными процессами для экономики участников данного процесса, но и с негативными. Важный негативный аспект процесса интеграции в АПК, избежать которого в ближайшее время необходимо, заключается в нарушении воспроизводственного процесса по цепочке создания продукта, диспропорции в установлении цен, слабом учете интересов участников хозяйствующих субъектов, прежде всего базовой отрасли в сфере продовольствия – предприятий сельского хозяйства. В результате безвозвратно утрачивается потенциал сельскохозяйственных организаций, сокращаются площади обрабатываемых земель сельскохозяйственного назначения, увеличивается безработица на селе и происходит отток трудоспособного населения в города.

Список литературы

1. Алпатов А.А. Право и экономика: вопросы соотношения // Право. – 2010. – Высшая школа экономики. КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-ekonomika-voprosy-sootnosheniya>.
2. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. – М.: Прогресс, 1973. – С. 138.
3. Дибиров А.А., Морева А.В. Основы процесса интеграции в молочно-продуктовом комплексе региона на примере Ленинградской области // Рос. электрон. науч. журн. – 2018. – № 3 (29). – С. 143–163.
4. Дятлова А.Ф. Теоретические основы экономической интеграции корпоративных агропромышленных формирований // Экон. науки. – 2011. – № 1 (74).
5. Кокова Э. Р. Развитие интеграционных процессов в региональном агропромышленном комплексе: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Нальчик, 2014. – С. 13.
6. Максимов В.А. К вопросу о соотношении «права» и «интереса» в гражданском праве // Ленингр. юрид. журн. – 2018. – № 1 (51). – С. 98–101.
7. Чулкина С.А. История экономических учений. – Пермь, 2016. – С. 108.
8. Beers G., Beulens A. Van Dalen J. Chain science as an emerging discipline // Agricultural Economics Research Institute. Netherlands: Working Paper 98-01, 1998.
9. Riordan M., Williamson O. Asset Specificity and Economic Organization // International Journal of Industrial Organization. – 1985. – № 3 (4). – P. 365–378.

**О некоторых вопросах реализации
договорных обязательств в авиакомпании**

В статье содержится анализ правовых норм, научных взглядов и доктринальных положений по вопросу реализации договоров, заключаемых авиакомпаниями. На примере различных этапов реализации договоров основное внимание уделяется анализу проблемных вопросов правового регулирования деятельности авиакомпании по контролю за исполнением договоров, а также возмещению контрагентом убытков авиакомпании за нарушение исполнения условий договора.

The article contains an analysis of legal norms, scientific views and doctrinal provisions on the implementation of contracts concluded by the airline. For example, the various stages of the contracts the authors have focused on the review and analysis of problematic issues in legal regulation of airline operations to monitor execution of contracts and reimbursed by the contractor for the losses of the airline in violation of the terms of the contract.

Ключевые слова: договор, правовое регулирование, претензионная работа, локальные акты авиакомпании, взыскание убытков, неустойка, процент за пользование чужими денежными средствами.

Key words: contract, legal regulation, claim work, local acts of the airline, recovery of damages, forfeit, interest for using other people's money.

Процедура заключение договора, безусловно, является краеугольным камнем всей договорной работы авиакомпании, однако не есть ее конечная точка. Скорее наоборот – заключенный договор порождает гражданско-правовое обязательство, которое подлежит исполнению сторонами данной сделки. При этом реализация договора в узком смысле сводится к совершению (или воздержанию от совершения) сторонами указанных в соглашении действий. В данном случае значение договорно-правовой работы в авиакомпании сводится к минимуму. В широком смысле реализация договора охватывает все фактические действия по сопровождению сделки: не только передачу товара, выполнение работ, оказание услуг и их оплату,

неразглашение конфиденциальной информации по договору и т. д., но еще и действия по урегулированию возникающих спорных (проблемных) ситуаций с контрагентом [1, с. 226].

Договор требует от его участников исполнения принятых на себя обязательств и в этом отношении служит инструментом обеспечения стабильности и устойчивости взаимосвязанной деятельности хозяйствующих субъектов. Точное и своевременное исполнение договорных обязательств выступает важным резервом экономического роста [4, с. 162]. Совершенно очевидно, что только в случае исполнения договоров может быть достигнуто успешное развитие предпринимательской деятельности. Поэтому можно с уверенностью указать, что именно обязательность исполнения является необходимым критерием договора, составляющим его внутренний смысл.

Реализация сделки как важнейший этап договорной работы направлена на подчинение внутренней и внешней деятельности авиакомпании требованию надлежащего исполнения условий заключенных договоров. В основном процесс организации исполнения договоров включает четыре стадии:

1 – доведение содержания условий заключенных договоров до ответственных исполнителей;

2 – преобразование ответственными исполнителями условий заключенных договоров в акты стратегического и оперативного бизнес-планирования;

3 – практическая реализация запланированных в целях выполнения договорных обязательств бизнес-процессов;

4 – отчет исполнителей о ходе реализации бизнес-процессов, осуществляемых в рамках исполнения договорных обязательств [5, с. 51].

Добиться надлежащего выполнения всех обязательств – главная цель, которую преследуют стороны при заключении договора. За неправильное выполнение или отсутствие исполнения предусмотрена ответственность. При этом надлежащим считается исполнение договорных обязательств и законодательных требований в полном объеме. При соблюдении всех условий и надлежащего исполнения обязательство прекращает свое существование.

При анализе деятельности по исполнению договоров следует прежде всего учитывать отличия предметной хозяйственной деятельности от предназначенной для ее упорядочения и организации договорной деятельности. Осуществляемая субъектами производственная, строительная, транспортная, торговая и иная деятельность подчиняется техническим, технологиче-

ским, санитарным, требованиям по безопасности и др. Совершаемые в ходе такой деятельности многие тысячи действий не имеют правового значения и не являются ни юридическими поступками, ни сделками. Правильность, точность таких действий оцениваются как должностными лицами (внутренними подразделениями) авиакомпании, так и внешними контролирующими органами [4, с. 163].

Контроль является необходимым условием обеспечения надлежащего исполнения заключенных авиакомпанией договоров, так как опыт отсутствия эффективной системы контроля приводит к резкому снижению результативности применяемого организацией договорного инструментария. Поэтому контроль необходим прежде всего для своевременного выявления возникших сбоев и отступлений в ходе выполнении договорных обязательств, принятия оперативных мер по устранению выявленных недостатков, а также корректировке или досрочному закрытию договоров [5, с. 54].

В деятельности по реализации договорных обязательств авиакомпании необходимо различать исполнительскую деятельность непосредственно между сторонами сделки и собственно договорную работу внутри самой авиакомпании (контрагента). В последнем случае важнейшими элементами выступают внутренние подразделения и должностные лица компании, именно их действия должны изучаться с точки зрения эффективности, конструктивности, плодотворности для решения общей правовой задачи – надлежащего исполнения договора [4, с. 167].

Вышесказанное позволяет утверждать о наличии внутренней и внешней форм осуществления контроля за исполнением договоров, заключаемых авиакомпанией. При этом внутренний контроль представляет собой деятельность, специально направленную на выявление соответствия параметров происходящих в компании бизнес-процессов параметрам заключенных ею договоров. Содержание такого контроля сводится к сравнению данных об условиях заключенных договоров с результатами хозяйственной деятельности, осуществляемой для исполнения этих договоров. Поэтому внутренний контроль по своему характеру является обобщающим и учитывает текущие результаты деятельности авиакомпании в целом, а не отдельных ее структурных подразделений или конкретных должностных лиц. Периодичность внутреннего контроля должна обеспечивать раннее прогнозирование возможных негативных сценариев и выявление недостатков в процессе исполнения договоров. Основное внимание при осуществлении данного контроля необходимо обращать на степень

соответствия ожидаемого или реального выполнения договорных обязательств [5, с. 55].

Внешний контроль представляет собой деятельность авиакомпании по выявлению рисков возможных нарушений контрагентом условий заключенного договора, своевременное обнаружение допущенных контрагентом нарушений договора и их документальную фиксацию, а также принятие оперативных мер по устранению последствий допущенных контрагентом нарушений. Внешний контроль позволяет правильно оценить складывающуюся с исполнением договора ситуацию и в случае необходимости своевременно воздействовать на контрагента для недопущения срыва исполнения принятых им договорных обязательств [5, с. 56].

Как правило, контроль исполнения обязательств контрагента осуществляется подразделением авиакомпании, исполняющим этот договор. При этом выполнение контрагентом денежных обязательств контролируется финансовым отделом (группой) посредством отслеживания расчетных платежей и поступления денежных средств по договору на счета авиакомпании.

Исходя из практики, контроль осуществляется посредством обратной связи от подразделений авиакомпании, которые непосредственно являются потребителями. Например, контроль качества уборки, по сути, осуществляют бортпроводники, т. е. в случае некачественной уборки они направляют замечание. Что касается питания, то непосредственным потребителем является пассажир. В случае отравления, пассажир направляет претензию в претензионный отдел, далее претензионный отдел направляет запрос на проверку поставщика бортового питания.

Наиболее частой проблемой является то, что контроль за исполнением договора отсутствует в силу того, что им должно заниматься то подразделение, которое заключило договор или является его куратором, но из-за специфики предмета договора это не представляется возможным. Например, руководитель отдела по договорной работе не может проводить непосредственный контроль за уборкой салона воздушного судна, так как он находится в головном офисе, а уборка воздушного судна осуществляется в различных аэропортах. Поэтому для повышения эффективности контроля необходимо наделить соответствующими функциями существующие представительства авиакомпании в каждом аэропорту, где заключены подобные договора. Иначе говоря, в представительстве авиакомпании следует определить круг должностных лиц и прописать в их должностных обязанностях систему работы по контролю за качеством исполнения договоров. Напри-

мер, в подразделениях авиакомпании уже есть специально обученный сотрудник – супервайзер¹, а также в авиакомпаниях проводится аудит качества по стандартам IOSA.

Сопровождение исполнения договора включает в себя оформление промежуточных и итоговых первичных документов, подтверждающих частичное выполнение договора (поставку части товаров, выполнение этапа работ и т. д.) или фиксирующих завершение исполнения обязательств контрагентом (поставку товаров в полном объеме, выполнение полного объема работ по договору, оплату и т. д.). По сути, речь идет об одних и тех же видах документов, подтверждающих разные факты (частичное или полное исполнение обязательств по договору) [1, с. 227].

Итоговыми первичными документами оформляется «закрытие» договора, т. е. прекращение договорных обязательств надлежащим исполнением (ст. 408 ГК РФ). Закрытие, или прекращение договорного обязательства может происходить и по иным основаниям, поименованным в законе, иных правовых актах или договоре (ст. 407 ГК РФ). К числу таких оснований относятся также расторжение договора по соглашению сторон и допустимый односторонний отказ от договора [1, с. 228].

В случае нарушения сроков исполнения или невыполнения обязательств по договорам, руководителем соответствующего подразделения на имя директора правового департамента подается служебная записка с указанием фактов нарушения законных прав авиакомпании и согласования планируемых мер по восстановлению охраняемых законом интересов авиакомпании. Ответственность за своевременность извещения о подобно-го рода нарушениях несет руководитель соответствующего подразделения (службы, отдела), заключившего договор или осуществляющего контроль за его исполнением. При этом он незамедлительно принимает меры для приостановления обязательств авиакомпании по договору [2].

Практика показывает, что в процессе исполнения договора довольно часто происходят события, никак не связанные с поведением контрагентов, но оказывающие большое влияние на соответствующий процесс. Например, специфика перевозки пассажиров воздушным транспортом проявляется в обязательном взаимодействии авиакомпании с организациями, являющимися операторами аэропортов. Последние же, пользуясь своим исключительным положением в качестве естественного монополиста,

¹ Супервайзер (supervise – наблюдать, контролировать) в переводе с англ. языка означает «наблюдатель».

навязывают свои услуги и завышают тарифы, а именно умышленно ставят перед контрагентом условия, заведомо невыгодные для авиакомпании [3, с. 169]. Поэтому важно как можно раньше выявлять подобные события. Это позволяет принимать эффективные корректирующие воздействия на процесс исполнения договора.

Выявленные при сопровождении исполнения договора или после его «закрытия» нарушения требуют адекватного реагирования со стороны авиакомпании, права и законные интересы которой были нарушены [1, с. 230]. Одним из таковых средств реагирования является претензионный порядок урегулирования спора, предполагающий направление контрагенту-нарушителю предусмотренного избранным способом защиты требования с предложением о его добровольном удовлетворении.

В случае неурегулированности спора в досудебном порядке, правовой департамент авиакомпании осуществляет судебно-исковую работу по взысканию с контрагента денежных средств в качестве возмещения убытков за неисполнение обязательств по договору. Применение данной меры за неисполнение договорных обязательств является общим правилом, поэтому законом или договором может предусматриваться ограничение возмещения убытков. Однако, если таковое правило не установлено, то, определяя размер взыскания, стоит руководствоваться принципом разумности. При этом в состав убытков может включаться реальный ущерб (денежная стоимость утраченного имущества, настоящие и будущие расходы для устранения последствий нарушения) и упущенная выгода (недополученные вследствие правонарушения доходы).

Для получения с нарушителя возмещения понесенных убытков авиакомпании необходимо будет доказать в суде определенный круг обстоятельств, именуемых в теории права как состав гражданского правонарушения: наличие убытков у авиакомпании; противоправное поведение контрагента; причинно-следственная связь между действиями контрагента и наступившими у авиакомпании убытками; вина контрагента.

Вместе с тем в арбитражных судах круг обстоятельств, подлежащих доказыванию несколько упрощается, так как по общему правилу стороны договора несут ответственность за нарушение обязательств по принципу презумпции виновности (п. 3 ст. 401 ГК РФ). При этом авиакомпании необходимо доказать не просто наличие убытков (представить расчет), но и подтвердить их размер (реальной и/или упущенной выгоды).

Наиболее распространенный для авиакомпании вид нарушения договорных обязательств это, конечно же, незаконное пользование чужими де-

нежными средствами. Для предотвращения подобных ситуаций законом предусмотрено несколько правовых инструментов, одним из самых простых является взыскание с контрагента процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ). Фактически для реализации этой нормы в договоре авиакомпании специальную оговорку делать необязательно, так как это диспозитивная норма и она действует, если стороны не предусмотрят в договоре иной порядок. Поэтому в случае допущения подобных нарушений контрагентом условий договора, авиакомпания вправе требовать с него уплаты процентов по ст. 395 ГК РФ на всю сумму денежных средств, которыми он незаконно пользовался.

Таким образом, реализация договорных обязательств включает в себя исполнение договора, контроль за исполнением договора и, в случае нарушения условий договора, претензионно-исковую работу. Для регламентации этой деятельности в авиакомпании создаются локальные нормативно-правовые акты.

Список литературы

1. Договорное право: учеб. пособие для студ. вузов / под ред. Н.Д. Эриашвили, В.Н. Ткачёва. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 308 с.
2. Организация договорной работы в акционерном обществе «Авиакомпания «Россия» от 26.06.2011 г.: стандарт организации // Документ для служебного пользования.
3. Прозванченков А.В., Шахбазов Р.А. Договорная система в авиакомпании // Ленингр. юрид. журн. – 2018. – № 1 (51). – С. 164–171.
4. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования: учеб. пособие. – М.: Зерцало-М, 2008. – 224 с.
5. Цветков И.В. Договорная работа: учеб. – М.: Проспект, 2014. – 388 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.1:340.69:69-057.86

С. Ю. Косарев

Правовое положение эксперта-строителя в уголовном судопроизводстве

В статье рассмотрены современные особенности правового положения судебного эксперта-строителя, гарантии осуществления его профессиональной деятельности, обозначены проблемные вопросы, связанные с реализацией прав и обязанностей судебного эксперта-строителя.

The article deals with the modern features of the legal status of the forensic expert Builder, guarantees of his professional activity, identifies problematic issues related to the implementation of the rights and obligations of the forensic expert Builder.

Ключевые слова: судебная экспертиза, сфера строительства, эксперт-строитель, уголовное судопроизводство, уголовная ответственность, компетентность.

Key words: forensic expertise, the construction sector, expert Builder, criminal justice, criminal responsibility, competence.

Современный этап развития России характеризуется постоянным увеличением объемов строительства, что является неотъемлемым элементом развития страны, повышения благосостояния населения и в целом положительным фактором экономического развития страны. Однако сфера строительства традиционно связана с большим оборотом материальных ценностей, опасными ситуациями в процессе выполнения строительных работ, сложностью последующей эксплуатации строительных объектов. В связи с этим в указанной сфере существует высокий уровень преступных нарушений правил безопасности, приводящих к значительным жертвам.

Преступления, совершаемые в сфере строительства и эксплуатации зданий и сооружений, представляют серьезную опасность для общества. При этом успешное расследование таких преступлений невозможно без использования специальных строительско-технических знаний, которые

позволяют установить фактические обстоятельства преступления и принять обоснованные решения в ходе судебного разбирательства. Главной формой использования таких знаний является судебная строительно-техническая экспертиза (ССТЭ).

Вместе с тем в науке и практике еще остаются нерешенные трудности, связанные как с теоретическими аспектами ССТЭ, так и с проблемами ее законодательной регламентации.

Предметом ССТЭ в уголовном судопроизводстве являются устанавливаемые на основе специальных знаний в области строительства фактические данные по уголовным делам:

- о принадлежности продукции строительного производства, продукции производства строительных конструкций, изделий и материалов; выполненных (выполняемых) строительных работ определенному классу, роду, типу, виду, группе;

- о стоимости строительных объектов и выполненных работ;

- о соответствии нормативно-техническим данным продукции строительного производства; продукции производства строительных конструкций, изделий, деталей и материалов;

- о причинах, условиях, обстоятельствах и механизме аварии, несчастного случая в строительстве; частичной или полной утраты продукцией строительного производства функциональных, эксплуатационных, потребительских, эстетических свойств и свойств безопасности;

- о соответствии действий лиц – участников события (аварии, несчастного случая в строительстве), а также лиц, ответственных за надлежащее ведение и безопасность условий производственного процесса, специальными правилами [1, с. 10].

Следует отметить, что приведенное определение со временем может изменяться, дополняясь по мере появления и развития новых видов исследований в рамках ССТЭ.

В ряде случаев судебными органами вопросы эксперту могут ставиться неправильно, что обусловлено тем, что лицо, назначающее экспертизу, имеет неполное (или неправильное) представление о возможностях и задачах экспертизы определенного вида.

На практике также случается, что на разрешение экспертам ставятся вопросы, выходящие за пределы их компетенции. Например, такие вопросы могут не требовать для своего разрешения специальных знаний эксперта-строителя, или относиться к исключительной компетенции органов (лиц), назначивших экспертизу (в частности вопросы о виновности лиц).

Таким образом, в каждой частной методике по расследованию преступлений в сфере строительства должны содержаться перечни экспертиз, типичных для расследования данной категории преступлений.

Применительно к каждому из видов, упоминаемых в частной методике ССТЭ, должны приводиться определяемые криминалистической характеристикой и следственными ситуациями типизированные системы вопросов, решаемых экспертами-строителями. Здесь же следует излагать вопросы, касающиеся оценки следователем заключений экспертов-строителей с позиций их достоверности и доказательственного значения [3, с. 69–70].

Типовая методика любой судебной экспертизы предназначена для решения типовых для данного рода (вида) экспертизы задач. Структура ее включает: типичные для данного вида экспертизы объекты; методы и средства исследования; указание последовательности и условия их применения; описание возможных результатов применения методов и средств и характеристика этих результатов в аспекте экспертной задачи [4, с. 30].

Конкретная (частная) экспертная методика направлена на решение определенной экспертной задачи и представляет собой либо результат приспособления, модификации типовой экспертной методики к решению конкретной задачи, либо плод творческого подхода эксперта к решению нетривиальной экспертной задачи.

Правовое положение эксперта-строителя в уголовном судопроизводстве во многом аналогично положению эксперта, обладающего знаниями в иной области науки, техники или искусства, ремесла.

Согласно ст. 57 УПК РФ, эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Таким образом, экспертом-строителем является лицо, обладающее специальными знаниями в области строительства и назначенное в установленном УПК РФ порядке для производства судебной строительно-технической экспертизы и дачи заключения (которое наряду с показаниями эксперта (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) является доказательством по делу).

Под специальными знаниями в ССТЭ следует понимать не просто сумму знаний из области строительства, а знания, обладая которыми, эксперт должен дать квалифицированные ответы на поставленные перед ним вопросы. Решая эту проблему применительно к знаниям эксперта-строителя, приведем перечень характерных отличий знаний специальных от обыденных.

Эксперт-строитель должен знать все множество требований, регламентирующих процесс строительства, процессы эксплуатации, ремонта (реконструкции) и утилизации продукта строительного производства, а также все этапы, предшествующие возведению строительных объектов (всевозможные исследования и проектирования). Указанные требования содержатся в следующих источниках:

- строительных нормах и правилах (СНиП, СН, СП, РНиП);
- национальных и международных стандартах (ГОСТ, ГОСТ Р, ИСО);
- пособиях к СНиП и ГОСТ;
- методических документах и указаниях в строительстве (МДС, МДК, МУ);
- ведомственных нормах и правилах (ВН, ВНП, ВНТП, ВСН, ВСП, ОСТ);
- территориальных строительных нормах (ТСН, МГСН) и др. [5, с. 69].

Приведенный перечень характеристик специальных знаний эксперта-строителя дает возможность сформулировать следующее их определение: «специальные знания эксперта-строителя – это профессиональные (теоретические и прикладные) знания в области проектирования, возведения, эксплуатации, реконструкции (ремонта) и утилизации зданий, строений, сооружений и коммуникаций, позволяющие в пределах его компетенции проводить отвечающие современным требованиям исследования строительных объектов и территорий, функционально связанных с ними, в целях обеспечения эффективности судопроизводства» [1, с. 72].

Определив понятие «эксперт-строитель», можно приступить к рассмотрению его правового положения в уголовном судопроизводстве. Прежде всего необходимо проанализировать один из важнейших принципов судебно-экспертной деятельности – независимость судебного эксперта. Данный принцип закреплен в ст. 7 Федерального закона о государственной судебно-экспертной деятельности (Закон о ГСЭД); при этом важно отметить, что он распространяется также на экспертов, не являющихся служащими государственных судебно-экспертных учреждений.

Итак, согласно ст. 7 Закона о ГСЭД, при производстве судебной экспертизы эксперт независим от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела.

Можно выделить следующие гарантии независимости эксперта при осуществлении судебно-экспертной деятельности.

- Предусмотренная законом процедура назначения и производства экспертизы позволяет эксперту быть независимым, подчиняясь требованиям закона и правомерным распоряжениям должностных лиц, ответственных за производство по делу, а также руководителям государственных экспертных учреждений, чьи указания даются в рамках Закона о ГСЭД и УПК РФ.

- Процессуальная самостоятельность эксперта регламентирована УПК РФ.

- Эксперт является процессуально самостоятельной фигурой, выступает в качестве участника уголовного судопроизводства, дает заключение от своего имени и несет за него личную ответственность.

- За дачу заведомо ложного заключения по уголовному делу эксперт несет уголовную ответственность по ст. 307 УК РФ (ч. 5 ст. 57 УПК РФ). Дача заведомо ложного заключения всегда выражена в умышленном действии эксперта. При этом основания для привлечения сведущего лица к уголовной ответственности будут иметь место независимо от того, наступил или нет какой-либо результат его противозаконного действия: принял ли суд, следовательно его заключение, вынес ли суд приговор и проч. на основании такого заключения или нет. Заведомая ложность заключения судебного эксперта может выражаться в замалчивании существенных фактов, признаков объекта, в их искажении, в заведомо неправильной оценке выявленных фактических обстоятельств дела [2, с. 60].

Примечание к ст. 307 УК РФ устанавливает, что эксперт освобождается от уголовной ответственности, если он добровольно в ходе дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявил о ложности данного им заключения.

Также независимость эксперта призвана обеспечивать целый ряд его прав и обязанностей. К их числу относятся: возможность обжалования в установленном законом порядке действия органа или лиц, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают права эксперта, запрет вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела.

Возможность отвода эксперта также предусмотрена законом.

Эксперт подлежит отводу от участия в производстве судебной экспертизы, а если она ему поручена, обязан немедленно прекратить ее производство при наличии следующих оснований (ст. ст. 61, 70 УПК РФ):

1) он является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или свидетелем по данному уголовному делу;

2) он участвовал в качестве присяжного заседателя, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика;

3) он является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу;

4) он находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей;

5) имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе данного уголовного дела;

6) обнаружится его некомпетентность.

Под компетентностью эксперта-строителя следует понимать степень владения им знаниями в области теории, методики и практики судебной строительно-технической экспертизы. Она определяется его образовательным уровнем, специальной экспертной подготовкой, стажем экспертной работы, опытом в решении аналогичных экспертных задач, индивидуальной способностью к эвристическому мышлению. Согласно ст. 13 Закона о ГСЭД, компетентность государственного судебного эксперта проверяется и удостоверяется экспертно-квалификационными комиссиями.

Закон также устанавливает, что при наличии оснований для отвода эксперт сам обязан уклониться от участия в производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 62 УПК РФ). Нормы Закона о ГСЭД предусматривают запрет на производство судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении, если установлены обстоятельства, подтверждающие заинтересованность в исходе дела руководителя данного учреждения (ч. 1 ст. 18 Закона).

Законодатель рассматривает незаконные воздействия на эксперта как преступления, посягающие на общественные отношения в сфере отправления правосудия. К таковым относятся: посягательство на жизнь эксперта либо его близких в связи с производством предварительного расследования, рассмотрением дел в суде, совершенное в целях воспрепятствования законной деятельности эксперта (ст. 295 УК РФ); угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении эксперта либо его близких в связи с производством предварительного расследования, рассмотрением дел в суде (ч. 2 ст. 296 УК РФ); принуждение эксперта к даче заключения путем угроз, шантажа или иных

незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание (ст. 302 УК РФ); подкуп эксперта или принуждение его к даче ложного заключения или ложных показаний (ст. 309 УК РФ). Причем преступления считаются оконченными с момента совершения вышеуказанных действий.

Гарантией независимости судебного эксперта является еще и тот факт, что на него, наряду с другими участниками уголовного судопроизводства, распространяется действие Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. Независимость эксперта проявляется также и в его свободе и самостоятельности при выборе средств и методов проведения экспертного исследования.

Рассмотрим подробнее комплекс прав и обязанностей судебного эксперта. Согласно абз. 2 и 3 ст. 16 Закона о ГСЭД, эксперт обязан принять к производству порученную ему руководителем соответствующего судебно-экспертного учреждения судебную экспертизу; провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам. Причем п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ предоставляет эксперту право давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования. Согласно абз. 3 ст. 17 Закона о ГСЭД эксперту предоставляется право делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний.

Другим немаловажным правом эксперта является возможность ходатайствовать перед руководителем соответствующего государственного судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения (абз. 1 ст. 17 Закона о ГСЭД и п. 2 ч. 3 ст. 57 УПК РФ).

Необходимость предоставления эксперту такого права обусловлена целым рядом факторов, например при производстве многообъектной экспертизы (когда исследованию подлежит комплекс зданий, строений, сооружений; земельные участки большой площади и сложной конфигурации) число однородных объектов исследования может быть столь велико, что экспертное исследование невозможно выполнить в установленный срок; до начала экспертизы или уже в ходе ее производства эксперт может прийти к

выводу, что необходимо применить методы, которыми сам эксперт не владеет, т. е. речь идет о комплексном исследовании; в таком случае эксперт может воспользоваться правом расширить перечень вопросов, имеющих значение для доказывания (п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ), на которые могут быть даны ответы, но при этом ему может понадобиться помощь других экспертов.

Однако следует подчеркнуть, что в тех случаях, когда эксперт не считает себя компетентным разрешать вопросы экспертизы, он должен не ходатайствовать о привлечении дополнительно других экспертов, а вообще отказаться от ее производства. Так, абз. 4 ст. 16 Закона о ГСЭД устанавливается, что эксперт может отказаться от составления заключения путем направления мотивированного письменного сообщения о невозможности дать заключение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу. При этом данные действия эксперта будут считаться правомерными, если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения, и эксперту отказано в их дополнении, современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы.

Заметим, что данная обязанность одновременно является и правом эксперта, предоставленным ему п. 6 ч. 3 ст. 57 УПК РФ, а также ч. 5 ст. 199 УПК РФ.

В экспертном учреждении письменное сообщение о невозможности дать заключение эксперту, по нашему мнению, следует направлять руководителю этого учреждения, который, в свою очередь, поручает производство экспертизы другому эксперту, привлекает сторонних специалистов или уведомляет орган или лицо, назначившее судебную экспертизу, о невозможности ее производства [4, с. 223].

Данное предложение представляется целесообразным, так как именно руководитель судебно-экспертного учреждения (СЭУ) осуществляет контроль за полнотой и качеством проводимых исследований и отвечает за направление заключения в назначивший экспертизу орган или лицу. Кроме того, такой порядок существенно облегчил бы деятельность следователя (суда) по подбору нового СЭУ или эксперта, так как эта обязанность возлегла бы на руководителя СЭУ. При этом независимость эксперта не будет ущемлена, если предоставить ему право, в случае несогласия с решением руководителя экспертного учреждения, довести свое мнение до сведения лиц или органа, назначивших экспертизу. В случае, если экспертиза произ-

водится вне экспертного учреждения, безусловно, эксперт должен сам сообщить о невозможности ее проведения.

Обязанностью судебного эксперта, согласно абз. 5 Закона о ГСЭД, является неразглашение сведений, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведений, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну. Кроме того, эксперт не вправе сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших (абз. 13 ст. 16 Закона о ГСЭД).

С указанными нормами согласуется установленная УПК РФ обязанность эксперта не разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными ему в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта, если он был об этом заранее предупрежден (п. 5 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, ст. 161 УПК РФ). За разглашение этих сведений он может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ.

Согласно абз. 6 ст. 16 Закона о ГСЭД, эксперту вменяется обязанность обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела, а абз. 14 того же закона устанавливает запрет уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу.

Данные положения нашли свое отражение и в УПК РФ (п. 3 ч. 4 ст. 57), где указано, что эксперт не вправе проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств.

Здесь следует сказать о том, что на практике многие методы ССТЭ видоизменяют объект исследования. В связи с этим представляется, что требование закона о сохранности объектов экспертного исследования, применительно к вопросам, затронутым в настоящей статье, следует интерпретировать как необходимое стремление эксперта-строителя сделать все возможное в конкретной ситуации, чтобы сохранить неизменным либо сам объект, либо, а если это невозможно, то такие его свойства и признаки, которые позволят в дальнейшем получить представление об объекте и вновь подвергнуть его исследованию при производстве повторной или дополнительной судебной экспертизы.

В соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, а также абз. 12 Закона о ГСЭД эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для эксперт-

ного исследования, в том числе эксперт не может без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы (п. 1 ч. 2 ст. 57 УПК РФ). Закон о ГСЭД вообще запрещает эксперту вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела.

Таким образом, если эксперт путем контактов с лицами, проходящими по делу, собирает материалы для производства судебной экспертизы, заключение такой экспертизы впоследствии должно быть исключено из числа доказательств. Тем не менее, эксперту предоставляется право участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы (п. 3 ч. 3 ст. 57 УПК РФ).

Самостоятельным сбором материалов для экспертизы является и анализ экспертом всех материалов дела. Эксперт вправе знакомиться с материалами дела, относящимися только к предмету судебной экспертизы (п. 1 ч. 3 ст. 57 УПК РФ), а отбор их является исключительной прерогативой следователя или суда.

В случае, когда представленных материалов недостаточно, эксперт вправе лишь ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения (п. 3 ч. 3 ст. 57 УПК РФ), но не подменять субъектов, назначивших экспертизу, и заниматься анализом материалов дела, собирая доказательства, выбирая, что ему исследовать, например анализировать свидетельские показания, иначе могут возникнуть сомнения в объективности и обоснованности заключения. К сожалению, на практике это происходит достаточно часто [4, с. 226].

Единственным исключением из этого правила является получение образцов для сравнительного исследования, которое может производиться экспертом в процессе проведения им судебной экспертизы (ч. 4 ст. 202 УПК РФ). В этом случае сведения о производстве указанного действия эксперт отражает в своем заключении.

Согласно абз. 9 Закона о ГСЭД эксперту запрещается принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения.

Отсюда следует, что органы и лица, назначающие экспертизу, могут выбрать только СЭУ, но не конкретного эксперта. Впрочем, такое ограниче-

ние представляется неправомерным, так как оно противоречит нормам УПК РФ и может привести к нарушению прав подозреваемого и обвиняемого.

Так, согласно п. 3 ч. 1 ст. 198 УПК РФ, при назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник вправе ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц. Если постановление не может быть вынесено в адрес конкретного лица, решение об удовлетворении ходатайства подозреваемого или обвиняемого фактически принимает руководитель экспертного учреждения, не наделенный законодателем такими полномочиями. Кроме того, непонятной остается ситуация назначения частного эксперта, не являющегося сотрудником СЭУ.

С учетом же современных представлений, думается, что затронутый вопрос, на наш взгляд, мог бы стать предметом рассмотрения не только Пленума Верховного суда РФ, но и Конституционного суда РФ.

Права и обязанности государственных экспертов находят свое отражение также и в нормативных правовых актах ведомственного характера.

Так, права и обязанности государственного эксперта-строителя закреплены в Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации (утвержденной приказом Минюста РФ № 347 от 20 декабря 2002 г.), в основном повторяющей в части, касающейся эксперта-строителя, положений Закона о ГСЭД и процессуального законодательства.

Таковы наши общие взгляды на особенности правового положения эксперта-строителя в российском уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Бутырин А.Ю. Теория и практика судебной строительно-технической экспертизы. – М.: Изд. Дом "Городец", 2006. – 224 с.
2. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / под ред. В.П. Кашепова. – М.: Юстицинформ, 2003. – 240 с.
3. Косарев С.Ю. Методики расследования преступлений (основы теории и формирования): учеб. пособие. – СПб.: НОУ СЮА, 2015. – 108 с.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2011. – 736 с.
5. Чудиевич А.Р. Проблемы эффективности нормативно-технического регулирования в строительстве // Теория и практика судебной экспертизы. – 2010. – № 1 (17). – С. 68–73.

*В. Б. Малинин, К. З. Трапаидзе,
М. В. Малинина*

**Привлечение волонтеров к исправлению
несовершеннолетних осужденных:
предложение законодателю**

В данной статье рассматриваются предложения по реформированию уголовно-исполнительной системы привлечения несовершеннолетних к лишению свободы. Особая роль в их исправлении отводится волонтерам.

In this article, proposals on reforming the reform of the juvenile correctional system to imprisonment are considered. A special role in their correction should be attracted to volunteers.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, несовершеннолетние осужденные к лишению свободы, исправление несовершеннолетних осужденных, воспитательный центр.

Key words: penal law, a minor sentenced to imprisonment, correction of juvenile offenders, educational center.

В настоящее время существуют 23 воспитательных колонии. Условия содержания в них ужасные: избиения, издевательства являются нормой жизни.

Вот что пишет, например, Федор Крестовый: «Я считаю, что надо менять законы. Содержать четырнадцатилетнего пацана в условиях нашей воспитательной колонии – само по себе преступление. Ведь эта система калечит психику и зрелым мужикам. Не говоря уже о том, что подросток останется недоучкой – следствие и суд тянутся очень долго, а вечерние школы в колониях ущербны. К тому же пацаны не всегда осознают, что совершают преступление. Они привыкли, что если с друзьями до четырнадцати лет отнимут у других ребят мелочь, то за это их всего лишь поругают в школе и дома. И вот после очередного дня рождения такое же действие квалифицируется уже как грабёж. Слишком рано и резко мы по-

мешаем детей в тюрьму – они же не только несовершеннолетние, но в силу возраста еще пока “несовершенноумные”» [5, с. 75].

Существуют определенные касты: «блатные» («припотелые»), «мужики» («пацаны»), «козлы» («дятлы»), «петухи» («опущенные»). В «красных» колониях примерно такая же градация, только под другими названиями «бугры», «борзые», «шныри», «форшмаки».

Как пишут А. Гулов и В. Рябинин, «особенность нелегальной или так называемой “другой жизни” в “красных” ВК, заключается еще в том, что здесь из привилегированных категорий формируется особая “каста” осужденных – “бугры”, занимающие в иерархии неформальной структуры отношений, как правило, доминирующее положение. В нее входят: председатель совета коллектива, колонии, отряда, отделения, секретари этих советов, председатели некоторых других общественных комиссий осужденных. Они подбираются администрацией из числа осужденных, как правило, привилегированных категорий и становятся не только формальными, но и неформальными лидерами, которые оказывают большое влияние на жизнедеятельность осужденных. Это влияние в ряде случаев носит негативный характер, и прежде всего тогда, когда администрация передоверяет им свои права по наказанию осужденных, а также если данные лица ведут с администрацией “двойную” игру: занимаются поборами, рукоприкладством» [11, с. 135].

В.Ф. Пирожков пишет: «Одной из особенностей “красной” группы является тот факт, что актив имеет важные привилегии, недоступные для других социальных групп в колонии. Члены актива имеют больше свобод, и в целом живут значительно лучше, чем остальные. Так, активисты имеют возможность довольно хорошо и иногда даже роскошно питаться. Чаше всего они не ходят в столовую, а питаются «вольной» пищей в самом отряде. Это становится возможным в силу существования специфического “налога” (своеобразного “оброка”) на рядовых воспитанников. Каждый воспитанник обязан отдать активу часть передачи с воли, часть полученной посылки, часть продуктов из ларька» [10, с. 11].

Вот свидетельство начальника отдела ВК МВД РФ полковника Калининна: *«У несовершеннолетних существует такой садизм, о котором я и не читал. Приведу простые примеры, как ребята изоциряются в камере. Выбрали себе жертву, изнасиловали – и в группах, и в разных формах, что б еще придумать? Заставляют выпить ведро воды, а потом становятся ногами на живот, чтоб фортунило. Опять мало. Закупают в ларьке пару килограммов чеснока – ешь! Или перец сыпет, у несчастного уже пена изо*

рта течет. Что еще? Загонят гвозди под ногти... В одном СИЗО я столкнулся с невероятной дикостью: сокамерники издевались над парнем, заставляли его, извините, член курить. Был бы там взрослый, он не допустил бы такого беспредела» [Цит. по: 4, с. 51].

А вот свидетельство бывшего воспитателя «красной» колонии: *«Председателю совета отряда мыли перед сном ноги (не дай бог вода окажется слишком горячей или очень уж холодной – принесший ее будет бит). Те же пацаны и чай приносили “буграм” прямо в постель. Денег у “актива” собиралось немало: приезжают отцы-матери, стараются незаметно сунуть денежку сыну. Отдаст он потом купюру председателю совета – тот возьмет и пальцем покажет: этого, мол, не трогать. И иная жизнь начнется у пацана. Глядишь, и он уже в свите крутится, в “активисты” принят» [Цит. по: 4, с. 78–79].*

В столовой «бугров» и «борзых» обслуживают «пацаны», отдавая им лучшие и большие порции. Они никогда не будут есть кашу в столовой – не солидно. Он предпочитает деликатесные и редкие продукты, отбирая их у ребят, получивших посылки из дома, а нередко им даже готовят отдельно.

Низшую ступень занимают «обиженные», «опущенные», которые служат объектом издевательств особо привилегированных и их окружения [3, с. 13].

Приведем пример из показаний бывшего воспитанника Икшанской колонии (Московская область):

«Всеми отношениями в колонии заправляют “борзые”, их 7 человек. От “борзых” зависит, как человек будет жить в зоне, они могут развязать человеку руки, дать ему свободу, могут, наоборот, унижить его, постоянно придираются, бить, измываться над ним.

В колонии около 10 блатных, они выполняют поручения “борзых”, дают на актив угрозами, избиениями, лишением благ.

Примерно 20–30 человек “пригретые”, это земляки борзых, которые получают от них некоторые блага. Иногда для того, чтобы стать пригретыми или активистами, достаточно дать денег или делиться передачей.

Столько же активистов, занимающих то же положение, что и пригретые; их назначает воспитатель, они смотрят за уборкой, за порядком.

Около 40 % воспитанников являются обиженными или опущенными. Опущенных в зоне около 40 человек. В основном, опущенными становятся ребята, слабые характером и телом, психически нездоровые. Таких, кто был гомосексуалистом до заключения под стражу, я не встречал.

Самое жалкое и страшное – это “опущенные”. Они избегают всяких контактов с посторонними.

Например, Мишин – слабый, худой мальчик, вечно грязный, всем всегда стирает вещи. Судя по всему, у него нет родителей и помощи с воли ему ждать не от кого. Он страдает энурезом. Ежедневно его избивают, почти всякий раз эти избиения приводят к потере сознания. Потерял ли Мишин сознание или только плачет, те, кто его бил, начинают смеяться, кричат “баба!”, часто начинают бить снова. Не редки случаи, когда его бьют табуреткой по голове.

Большинство опущенных вступают в половые сношения недобровольно, их склоняют к этому угрозами, избиениями. Того же Мишина подвергают насилью не реже 3-х раз в неделю, порой он сопротивляется, просит оставить его в покое, но просьбы опущенного никого не трогают. Во время изнасилования над ним еще и издеваются с особой изощренностью.

Опущенных в основном насилуют ночью в отделении, в туалете, в бане, в старом корпусе» [Цит. по: 1, с. 7].

Существование «мастей» у осужденных приходится учитывать и администрации исправительных учреждений и следственных изоляторов, хотя согласно ч.3 ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса РФ там сказано только об учете вида наказания, характера и степени общественной опасности преступления, личности осужденного и его поведения» [15, ч. 3 ст. 8].

А вот что пишет, например, заключённый В.И. Яненко, бывший в качестве «бати»: «Чтобы в камерах малолеток не “опускали” – одна из причин, по которой взрослых приходится держать в таких камерах» [Цит. по: 2, с. 160].

Сейчас практически ничего не делается для того, чтобы места лишения свободы перестали быть школами подготовки профессиональных преступников.

Мы согласны, что с нашей «исправительной» системой надо что-то делать. Как мы писали – это школа преступности и очаг распространения преступных традиций и обычаев. Необходимо сформулировать четкую уголовно-исполнительную политику в отношении несовершеннолетних осужденных.

Важное значение в исправлении осужденных играет труд. И если в отношении взрослых осужденных мы поддерживаем позицию об обязательности их труда [7, 8], то в отношении несовершеннолетних осужденных мы придерживаемся противоположной точки зрения. Тем более, что из жизни воспитательных колоний постепенно, но неотвратимо уходит труд.

Как показала перепись 2009 г., только 34 % воспитанников колоний обеспечены работой [12]. Необходимо организовать общее и специальное образование осужденных несовершеннолетних, что предусмотрено ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса [15, ст.8].

Мы предлагаем создать в каждом субъекте Федерации воспитательные центры с четырехместными помещениями для перевода в них несовершеннолетних осужденных данного региона. В этом помещении должны находиться трое несовершеннолетних осужденных вместе с *волонтером*.

Создание воспитательных центров в каждом субъекте Российской Федерации обеспечит близость мест отбывания лишения свободы к месту прежнего проживания осужденных, к их родственникам, что, как показывает практика, благоприятно сказывается на их морально-психологическом состоянии, на процессе их исправления и социализации. Такую же идею поддерживает А.П. Некрасов [9, с. 312–313].

Поделим количество несовершеннолетних, содержащихся в воспитательных колониях на 1 декабря 2018 г. – (1 400) [13], на число субъектов Федерации (86) и нас получится примерно 16 осужденных на каждый субъект Федерации.

Неужели субъект Федерации не потянет содержание своих 16 оставшихся детей? Должны найтись и средства и место для их содержания. Пусть каждый субъект Федерации несет ответственность за преступность несовершеннолетних в своем регионе. Чем их будет меньше, тем дешевле они будут обходиться бюджету субъекта Федерации.

В каждой комнате вместе с тремя осужденными несовершеннолетними должен находиться и днем и ночью один волонтер.

При волонтерах будут исключены все издевательства несовершеннолетних друг над другом. Лучше подбирать таких волонтеров, которые смогут обучать несовершеннолетних определенным предложениям.

Безусловно, вольные волонтеры для таких учреждений должны проходить предварительное тестирование, собеседование с психологом.

В каждом таком центре должны содержаться и девочки, а их сейчас не более 100 на всю Россию [13] (естественно, в отдельном помещении, и также с волонтером-женщиной).

Совместное содержание девушек и юношей в одной ВК сегодня реализуется лишь в Колоссовской ВК УФСИН России по Калининградской области, что положительно оценивается сотрудниками самой же колонии [6, с. 34]. Общение со сверстниками противоположного пола, действительно, благоприятно сказывается на развитии личности любого подростка.

Создание воспитательного центра в каждом субъекте Российской Федерации обеспечит близость места отбывания лишения свободы к месту прежнего проживания осужденных, к их родственникам, что, как показывает практика, благоприятно сказывается на их морально-психологическом состоянии, на процессе их исправления и ресоциализации [14, с. 227].

Большинство осужденных из малоимущих семей, поэтому посылки и передачи, приезд родственников на свидания – расходы недопустимые. Сейчас на свидания родственники приезжают менее чем к половине осужденных (по результатам спецпереписи осужденных 2009 г. кратковременные свидания были только лишь у 47 % осужденных, а длительные свидания у 33 %; 75 % осужденных не получили денежных переводов; 32 % осужденных в ВК не получали посылок и передач, а бандеролей не получили – 94 % осужденных) [13].

При предлагаемой нами системе супруг, родители, дети и другие родственники всегда смогут навещать осужденного, если он будет находиться недалеко от дома.

Список литературы

1. Абрамкин В.Ф., Черноокова В.Ф. Тюремный мир глазами политзаключенных. – М.: Муравей, 1998.
2. Абрамкин В., Чеснокова В. Социальная модель мира «малолеток» // Информационный вестн. – 1999. – № 5–6.
3. Александров Ю.К., Олекевич В.И. Малолетка (социально-психологическое устройство воспитательной колонии) // Личность. Культура. Общество. – М.: Независимый ин-т гражданского о-ва. – 2000. – Т. II. – Вып. 2 (3).
4. Дьяченко В. Зона лжи. Записки бывшего воспитателя колонии // Рабочая трибуна. – 1990. – 29 нояб.
5. Крестовый Ф. Как выжить в зоне. Советы бывалого арестанта. – СПб.: Астрель-СПб., 2006.
6. Леонова М.С. Проблемы социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в Колосовской ВК и пути их решения // Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Ч. 1. – М.: Науч.-исслед. ин-т ФСИН России, 2008.
7. Малинин В.Б. Кризис уголовно-исполнительной системы в области трудовой деятельности // Актуальные проблемы современной правовой политики Российской Федерации: материалы 2-й науч.-практ. конф. Моск. ф-ла ЛГУ им. А.С. Пушкина. – М., 2008.
8. Малинин В.Б. Преобразование государственных унитарных предприятий (ГУПов) учреждений уголовно-исполнительной системы в центры трудовой адаптации осужденных – развал трудовой деятельности исправительных учреждений //

Новое уголовное и уголовно-исполнительное право в отечественной правовой системе: десятилетний опыт законодательства, правоприменения, научного исследования и преподавания (к 10-летию принятия Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации): сб. материалов науч.-практ. конф. 24–25 мая 2007 г. МИЭП. Т. 1. – СПб., 2009.

9. Некрасов А.П. Пенитенциарный рецидив в исправительных учреждениях: теория исследования и меры противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2005.

10. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи: криминальная субкультура: моногр. – Тверь, 1994.

11. Правители преступного мира / сост. А. Гуров, В. Рябинин. – М.: Зеленый парус, 1992.

12. Преступность и правонарушения (2013 – первое полугодие 2018): стат. сб. – М., 2018.

13. Сайт ФСИН России (дата обращения 20 декабря 2018 г.)

14. Серeda С.П. Проблемы создания новых видов исправительных учреждений для несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы // Цели и средства уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. ВИПЭ ФСИН России 26–27 нояб. 2009 г.: в 2 ч. – Ч. 2. – Вологда, 2010.

15. Уголовно-исполнительный кодекс РФ. – М., 2018.

Особенности взаимодействия европейских государств в борьбе с терроризмом

Рассматриваются проблемы взаимодействия европейских стран в борьбе с терроризмом. Определены основные направления взаимного сотрудничества по противодействию этому сложному и многоаспектному негативному явлению, в том числе в вопросах предупреждения терроризма. Рассмотрены основные анти-террористические подразделения европейских стран. Особое внимание обращено на деятельность трансевропейской сети сотрудничества спецподразделений ATLAS, определены основные формы взаимодействия в рамках этой структуры, отмечены достигнутые положительные результаты и направления развития.

The problems of interaction of European countries in the fight against terrorism are considered. The main directions of mutual cooperation to counter this complex and multifaceted negative phenomenon, including in the prevention of terrorism. The main anti-terrorist units of the European countries are considered. Particular attention is paid to the activities of the TRANS-European cooperation network of special forces ATLAS, identified the main forms of interaction within this structure, noted the positive results and directions of development.

Ключевые слова: Европейская конвенция, международные террористические организации, международный терроризм, специальные подразделения, трансевропейская сеть сотрудничества спецподразделений ATLAS, терроризм, государство.

Key words: European Convention, international terrorist organizations, international terrorism, special units, TRANS-European cooperation network of special forces ATLAS, terrorism, state.

События последних лет показали, что на сегодняшний день противодействие такому сложному и многоаспектному явлению, как терроризм, вышло за рамки какого-либо одного государства и является, по сути, важным элементом международной безопасности. Действительно, под международной (глобальной) безопасностью в настоящее время принято понимать такое состояние международных отношений, которое обеспечи-

важает жизнедеятельность, сотрудничество и взаимодействие государств и их блоков, союзов, объединений и мирового сообщества в целом в условиях гарантированной защищённости их жизненно важных интересов от различных угроз. При этом международная безопасность оказывает основополагающее влияние на снижение уровня межгосударственных конфликтов и обеспечивает военно-стратегическую устойчивость в мире, а также расширяет сотрудничество между различными государствами и нациями [4, с. 37–38]. Следует отметить, что одним из основных элементов современной международной безопасности является именно координация реализации различного рода военно-оборонительных, организационных, технических и иных специальных программ по противодействию различного рода угрозам, в т.ч. по предотвращению, предупреждению и устранению возникающих террористических угроз, включая крупномасштабные террористические акты.

Не вызывает сомнений тот факт, что проблема терроризма актуальна во всём мире. Совершённые в последние десятилетия масштабные террористические акты вынуждают мировое сообщество разрабатывать новую политику противодействия этому явлению [8, с. 69]. Терроризм, превратившийся сегодня в серьёзную угрозу для безопасности отдельных государств, регионов мира и всего мирового сообщества, поставил перед органами власти и законодателями различных стран проблему поиска путей создания общегосударственной системы мер борьбы с терроризмом, адекватной данной опасности [12, с. 75]. Абсолютно верно отметили А.Ю. Сагайдак и Н.А. Корсикова, указывая, что именно законодательное закрепление мер борьбы с террористическими проявлениями является важнейшей основой системы противодействия терроризму [13, с. 139].

Отметим, что в действующем российском антитеррористическом законодательстве под противодействием терроризму понимается деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц:

а) по предупреждению терроризма, в том числе выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма (п. 4 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»).

На наш взгляд, рассмотрение противодействия терроризму как совокупности трёх основных направлений деятельности является теоретически обоснованным, общепризнанным и фактически применяется в антитеррористической практике как России, так и ряда зарубежных государств, в том числе стран Евросоюза.

Действительно, западноевропейские государства, понимая необходимость недопущения совершения террористических актов на территории своих стран, внесли существенный вклад в развитие международного права в сфере противодействия терроризму, так как выстроить эффективное взаимодействие государств невозможно без изучения их законодательного и практического опыта борьбы с терроризмом [1, с. 7]. Правовую составляющую борьбы с международным терроризмом образует совокупность международно-правовых норм, регулирующих вопросы сотрудничества государств в борьбе с этим явлением [2, с. 339]. Среди важнейших международных региональных документов, направленных против терроризма, следует выделить Европейскую конвенцию о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. [9, с. 13]. В частности, в ней была предпринята попытка определить исчерпывающий перечень преступлений, являющихся террористическими, к которым были отнесены:

1) преступления, относящиеся к применению Гаагской конвенции по борьбе с преступным захватом летательных аппаратов от 16 декабря 1970 г.;

2) преступления, относящиеся к применению Монреальской конвенции по борьбе с преступными актами, направленными против безопасности гражданской авиации от 23 сентября 1971 г.;

3) тяжкие преступления, заключающиеся в покушении на жизнь, телесную целостность или свободу людей, имеющих право международной защиты, включая диппредставителей;

4) преступления, связанные с похищением, захватом заложников или серьёзным незаконным лишением свободы;

5) преступления, связанные с применением бомб, гранат, ракет, автоматического стрелкового оружия или взрывных устройств, вложенных в письма или посылки, если подобное применение создаёт опасность для людей.

В данной Европейской конвенции было также специально указано на то обстоятельство, что к террористическим преступлениям относится покушение на совершение одного из указанных в конвенции преступлений или участие в качестве сообщника лица, которое совершает подобное преступление или покушается на его совершение [3, с. 71].

Вместе с тем существенным недостатком данной конвенции, на наш взгляд, является диспозиция ст. 12, в которой указывается, что каждое государство может при подписании или в момент передачи документа о ратификации указывать территорию или территории, на которые распространяется данная конвенция. Подобного рода условия, по мнению некоторых исследователей (и в данном случае мы полностью с ними согласны), лишают конвенцию обязательной и общеевропейской силы [9, с. 15].

В 2003 г. в конвенцию были внесены существенные изменения в части, касающейся изменения перечня террористических преступлений. Так, в новой редакции конвенции террористическими следует признать посягательства, подпадающие под действие:

- 1) Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в т.ч. диппредставителей (1973);
- 2) Международной конвенции о борьбе с захватом заложников (1979);
- 3) Конвенции о физической защите ядерного материала (1979);
- 4) Протокола о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (1988);
- 5) Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (1988);
- 6) Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988);
- 7) Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом (1997);
- 8) Международной конвенцией о борьбе с финансированием терроризма (1999).

На территории Евросоюза на сегодняшний день также принята Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. Указанный нормативный правовой акт непосредственно не раскрывает содержание понятия «террористические преступления», понимая под ним любое преступление, подпадающее под действие следующих международных соглашений:

- Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970);
- Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971);

- Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в т.ч. диппредставителей (1973);
- Международной конвенции о борьбе с захватом заложников (1979);
- Конвенции о физической защите ядерного материала (1979);
- Протокола о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (1988);
- Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (1988);
- Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988);
- Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом (1997);
- Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (1999) [9, с. 16].

Важно отметить, что вопросы сотрудничества в борьбе с терроризмом помимо Европейского союза рассматриваются также в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Совета Европы [2, с. 347]. Европейский союз предпринимает масштабные меры для повышения своих возможностей по борьбе с терроризмом. Основой антитеррористической базы Евросоюза являются Регламент Совета ЕС № 2580/2001 о специальных ограничительных мерах, направленных против определённых персон и связанных с борьбой с терроризмом, и Рамочное решение Совета ЕС о борьбе с терроризмом от 13 июня 2002 г [15, с. 92].

При этом на сегодняшний день европейские государства основное внимание в вопросе противодействия терроризму уделяют именно борьбе с этим преступным явлением. Однако с учётом геополитических, экономических, военных и иных особенностей большинства стран Евросоюза, у них достаточно давно сложилось правильное понимание о необходимости совместного противостояния угрозе терроризма и борьбе с ним. Главы государств, представители спецслужб и правоохранительных органов всё чаще проводят совместные мероприятия, встречи и саммиты для урегулирования вопросов объединения усилий в деле борьбы с терроризмом. Как было отмечено ранее, в этой сфере международного сотрудничества позиции отдельных государств постепенно сближаются [12, с. 75]. Не секрет, что в большинстве стран мира с учётом особой опасности преступлений террористического характера были созданы и успешно осуществля-

ют свою деятельность антитеррористические подразделения специального назначения.

Так, по данным открытых источников, в настоящее время на территории Западной Европы существуют следующие антитеррористические подразделения:

- GSG 9 – антитеррористическое подразделение федеральной полиции Германии (численность – около 300 чел.);
- SEK (Spezialeinsatzkommando) – антитеррористические подразделения полицейских управлений отдельных земель ФРГ;
- ЕКО Cobra (нем. Gendarmerieeinsatzkommando) – антитеррористическое подразделение в подчинении Федерального министерства внутренних дел Австрии (численность – свыше 200 чел.);
- WEGA (нем. Wiener Einsatzgruppe Alarmabteilung) – антитеррористическое подразделение австрийской полиции г. Вена;
- SEI (Special Interventive Eskadron, неофиц. «Диана») – антитеррористическое спецподразделение бельгийской полиции;
- SAS-22 – 22-й полк специальной авиадесантной службы, является основным антитеррористическим спецподразделением Великобритании, образован в период Второй мировой войны;
- SRR – полк специальной разведки (Special Reconnaissance Regiment) – специальное подразделение Великобритании, предназначенное для сбора агентурных разведанных и проведения контртеррористических мероприятий, в т.ч. на территории зарубежных государств;
- Е.К.А.М. (греч. – Ειδική Κατασταλτική Αντιτρομοκρατική Μονάδα) – специальное антитеррористическое подразделение в составе полиции Греции;
- GAR (Grupos Antiterroristas Rurales) – антитеррористическое подразделение Испании (привлекается для проведения оперативно-боевых мероприятий на севере страны против баскских сепаратистов);
- UEI (Unidad Especial de Intervencion) – антитеррористическое подразделение, действующее в основном в Мадриде (Испания). Одной из основных задач является освобождение заложников;
- GEO (Grupo Especial para los Operaciones) – полицейская антитеррористическая группа полиции Испании;
- ROS (Raggruppamento Operativo Speciale) – служба в составе корпуса карабинеров Италии, осуществляет координацию деятельности региональных отделений специальных операций (антитеррор, борьба с организованной преступностью);

- GIS (Gruppo di Intervento Speciale) – специальное антитеррористическое подразделение корпуса карабинеров Италии;
- ATPI (Antiterrorismo Pronto Impiego) – антитеррористическое подразделение финансовой гвардии Италии;
- N.O.C.S. (Nucleo Operativo Centrale di Sicurezza) – антитеррористическое спецподразделение гражданской полиции Италии;
- FSK (Fosvarets Spesialkommando) – антитеррористическое подразделение Норвегии, созданное для оказания помощи полиции в борьбе с терроризмом;
- GOE (Grupo de Operacoes Especiais) – антитеррористическое спецподразделение в составе полиции общественной безопасности Португалии;
- GIGN (Groupe d'Intervention de la Gendarmerie Nationale) – антитеррористическое подразделение специального назначения жандармерии Франции. Основными задачами являются проведение антитеррористических мероприятий и освобождение заложников;
- EPIGN (Escadron Parachutiste d'Intervention de la Gendarmerie Nationale) – парашютный эскадрон национальной жандармерии Франции. Спецподразделение подготовлено к выполнению антитеррористических операций совместно с GIGN;
- RAID – специальное антитеррористическое подразделение полиции Франции;
- URNA – отряд специального назначения полиции Чехии;
- ENZIAN – подразделение специального назначения Швейцарии, входящее в состав кантональной полиции Берна;
- контртеррористическое подразделение службы государственной безопасности Швеции СЭПО;
- Nationella insatsstyrkan – антитеррористическое спецподразделение шведской полиции;
- Piketen – спецподразделения полиции Швеции (аналог СОБР, ОМОН, SWAT), дислоцированы в трех основных городах страны – Стокгольме, Гётеборге и Мальме и др. [14].

Приведённые данные свидетельствуют о том, что на территории западноевропейских стран существует значительное число различного рода антитеррористических подразделений, некоторые из которых имеют более чем полувековую историю и за период своего существования смогли накопить колоссальный опыт в области борьбы с терроризмом и проведения антитеррористических мероприятий. Но на протяжении всей второй половины XX в. указанные специальные подразделения вооружённых сил и по-

лиции стран Западной Европы действовали в основном разрозненно, обмен опытом практически отсутствовал, что, разумеется, негативно сказывалось на служебно-боевой деятельности спецподразделений.

Однако в октябре 2001 г., практически сразу после совершения в США серии крупнейших в истории террористических актов, в Брюсселе была образована европейская структура ATLAS, целью создания которой стало содействие сотрудничеству и координации между антитеррористическими подразделениями Евросоюза. В настоящий момент в ATLAS входят 35 специальных полицейских подразделений из 27 европейских государств [7]. В рамках этой структуры различные подразделения специального назначения имеют возможность обмениваться опытом в тактике проведения спецопераций, а с 2009 г. они могут оказывать помощь своим коллегам в случае возникновения кризисной ситуации в той или иной стране Евросоюза. В подтверждение этого глава спецподразделения из Австрии, представитель трансъевропейской сети сотрудничества спецподразделений ATLAS Харальд Гоннер по результатам проводившихся в 2016 г. в Эстонии учений полицейского спецназа из 15 стран Евросоюза отметил, что «...в случае необходимости европейские страны обязательно предоставят помощь Эстонии, отметив, что после теракта в Мюнхене Австрия по запросу МВД Германии смогла прислать немецким коллегам помощь в течение всего нескольких часов» [5].

Таким образом, на сегодняшний день страны Евросоюза внедрили в систему мер по борьбе с терроризмом единую трансъевропейскую организацию спецподразделений ATLAS, которая за 17 лет своего фактического существования сумела показать свою эффективность. В частности, основными формами взаимодействия специальных антитеррористических подразделений стали:

1) обмен информацией в отношении лиц и организаций, о которых имеются сведения об их причастности к деятельности международных террористических организаций;

2) обмен опытом в области форм и методов проведения оперативно-боевых антитеррористических мероприятий, включая освобождение заложников, захват террористов и др.;

3) возможность при необходимости в максимально короткий срок сосредоточить на территории конкретной страны Евросоюза крупное антитеррористическое соединение подразделений специального назначения, отдельные группы которого, прибывшие из других стран, обучены сов-

местному ведению специальных операций, имеют схожую оперативно-боевую, тактическую и методологическую подготовку;

4) с учётом отсутствия необходимости содержания за счёт средств государственного бюджета крупных национальных антитеррористических подразделений, высвободившиеся (сэкономленные) финансы могут быть потрачены на реализацию национальной и общеевропейской политики в сфере противодействия терроризму, в т.ч. на профилактику преступлений террористической направленности на территории конкретных европейских государств.

В современных условиях глобализации безопасность отдельно взятого государства может быть обеспечена только совместными усилиями мирового сообщества. На сегодняшний день необходимость объединения усилий в противодействии международному терроризму стала очевидной. Разумеется, это должно найти свое отражение в реальном сотрудничестве полномочных государственных органов и специальных служб на надёжной правовой основе.

Созданное в 2001 г. трансъевропейское объединение ATLAS за последние годы показало свою эффективность, так как благодаря консолидации действий европейских спецподразделений удалось сформировать единую антитеррористическую структуру, обладающую необходимыми умениями и навыками, способную уверенно противостоять террористической угрозе в любой точке Европы. Следует отметить, что с учётом роста террористической активности в европейских странах в последнее время создание ATLAS явилось своевременным и в данный момент в полной мере соответствует реалиям времени. Вместе с тем помимо борьбы с терроризмом, которую довольно успешно осуществляют входящие в ATLAS спецподразделения, европейским государствам, на наш взгляд, следует обратить более пристальное внимание на вопросы профилактики терроризма на территории своих стран. Кроме того, с учётом международного характера современного терроризма, важным фактором остаётся усиление координации и взаимодействия специальных служб и правоохранительных органов в области антитеррора. Так, подразделению ATLAS необходимо, помимо расширения своего влияния на европейские страны, вступить в скорейшее взаимодействие с антитеррористическими подразделениями России и США, которые за последние годы накопили колоссальный опыт в сфере проведения антитеррористических оперативно-боевых мероприятий. Подобного рода взаимодействие, включая обмен опытом, проведение совместных учений позволит проводить обучение сотрудников антитеррори-

стических подразделений на ещё более высоком профессиональном уровне и подготовит их к эффективным действиям в абсолютно разнообразных условиях.

Между тем сохраняются и сдерживающие мотивы, которые серьёзно мешают эффективному взаимодействию ведущих государств в сфере противодействия терроризму. Особенно актуальной для России эта проблема оказалась в последнее время, когда большинство западных стран ввели в отношении Российской Федерации санкции с целью недопущения усиления её влияния на мировой арене. Вместе с тем озабоченность вызывают появляющиеся в последнее время в СМИ сведения о том, что такие международные террористические организации, как «Аль-Каида» и «Исламское государство» (запрещённые в России) являются своеобразными проектами США, которые были созданы для реализации США своей внешней политики на Ближнем Востоке и соблюдения своих геополитических интересов. Не вдаваясь в оценку справедливости подобных заявлений, отметим, что создание, финансирование и использование террористических организаций для их дальнейшего использования в интересах определённого государства является недопустимым в международном праве, так как по сути преступно, антигуманно и бесчеловечно.

Опасность терроризма и необходимость борьбы с ним были полностью осознаны европейским сообществом, которое предприняло солидные усилия в области противодействия ему, в основном в сфере международного законодательства [10, с. 17]. Необходимо признать, что современное общеевропейское законодательство о противодействии терроризму содержит необходимые инструменты для эффективного применения. Вместе с тем эффективность напрямую зависит от конвергенции национальных правовых систем государств, подписавших данные нормативные правовые акты [9, с. 18].

Представляется, что признание глобальности угроз терроризма является необходимым условием противодействия подобным угрозам в современных условиях. Для разработки системы мер противодействия терроризму в современной России существенное значение имеет учёт вышеизложенных факторов.

Список литературы

1. Алфёрова Е.В. Новая парадигма безопасности (Предисловие) // Междунар. терроризм и право: Современные зарубежные исслед.: сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. правоведения; отв. ред. Е.В. Алфёрова. – М., 2017. – 195 с.
2. Байрамов Ш.Б., Лукин В.Н., Михеев В.Л. и др. Международный терроризм: вызовы и противодействие: в 3 т. / гл. ред. В.Л. Михеев. Т. 1: История и современность. – СПб.: Архей, 2011. – 383 с.
3. Боричев К.В. К вопросу о международно-правовых нормах по противодействию терроризму // Пробл. совр. юрид. науки: актуальные вопросы: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. – № 2. – Красноярск, 2015. – С. 68–73.
4. Война и мир в терминах и определениях: воен.-полит. слов. / под общ. ред. Д.О. Рогозина. – М.: Вече, 2011. – 640 с.
5. Глава ATLAS: ресурс спецназа Эстонии ограничен, Европа поможет // Интернет-портал новостного агентства Sputnik – [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.sputnik-news.ee/news/20160817/3009382.html>.
6. Европейская конвенция о пресечении терроризма (ETS № 90) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 27.01.1977) (с изм. от 15.05.2003) // СЗ РФ. – 20.01.2003. – № 3.
7. ЕКАМ: греческий вариант // Интернет-портал «Военное обозрение» – [Электронный ресурс]. – URL: <https://topwar.ru/37409-ekam-grecheskij-variant.html>.
8. Капитонова Е.А., Романовский Г.Б. Современный терроризм: моногр. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 216 с.
9. Кочои С.М. Антитеррористическое законодательство и практика его применения: уголовно-правовая характеристика: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2017. – 176 с.
10. Лукичев О.В., Иванова О.С. Международный терроризм (историко-правовой и криминологический анализ): моногр. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Северная Нива, 2011. – 241 с.
11. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Рос. газета. – № 48. – 10.03.2006.
12. Павлик М.Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм: вопросы теории и практики. – СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2011. – 372 с.
13. Сагайдак А.Ю., Корсикова Н.А. Криминологические особенности противодействия терроризму в Российской Федерации // Вестн. С.-Петербур. ун-та МВД России. – 2018. – № 1(77). – С. 138–141.
14. Список специальных подразделений // Википедия. Свободная энцикл. – [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_специальных_подразделений#Австрия.
15. Чернядьева Н.А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия: моногр. – М.: Проспект, 2017. – 336 с.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.14

Л. К. Капустина

Субъекты оценки доказательств

В статье рассматривается круг субъектов оценки допустимости доказательств по уголовным делам, исследуются недостатки действующего законодательства, регламентирующего их деятельность. На основании проведенного анализа теоретических положений, а также уголовно-процессуального законодательства сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования института субъектов оценки доказательств по уголовным делам.

The circle of subjects of assessment of admissibility of criminal evidence and weaknesses of existing law governing them activities is considered in the article. The author suggests improving the legal regulation of the institution of subjects of assessment criminal evidence. The decision is based on the analysis of criminal procedure law.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; оценка доказательств по уголовным делам; допустимость доказательств; субъекты оценки допустимости доказательств; классификация субъектов оценки доказательств; доказательства; доказывание.

Key words: criminal procedure; assessment of criminal evidence; admissibility of evidence; subjects of assessment of admissibility of evidence; classification of subjects of assessment of admissibility of evidence; evidence; proving.

Ежедневно уполномоченные органы, осуществляющие уголовное судопроизводство по уголовным делам, сталкиваются с оценкой доказательств, выступающей в роли неотъемлемой части доказывания, которое, к слову, в соответствии со ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) состоит из собирания, проверки и оценки доказательств и осуществляется в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, которые предусмотрены ст. 73 УПК РФ» [10].

Очевидным видится сложность оценки доказательств как одной из составляющих процесса доказывания, обусловленной слиянием юридиче-

ских знаний с вопросами мировоззрения, познания, логики, психологии в процессе ее осуществления. При этом от надлежащей оценки доказательств, как справедливо отмечает О.А. Безгласная, зависит законность и обоснованность принимаемых уполномоченными субъектами процессуальных решений [2, с. 128]. В связи с этим на субъектов оценки доказательств возлагается огромная ответственность, поскольку им важно не поддаваться «...чувственным восприятиям, не проверенных умственным процессом, образующих лишь впечатление, а необходимо осуществлять умственную деятельность, разрешающуюся достижением сомнений или убеждений относительно доказательств» [11, с. 191].

Кого же следует относить к субъектам оценки доказательств? Этот вопрос, пожалуй, является одним из дискуссионных на сегодняшний день, поскольку, как справедливо отмечает А.В. Гарусов, «... не нашел однозначного ответа» [3, с. 60]. В поисках ответа и попытках разобраться в данном вопросе первоочередно следует обратиться к действующему уголовно-процессуальному законодательству.

Статьей 17 УПК РФ определен круг субъектов, уполномоченных осуществлять оценку доказательств, к числу которых законодатель относит судью, присяжных заседателей, прокурора, следователя и дознавателя. Однако это не единственная норма, в которой говорится о субъектах оценки доказательств, поскольку ст. 88 УПК РФ, так же рассматривает данный вопрос.

Справедливости ради, стоит отметить, что ст. 88 УПК РФ хотя и называется «Правила оценки доказательств», однако в большей степени ею регламентируется вопрос, связанный с допустимостью доказательств, как одной из составляющих оценки доказательств. В связи с этим и перечень субъектов, представленный в статье, рассматривается в контексте одной составляющей оценки доказательств – допустимости. Подобное изложение ст. 88 УПК РФ вызывает ряд вопросов, которые связаны с тем, что круг субъектов, представленный в ст. 88 УПК РФ, несколько меньше, чем в ст. 17 УПК РФ. Далее попытаемся разобраться, в чем же причина подобной ситуации.

Исходя из действующего законодательства, оценка доказательств подпадает под действие некоторых правил-условий, которыми должны руководствоваться субъекты оценки доказательств. Данные правила-условия условно можно разделить на две группы. Первая группа правил-условий представлена в ст. 17 УПК РФ и включает в себя осуществление оценки доказательств по внутреннему убеждению; основу внутреннего убеждения – совокупность имеющихся в уголовном деле доказательств; руководство

законом и совестью при оценке доказательств. Вторая группа правил-условий закреплена в ст. 88 УПК РФ, которая дает представления об относимости, допустимости, достоверности и достаточности, выступающих в роли неотъемлемых составляющих оценки доказательств.

Учитывая, что законодатель закрепляет обе вышеупомянутые группы правил-условий, логично предположить, что они и должны сосуществовать совместно при осуществлении оценки доказательств. Однако, исходя из существующих формулировок уголовно-процессуального закона, в некоторых случаях этого не происходит.

Следует отметить, что круг субъектов, указанный в ч. 2 ст. 88 УПК РФ, призван оценивать доказательства с позиции допустимости. Однако в этот круг субъектов не включены присяжные заседатели, а это означает, что ими оценка доказательств осуществляется без элемента допустимости. Это обусловлено спецификой полномочий присяжных заседателей. Напомним, что вопросы о недопустимости доказательств разрешаются судьей в отсутствие присяжных заседателей, более того, иные участники судебного разбирательства не имеют права сообщать информацию присяжным заседателям о существовании недопустимых доказательств [10]. Таким образом, нормы действующего законодательства ограждают присяжных заседателей от влияния недопустимых доказательств на их внутреннее убеждение.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Можно ли относить присяжных заседателей к числу субъектов оценки доказательств? Каков же круг субъектов оценки доказательств?

В последнее время в науке все чаще встречается позиция, которая предполагает закрепление исключительного права судьи о признании доказательств недопустимыми. Так, по мнению В.В. Терехина, «субъектом права на установление допустимости доказательств должен быть только суд» [9, с. 190]. А.С. Александров в предложенной им доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права делает акцент на том, что «...оценка доказательств прокурором, следователем в ходе досудебного уголовного производства не имеет обязательного значения для судьи; каждое доказательство подлежит оценке судом с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности и убедительности для разрешения уголовного дела или ответа на вопрос, поставленный стороной в ходе уголовного производства...» [5].

Вышеуказанная позиция имеет здравый смысл по ряду обстоятельств. Во-первых, на данный момент в условиях практического применения

действующего законодательства довольно часто суд выступает в роли «полноправного» и единственного субъекта оценки доказательств в части, касающейся решения вопросов о допустимости доказательств, поскольку в практической деятельности на досудебных стадиях решение о признании доказательств недопустимыми следователями или же дознавателями принимается крайне редко. В связи с этим разрешение данного вопроса «переносится» в судебную стадию, где уже суд рассматривает и принимает решение. Отчасти такая ситуация вызвана тем, что и следователь, и дознаватель в процессе доказывания самостоятельно осуществляют сбор доказательств, большинство из которых носят обвинительный характер и подтверждают вину подозреваемого или обвиняемого. Это накладывает определенный отпечаток на внутреннее убеждение данных субъектов, в связи с чем при поступлении от подозреваемого, обвиняемого, их защитников ходатайств о признании доказательств недопустимыми, складывается негативная ситуация, при которой указанные уполномоченные лица могут рассматривать данные действия в качестве приемов защиты подозреваемого или обвиняемого, заключающихся в попытках затянуть сроки предварительного расследования, что приводит к частичному или полному отказу в удовлетворении ходатайства. Учитывая возможность появления подобных ситуаций, ярко иллюстрирующих непрофессионализм отдельных лиц, ведущих предварительное расследование, сторона защиты зачастую прибегает к пути наименьшего сопротивления, заявляя ходатайства о признании того или иного доказательства недопустимым уже в судебной стадии.

Во-вторых, как справедливо отмечает В.С. Балакшин, «регламентация процедуры признания доказательств недопустимыми на стадии предварительного расследования практически отсутствует, в отличие от судебной стадии» [1, с. 128]. В случае заявления ходатайства подозреваемым и обвиняемым на досудебной стадии, подобные ходатайства рассматриваются в порядке, предусмотренном гл. 15 УПК РФ. При этом признание доказательства недопустимым по собственной инициативе следователя или дознавателя в действующем законодательстве регламентировано недостаточно, так же как и процедура признания доказательств недопустимыми, осуществляемая прокурором.

В-третьих, согласимся с С.В. Шевченко, которая делает акцент на том, что именно «...деятельность судьи, в большей степени связана с оценкой представленных сторонами доказательств по уголовному делу. Эта оценка дает возможность сделать главный вывод о доказанности или недо-

казанности фактов, относящихся к устанавливаемым по делу обстоятельствам» [12, с. 216].

Действительно суд в наибольшей степени осуществляет оценку всех собранных по уголовному делу доказательств. Однако, как справедливо отмечает М.В. Маслова, несмотря на то что «...оценку доказательств в уголовном судопроизводстве может осуществлять любой его участник, включая сторону защиты, юридическое значение для разрешения конкретного уголовного дела, а главное, для определения дальнейшей судьбы подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, имеет оценка доказательств, осуществляемая либо судьей единолично, либо коллегией судей, а также стороной обвинения в лице прокурора, следователя и дознавателя» [7, с. 93].

Не считает суд единоличным субъектом оценки доказательств и А.В. Гарусов, относя к субъектам «...не только судью, присяжных заседателей, прокурора, следователя, дознавателя, как предусмотрено ч. 1 ст. 17 и ч. 2 ст. 88 УПК РФ, но и руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, защитника, подозреваемого, обвиняемого, законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и его представителя, представителей потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя» [3, с. 61].

Т.Ю. Денисов и А.А. Шамардин также выделяют несколько субъектов оценки доказательств, при этом предлагая свою собственную классификацию. Так, авторы выделяют три группы субъектов: «субъектов оценки доказательств со стороны обвинения, к числу которых относятся прокурор, следователь, начальник следственного отдела, дознаватель, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, а также их представители и законные представители; субъектов уголовно-процессуального доказывания со стороны защиты, к которым относятся: подозреваемый, обвиняемый, их защитники и (или) законные представители, гражданский ответчик, его представитель; суд как орган, осуществляющий правосудие и разрешающий уголовное дело по существу» [4, с. 244].

Безусловно, потерпевший, защитник, подозреваемый, обвиняемый, законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и его представители, представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя способны осуществлять оценку доказательств. Более того, все указанные лица способны оказывать влияние на принятие процессуальных

решений в результате осуществленной оценки доказательств, как, например, путем заявлений ходатайств. Однако заявленные вышеуказанными лицами ходатайства о признании доказательства недопустимым не являются обязательным для суда, прокурора, следователя и дознавателя, о чем свидетельствуют ч. 3 и ч. 4 ст. 88 УПК РФ, которая гласит, что: «...прокурор, следователь, дознаватель вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого...; суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон...» [10]. Подобная формулировка означает, что у указанных должностных лиц есть право, и они могут принимать процессуальное решение, но это не означает, что они обязаны это делать. В случае же с присяжными заседателями суд обязан выносить процессуальное решение на основании вердикта коллегии присяжных заседателей. В связи с этим защитника, подозреваемого, обвиняемого, законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и его представителя, представителей потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя в теории уголовного процесса следует относить к числу субъектов оценки доказательств, могущих повлиять на принятие процессуального решения. Однако включать данную категорию субъектов в статьи УПК РФ, регламентирующие вопросы оценки доказательств, представляется излишним, что нельзя сказать о других субъектах оценки, уполномоченных принимать процессуальные решения.

Так, вариантом выхода из сложившейся ситуации могла бы стать оговорка об оценке доказательств субъектами в пределах своих полномочий, закрепленная в нормах закона. В этом случае ч. 1 ст. 17 УПК РФ после перечисления субъектов могла бы быть дополнена фразой: «...оценивают доказательства в пределах своих полномочий»; а ч. 1 ст. 88 УПК РФ могла бы быть дополнена указанием субъектов, уполномоченных осуществлять оценку доказательств, а также пределов их полномочий.

При этом следует отметить, что отчасти специфика оценки доказательств с учетом имеющихся у субъектов полномочий уже озвучена в ст. 88, 234, 235 УПК РФ, которые предусматривают различные процедуры признания доказательств недопустимыми судом, с одной стороны, и прокурором, следователем, дознавателем, с другой стороны. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ «прокурор, следователь, дознаватель вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе» [10]. В ч. 4 ст. 88 УПК РФ говорится о том, что «суд вправе признать доказательство недопустимым

по ходатайству сторон или по собственной инициативе» [10]. Подробная процедура признания судом доказательств недопустимыми представлена в ст. 234, 235 УПК РФ.

При рассмотрении вопроса, связанного с субъектами оценки доказательства, нельзя обойти стороной еще одну проблему, образовавшуюся в результате существующих формулировок ч. 2 и ч. 3 ст. 88 УПК РФ. Так, к числу субъектов, уполномоченных признать доказательство недопустимым, в соответствии с действующим законодательством относятся: суд, прокурор, следователь, дознаватель. Разделяя мнение ряда авторов [6, с. 155; 8, с. 4], полагаем, что подобная формулировка не совсем точна, поскольку на стадии предварительного расследования руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания уполномочены осуществлять производство по уголовным делам, когда обладают полномочиями следователя или дознавателя, в связи с чем, так же, как и следователь и дознаватель, вправе оценивать доказательства с позиции допустимости, а значит, подлежат включению в ч.2 и ч.3 ст. 88 УПК РФ в качестве субъектов. Кроме того, в соответствии необходимо привести и ст. 17 УПК РФ, включив в нее указанных участников.

Вариантом включения в перечень субъектов в ч.2 и ч.3 ст.88, ст.17 УПК РФ может стать формулировка, лишенная нагромождения в связи с перечислением каждого участника оценки доказательств. В связи с этим вышеуказанные статьи целесообразно дополнить фразой «... а также лица, обладающие полномочиями следователя или дознавателя» после слов «следователь, дознаватель».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что как минимум две статьи УПК РФ нуждаются в изменениях с целью устранения имеющихся недостатков в вопросах, касающихся субъектов оценки доказательств; а сам институт оценки доказательств нуждается в пристальном внимании по причине давно назревшей необходимости перемен.

Список литературы

1. Балакшин В.С. Признание доказательств недопустимыми и исключение их из процесса доказывания на стадии предварительного расследования // Проблемы права. – 2015. – № 2 (50). – С. 128–132.
2. Безгласная О.А. Некоторые актуальные проблемы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы рос. права. – 2015. – № 1 (50). – С. 128–132.

3. Гарусов А.В. О некоторых проблемах оценки показаний лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2016. – № 2 (70). – С. 60–64.
4. Денисова Т.Ю., Шамардин А.А. Некоторые теоретические проблемы определения перечня и классификации субъектов доказывания по новому уголовно-процессуальному законодательству РФ. Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2005. – Ч. 1. – С. 244–249.
5. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации [Электронный ресурс] // Междунар. Ассоциация содействия правосудию. – URL: <http://www.iaaj.net/node/1766> (дата обращения: 28.10.2018).
6. Костенко Р.В. Исключение доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, в ходе досудебного производства по уголовным делам // Ово и право. – 2016. – № 3 (57). – С. 113–117.
7. Маслова М.В. Некоторые вопросы оценки судом доказательств в уголовном процессе по внутреннему убеждению // Совр. право. – 2015. – № 3. – С. 93–96.
8. Рудин А.В. Проверка допустимости доказательств в ходе предварительного расследования // Гуманитар., социально-экон. и обществ. науки. – 2017. – № 6–7. – С. 1–10.
9. Терехин В.В. Стандарты допустимости доказательств в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 188–193.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1910. – 560 с.
12. Шевченко С.В. Принцип оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Теория и практика обществ. развития. – 2011. – № 2. – С. 215–218.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341:339.543:342.9

О. А. Тютяева

Баланс соотношения международного и национального права на примере основы для реализации фискальной функции таможенных органов

В статье рассматриваются актуальные проблемы соотношения прав и обязанностей декларанта в разрезе положений норм международного права и источников национального права при предоставлении документов и сведений в таможенный орган по совершенной внешнеэкономической сделке и перемещении товаров через таможенную границу, необходимых для определения налогооблагаемой базы для исчисления таможенных платежей.

The article is devoted to actual problems of the relationship of rights and obligations of the declarant in the context of the provisions of international law and sources of national law in the provision of documents and information to the customs authority on a foreign trade transaction and the movement of goods across the customs border necessary to determine the taxable base for calculating customs payments.

Ключевые слова: международное таможенное право, таможня, контроль таможенной стоимости, налоговая база для таможенных платежей, декларирование таможенной стоимости.

Key words: international customs law, customs, control of customs value, tax base for customs payments, declaration of customs value.

В современном мире наблюдаются постоянные, все более интенсивные интеграционные процессы государств. Все чаще им приходится заниматься поиском путей решения общих проблем. Происходит усиление их взаимозависимости. Совместное решение глобальных проблем приводит к новому содержанию соотношения норм национального и международного права. Оно является многоуровневым, способы влияния первых на вторые

проявляются по-разному, так как нормативные акты каждой страны по-разному отражают международные акты.

Динамичное соотношение национального и международного права выражается в масштабном взаимодействии их правовых систем, а также во все большем применении международных принципов и норм во внутригосударственных правовых системах. В России, например, характер такого соотношения норм регламентируется положениями ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Среди норм международного права международные договоры получают наивысшую степень юридического оформления. В свою очередь, среди них есть и такие договоры, которые выступают в качестве базовых актов – принципов. Не меньшее значение отводится «общепризнанным принципам и нормам» как основополагающим стабилизаторам. Наиболее сложным вопросом является определение границ их применения разным количеством государств с учетом их заинтересованности. Это объясняется тем, что не все государства признают те или иные нормы и реализуют их, не везде идентична правовая практика.

По своей природе международное право является договорным и обращает свое внимание на порядок заключения и выполнения международных договоров. Это положение закреплено в Венских конвенциях о праве международных договоров. В России же, например, этот процесс регламентируется Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 № 101.

Анализируя систему влияния международного права на национальное, тем интереснее рассматривать данное «взаимодействие» в аспекте международных отношений перемещения товаров через таможенную границу государства.

Международное таможенное право связано с международным торговым правом как подотраслью международного экономического права, но предмет регулирования у них несколько различается. Они регулируют перемещения товаров и транспортных средств, но международным таможенным правом регламентируются отношения, связанные с перемещениями, возникающими не только в рамках международной торговли (перемещения товаров и транспортных средств не в предпринимательских целях, пере-

мещения физическими лицами товаров для личного пользования, перемещения товаров в процессе культурного обмена – в рамках выставочной и образовательной деятельности и т. д.), но и в процессе сотрудничества по вопросам разработки и обеспечения порядка и правил перемещений в рамках всего международного товарооборота. Международное таможенное право, международно-правовое регулирование в таможенной сфере направлено в том числе на облегчение международной торговли, поскольку таможенные аспекты международной торговли имеют большое значение для ее эффективного развития, однако также преследует цель контроля внешнеэкономических сделок через инструменты валютного контроля и контроля стоимости сделки, которая впоследствии является базой для исчисления таможенных пошлин и налогов, и ориентирована на недопущение нанесения урона экономическому благосостоянию национальной экономики страны.

Все совершаемые таможенные операции в странах экспорта и импорта влияют на процессы международного товарообмена, поскольку оказывают влияние на сами процессы международной торговли и ее регулирование со стороны государств и международного сообщества.

Так, например, определение таможенной стоимости ввозимых товаров, являющейся наряду с количественными характеристиками товаров зачастую основой для исчисления таможенных платежей, в соответствии с положениями таможенного законодательства и, в частности, Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), исходя из принципов, установленных Соглашением по применению ст. VII ГАТТ 1994, должно основываться на критериях, совместимых с коммерческой практикой.

В связи с этим предусмотренная ст. 325 ТК ЕАЭС (а ранее ст. 69 Таможенного кодекса Таможенного союза) обязанность представления по запросу таможенного органа документов для подтверждения заявленной таможенной стоимости может быть возложена на декларанта только в отношении тех документов, которыми тот обладает либо должен располагать в силу закона или обычаев делового оборота. Такая позиция была изложена в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 12.05.2016 № 18.

Вместе с тем положениями п. 1 Приложения № 1 к Порядку декларирования таможенной стоимости товаров, утвержденного решением комиссии Таможенного союза от 20.09.2010 № 376, при определении

таможенной стоимости по методу по стоимости сделки с ввозимыми товарами лицом, заполнившим декларацию таможенной стоимости при таможенном декларировании товаров, приведен исчерпывающий перечень документов, которые декларант обязан предоставить в качестве документального подтверждения структуры таможенной стоимости товаров, в том числе:

- учредительные документы покупателя ввозимых товаров;
- внешнеторговый договор купли-продажи (возмездный договор поставки), действующие приложения, дополнения и изменения к нему;
- счет-фактура (инвойс);
- банковские документы (если счет-фактура оплачен в зависимости от условий внешнеторгового контракта), а также другие платежные документы, отражающие стоимость товара;
- страховые документы в зависимости от установленных договором условий сделки;
- договор по перевозке (договор транспортной экспедиции, если такой договор заключался), погрузке, разгрузке или перегрузке товаров, счет-фактура (инвойс) за перевозку (транспортировку), погрузку, разгрузку или перегрузку товаров, банковские документы (если счет-фактура оплачен) или документы (информация) о транспортных тарифах или бухгалтерские документы, отражающие стоимость перевозки (если перевозка товара осуществлялась собственным транспортом декларанта), – в случаях, когда транспортные расходы до аэропорта, порта или иного места прибытия товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза не были включены в цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате, или из цены, фактически уплаченной или подлежащей уплате, заявлены вычеты расходов по перевозке (транспортировке) товаров после их прибытия на таможенную территорию Евразийского экономического союза;
- котировки мировых бирж в случае, если ввозится биржевой товар;
- договор об оказании посреднических услуг (агентский договор, договор комиссии, договор об оказании брокерских услуг), счета-фактуры (инвойсы), банковские платежные документы за оказание посреднических услуг в зависимости от установленных договором условий сделки;
- договоры, счета-фактуры (инвойсы), счета-проформы, бухгалтерские документы, таможенные декларации, оформленные таможенными органами государств – членов Евразийского экономического союза на вы-

воз товаров (если товары поставлялись на вывоз с таможенной территории Евразийского экономического союза), и другие документы о стоимости товаров и услуг, предоставленных покупателем бесплатно или по сниженным ценам для использования в связи с производством и продажей для вывоза на таможенную территорию Евразийского экономического союза ввозимых (ввезенных) товаров, если предоставление таких товаров и услуг предусмотрено внешнеторговой сделкой и их стоимость не включена в цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате;

– лицензионный договор, счет-фактура, банковские платежные документы, бухгалтерские и другие документы, содержащие сведения о платежах за использование объектов интеллектуальной собственности, которые относятся к ввозимым (ввезенным) товарам (если указанные платежи предусмотрены в качестве условия продажи ввозимых товаров);

– документы (в том числе бухгалтерские) и сведения, содержащие данные о части дохода (выручки), которая прямо или косвенно причитается продавцу в результате последующей продажи, распоряжения иным способом или использования ввезенных товаров (если это предусмотрено условиями внешнеторговой сделки);

– договоры, счета, банковские платежные документы о стоимости тары, упаковки, включая стоимость упаковочных материалов и работ по упаковке, в случае, если данные расходы произведены покупателем, но не были включены в цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за ввозимый товар (если это предусмотрено условиями внешнеторговой сделки) [4].

Таким образом, нормой международного права закреплено обязательство декларанта по предоставлению полного комплекта документов при декларировании таможенной стоимости товаров в соответствии со сложившейся практикой ведения международных сделок купли-продажи, в то время как позиция Верховного суда Российской Федерации, нашедшая свое отражение в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 12.05.2016 № 18, содержит в себе послабление для участников внешнеэкономической сделки, выражающееся в определении момента «должности обладания» декларантом теми или иными коммерческими документами, который по существу отдается на совесть участника внешнеэкономической деятельности. Так, в частности, от лица, ввозящего на таможенную территорию товар по цене, значительно отличающейся от стоимости сделки идентичных (однородных) товаров или товаров того же

класса и вида, в целях исполнения требований таможенного законодательства логично ожидать поведения, направленного на заблаговременный сбор доказательств, подтверждающих действительное приобретение товара по такой цене и доступных для получения в условиях внешнеторгового оборота и реализации контролирующей функции государства с точки зрения таможенного и экономического права.

Таким образом, международное таможенное право и международное экономическое право тесно связаны друг с другом, но в то же время имеют собственные предметы регулирования. Международное таможенное право определяет так называемые «правила» международной торговли и тесно связано с международным экономическим и торговым правом, поскольку пересекаются таможенные, международные торговые и международные экономические отношения. Таможенные инструменты по сути являются основными регуляторами внешнеторговой деятельности, это отчетливо видно на примере Всемирной торговой организации (ВТО), которая в идее организации и деятельности затрагивает международные таможенные отношения и создает нормы международного таможенного права, что является наглядным отражением взаимосвязи международного экономического и таможенного права.

Нормы, регулирующие международные таможенные отношения, могут содержаться как в специальных таможенных конвенциях, так и в различных договорах и соглашениях, предмет которых лишь косвенно касается таможенных вопросов. Примером такой «иерархичной интеграции» могут быть как раз межгосударственные торговые договоры. Например, как раз такого рода торговыми договорами создан инструмент «режима наибольшего благоприятствования» (РНБ), который создан для развития внешнеэкономических торговых отношений между резидентами и нерезидентами развивающихся и наименее развитых стран. Если товар происходит из страны, в торгово-политических отношениях России с которой действует режим наибольшего благоприятствования (РНБ), применяются ставки в установленном Правительством размере. Ставки ввозных таможенных госпошлин удваиваются, если со страной происхождения товара в торгово-политических отношениях не применяется режим наибольшего благоприятствования (РНБ). Ставки ввозных таможенных госпошлин уменьшаются вдвое при обложении товаров, происходящих из развивающихся стран, являющихся пользователями национальной схемы преферен-

ций. Перечень таких стран утвержден постановлением Правительства РФ №1057 от 13.09.94 [6].

Таким образом РНБ предполагает предоставление сторонами льготных условий, связанных с уплатой таможенных платежей (снижение ставок пошлин на 25 % и более в зависимости от специфики товара) в странах – участницах торгового соглашения и является прямым инструментом содействия увеличению и расширению экономических связей через применение именно таможенного инструментария.

Вместе с тем, принимая во внимание тот факт, что выгодное с точки зрения экономического взаимодействия торговое соглашение с применением РНБ провоцирует недобросовестных участников внешнеэкономической деятельности к созданию для себя еще больших послаблений через снижение налогооблагаемой базы – чаще всего таможенной стоимости товаров посредством непредставления в контролирующий государственный таможенный орган действительных коммерческих документов по внешнеэкономической сделке, отражающих фактическую величину стоимости сделки и оказывающих влияние на формирование конечной величины финансовых отчислений в национальный бюджет от осуществления данного вида внешнеэкономической деятельности. Указанные обстоятельства вкупе с имеющими место пробелами в действующем законодательстве и протекционизирующей позицией судебных органов при определении границ понятия «должности и обязанности предоставления документального подтверждения заявляемых сведений при таможенном декларировании товаров» имеют негативные тенденции и прямое отражение в пополнении бюджета Российской Федерации. Оценивая данные риски, Верховным судом Российской Федерации в том же постановлении Пленума от 12.05.2016 № 18 определено, что, рассматривая споры о правомерности корректировки таможенной стоимости, произведенной в рамках таможенного контроля до выпуска товаров, судам следует учитывать, что исходя из взаимосвязанных положений ранее действовавшего ТК ТС (ст. 65–69) решение о корректировке, а согласно положениям ТК ЕАЭС (ст. 325) – решение о внесении изменений – «принимается таможенным органом в соответствии с тем объемом документов и сведений, которые были им собраны и раскрыты декларантом на данной стадии. Ввиду того, что судебное разбирательство не должно подменять осуществление таможенного контроля в соответствующей административной процедуре, новые доказательства признаются относимыми к делу и могут быть приняты (истребованы) су-

дом, если ходатайствующее об этом лицо обосновало наличие объективных препятствий для получения этих доказательств до вынесения оспариваемого решения таможенного органа (пункты 8, 9 настоящего постановления)» [5].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза // СПС КонсультантПлюс.
3. Таможенный кодекс Таможенного союза // СПС КонсультантПлюс.
4. Решение комиссии Таможенного союза от 20.09.2010 № 376 // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 12.05.2016 № 18.
6. URL:<http://www.vavt.ru/wto/wto/Most-Favored-NationPrinciple>

**Механизмы обжалования действий (бездействия)
государственных органов и (или) отдельных
должностных лиц на примере таможенных органов**

В статье рассматриваются актуальные проблемы защиты прав лиц в области взаимодействия с органами государственной власти на примере таможенных органов. Анализируются действующие механизмы инструмента восстановления нарушенных прав – через имеющийся административный и судебный порядок обжалования. Дается анализ имеющихся проблем в классификации обращений как жалоб.

The article is devoted to current problems of protection of the rights of persons in the field of government relations on the example of customs authorities. The author analyzes the operating mechanisms of the instrument of restoration of the violated rights – through available administrative and a legal process of the appeal. In article the analysis of the available problems in classification of addresses as complaints is given.

Ключевые слова: жалоба, порядок рассмотрения, таможенные органы, административный и судебный механизм.

Key words: complaint, consideration order, customs authorities, administrative and judicial mechanism.

Право обжалования решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц гражданами (и юридическими лицами) закреплено в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция). Часть 2 ст. 46 Конституции гласит: «Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд», равно как и закреплено ст. 53 Конституции право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Также, согласно ч. 3 ст. 46 Конституции каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в

межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Согласно ст. 33 Конституции граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, а ст. 45 предусмотрено право на защиту прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом. Положениями же Гражданского кодекса РФ, а именно ст. 254 предусмотрено право на обжалование решения, действия (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица, государственного или муниципального служащего наряду с гражданами также и организациями.

При наличии имеющихся предусмотренных национальным законодательством прав на обжалование решений, действий или бездействия представителей и органов государственной власти в целом зачастую возникает вопрос о том, какой способ обжалования наиболее эффективен в системе российской реальности с целью восстановления нарушенных прав: административный (с использованием инструментария восстановления нарушенных прав граждан и организаций через реализацию полномочий вышестоящего государственного органа) или судебный (посредством искового производства через суды общей юрисдикции и арбитражные суды). С целью ответа на данный вопрос достаточно определить основные «критерии значимости» цели жалобы.

Исходя из положений Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ № 59) под обжалованием действий и решений органов исполнительной власти понимаются обращения граждан о защите и восстановлении своих прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц, нарушенных в связи с осуществлением деятельности соответствующих органов.

При этом стоит отметить, что п. 4 ст. 1 ФЗ № 59 определено, что установленный данным законом порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами распространяется на правоотношения, связанные с рассмотрением указанными органами, должностными лицами обращений объединений граждан, в том числе юридических лиц, а также на правоотношения, связанные с рассмотрением обращений граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц, осуществляющими публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями,

иными организациями и их должностными лицами. В связи с чем на обращения, поступающие в адрес органов исполнительной власти, распространяются положения ФЗ № 59, в том числе связанные с отнесением обращения к одной из категорий: жалоба, заявление или предложение.

Жалоба отличается от предложения и заявления тем, что она связана с нарушением субъективных прав гражданина или юридического лица, в то время как обращение граждан в форме предложения и заявления носит критический характер, но направлено на улучшение работы органов исполнительной власти.

В действующей системе правовой классификации обращений, поступающих в органы исполнительной власти, ввиду отсутствия однозначных норм отнесения обращения к одной из определенных в ФЗ № 59 категорий, зачастую механизм административного обжалования оказывается запоздалым, поскольку при адресации обращения оно может быть отнесено государственным органом к иной категории в соответствии с ФЗ № 59 и рассмотрено в качестве обычного заявления, что в свою очередь может привести к нарушению предусмотренного законодателем срока обжалования. Так, например, п. 1 ст. 289 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 289) законодателем четко определен срок, в течение которого может быть подана жалоба – в течение трех месяцев:

1) со дня, когда лицу стало известно или должно было стать известно о нарушении его прав, свобод или законных интересов, создании препятствий к их реализации либо незаконном возложении на него какой-либо обязанности;

2) со дня истечения срока для принятия таможенным органом решения или совершения действия, установленных международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании.

При этом предусмотрен механизм, согласно которому в случае пропуска срока для обжалования действия (бездействия) указанный срок может быть восстановлен по ходатайству заявителя, если таможенный орган признает причину такого пропуска уважительной.

Таким образом, для однозначной квалификации органом исполнительной власти обращения в категорию «жалоба» необходимо однозначно сигнализировать о нарушении именно субъективных прав с отражением имеющихся у заявителя негативных имущественных и иных последствий.

В случае однозначной «классификации» жалобы орган исполнительной власти ставится законодателем в жесткие временные рамки по рассмотрению существа обращения. Так, например, в соответствии с положениями ст. 297 ФЗ № 289 определено, что жалоба должна быть рассмотрена вышестоящим таможенным органом в течение одного месяца со дня ее поступления в таможенный орган, уполномоченный рассматривать жалобу. Жалоба, поданная без соблюдения требований ч. 1 ст. 288 ФЗ № 289, должна быть рассмотрена вышестоящим таможенным органом в течение двух месяцев со дня ее поступления в таможенный орган, уполномоченный рассматривать жалобу. При этом срок рассмотрения жалобы, указанный в ч. 1 ст. 297, может быть продлен начальником этого таможенного органа или должностным лицом таможенного органа, им уполномоченным, но не более чем на один месяц.

Таким образом максимальный срок рассмотрения жалобы с использованием административного механизма обжалования составляет два месяца, что является несомненным аргументом в пользу временных рамок по реализации права на восстановление нарушенных прав в сфере таможенного дела.

Судебный же порядок разрешения жалоб является надежным способом защиты прав и свобод граждан и законных интересов организаций, особенно в тех случаях, когда их права и интересы нарушаются действиями субъектов власти. Данное обстоятельство обусловлено тем, что административно-правовые жалобы рассматриваются свободными от ведомственного влияния и интересов судьями, которые обладают независимостью в принятии решений и необходимой квалификацией для установления истины [2].

По своей сущности право судебного обжалования заключается в фактическом обращении в суд физического или юридического лица с требованием о признании недействительным и не порождающим определенных юридических последствий действий акта таможенного органа или отдельного должностного лица.

В уже сложившейся практике первенствующее место в арбитражных судах занимают дела об оспаривании актов органов исполнительной власти на предмет их несоответствия закону. Данная категория дел по своему характеру является актуальной и до настоящего времени, так как специфика объекта судебного оспаривания заключается в акте органа исполнительной власти, который по своим характерным особенностям и месту в правовом пространстве отражает сущность регулирования общественных отношений

и имеет большое социальное значение. Вместе с тем в силу загруженности судебного корпуса сроки рассмотрения такой категории дел по существу весьма продолжительны и несут в себе риск существенных, далеко выходящих за два месяца, временных и материальных затрат, связанных с обеспечением участия компетентных специалистов (экспертов, юристов и т. д.) в судебном процессе и возникающими судебными издержками, которые впоследствии также становятся объектом судебного разбирательства, порождая цепочку судопроизводств.

Таким образом, исходя из того что максимальный срок рассмотрения жалобы с использованием административного механизма обжалования составляет всего два месяца, это является несомненным аргументом в пользу временных рамок по реализации права на восстановление нарушенных прав в сфере таможенного дела. Однако он не исключает ведомственного влияния при принятии решения по рассмотрению жалобы по существу, в отличие от судебного механизма. Вместе с тем тот факт, что административный механизм обжалования не предполагает уплаты отдельных государственных пошлин (в отличие от предусмотренной при инициировании искового судопроизводства), определяет его по существу как «государственную услугу», которая, в случае отсутствия обстоятельства достижения цели жалобы, не лишает заявителя права на дальнейшее обжалование через судебные инстанции.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018).
2. Каплунов А.И. Административно-процессуальное право: курс лекций. – М.: ДКО, СПб МВД России, 2009.
3. Конституция Российской Федерации.
4. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ.
5. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342.97:347.214.2:378.4

Е. А. Дмитрикова

Практика изъятия неиспользуемого недвижимого имущества, закрепленного за бюджетным учреждением (университетом)¹

Вопрос о допустимости изъятия имущества, закрепленного за бюджетным учреждением, рассматривается в контексте публичной природы отношений, возникающих в связи с управлением государственным имуществом. Принятие уполномоченным органом решения об изъятии имущества, закрепленного за бюджетным учреждением, ориентировано на целевой характер закрепляемого имущества. Учитывая сложившуюся систему «расщепления» полномочий по управлению имуществом, контролю за использованием имущества, принятию решений об изъятии имущества, интерес представляет судебная практика, складывающаяся в связи с оценкой необходимости согласования решения об изъятии имущества, закрепленного за бюджетным учреждением. Кроме того, обращается внимание на судебную оценку обстоятельств использования (невозможности использования) имущества, закрепленного за бюджетным учреждением при разрешении споров по данной категории дел.

The question of the admissibility of seizure of property assigned to a state-financed organization is considered by the author of the article in the context of the public nature of relations arising in connection with the management of state property. The adoption by the authorized body of a decision on the withdrawal of property assigned to a state-financed organization is focused on the targeted nature of the property to be fixed. Taking into account the existing system of “splitting” of the powers for property management, control over the use of property, making decisions on withdrawal of property, it is of interest to practice in the courts, which is formed in connection with the assessment of the need to coordinate the decision on the withdrawal of property assigned to a budget institution. In addition, the article draws attention to the judicial assessment of the circumstances of use (inability to use) of the property assigned to the state-financed organization in resolving disputes in this category of cases.

© Дмитрикова Е. А., 2018

¹ Статья подготовлена в рамках НИР СПбГУ «Совершенствование правового регулирования государственно-частного партнёрства в научной сфере и сфере образования». Шифр НИРа – 14.39.899.2017

Ключевые слова: управление государственным имуществом, целевое имущество, изъятие имущества бюджетного учреждения.

Key words: state property management, trust property, withdrawal of budgetary institution property.

Управление федеральным имуществом: общая характеристика. Вопрос управления федеральной собственностью неразрывно связан с реализацией полномочий публичного собственника. Российская Федерация как собственник участвует в гражданско-правовых отношениях как субъект со специальной правоспособностью, которая в силу публично-правовой природы не совпадает с правоспособностью граждан и юридических лиц [14].

Осуществление полномочий собственника в отношении федерального имущества, в том числе переданного государственным учреждениям, выступает в качестве функции по управлению государственным имуществом [7]. Формирование системы управления федеральным имуществом, закрепленным за бюджетным учреждением (университетом), во многом предопределено целью управления.

В любом публичном отношении первенствует правовая обязанность [3, с. 14]. Отношения, связанные с управлением федеральным имуществом, не являются исключением. Характеризуя систему управления федеральным имуществом, закрепленным за бюджетным учреждением (университетом), следует согласиться, что полномочия государства в качестве собственника в целом допустимо толковать с гражданско-правовых позиций, но его обязанности имеют публичную природу, так как основаны на конституционной идее общего блага и административно-правовых механизмов его достижения, реализующихся через деятельность публичной администрации [1, с. 104].

Состав федерального имущества, закрепленного за бюджетным учреждением (университетом). Режим управления федеральным имуществом устанавливается императивно. Определяя порядок управления федеральным имуществом, законодатель вправе установить объем и пределы осуществления права собственности на федеральное имущество. Соответствующие положения не могут рассматриваться как ограничение права собственности в смысле ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, поскольку речь идет о самоограничении права собственности [15].

Состав федерального имущества обусловлен нацеленностью на создание условий для обеспечения задач, которые стоят перед государством в рассматриваемой сфере деятельности учреждения. В этой связи уполномо-

моченные административные органы, управляя федеральным имуществом, должны действовать сообразно целям, которые формулирует государство как публичный субъект, а не как собственник. Федеральное имущество, которое закрепляется за бюджетным учреждением (университетом), является целевым.

Образование по своей сути – публичная функция государства, направленная на полноценное развитие общества и его граждан на основе достижений в области знаний, а также обеспечение экономического развития и безопасности государства. В соответствии с положениями ст. 102 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) образовательные организации должны иметь в собственности или на ином законном основании имущество, необходимое для образовательной деятельности, а также иной предусмотренной уставами образовательных организаций деятельности [9].

Применительно к университетам отметим, что деятельность их не исчерпывается образовательной деятельностью (например, п. 12 и 13 Устава СПбГУ к видам деятельности относят фундаментальные исследования, международное сотрудничество в сферах образования, науки, культуры и спорта). Университету имущество необходимо и для осуществления иной деятельности, предусмотренной уставом образовательной организации.

Формируя состав федерального имущества, которое закрепляется за бюджетным учреждением (университетом), собственнику надлежит определять те объекты, которые обеспечат соответствующую государственную функцию. При этом имущественный комплекс должен быть достаточным для осуществления соответствующей государственной функции². Наличие движимого и (или) недвижимого имущества, необходимого для осуществления образовательной деятельности по заявленным к лицензированию образовательным программам, выступает в качестве лицензионного требования к лицензиату и соискателю лицензии [4].

Вместе с тем избыточное федеральное имущество не должно оставаться у бюджетного учреждения «про запас», фактически исполняя роль дополнительного источника финансирования.

Функции и полномочия собственника имущества, переданного бюджетному учреждению. До реформы 2018 г. Министерство образования и

² В Постановлении Конституционного суда РФ от 15 мая 2006 г. № 5-П сказано, что публичное образование «обязано сохранять в достаточном количестве имеющиеся дошкольные образовательные учреждения и при необходимости расширять их сеть» (п. 2.1 мотивировочной части).

науки Российской Федерации осуществляло полномочия и функции собственника имущества, переданного бюджетному учреждению [11]. В целях обеспечения эффективного управления, распоряжения и использования федерального имущества подведомственных организаций была создана комиссия по распоряжению федеральным недвижимым имуществом организаций, подведомственных Министерству образования и науки РФ³.

В настоящее время Министерство просвещения Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти⁴, осуществляющим функции по управлению государственным имуществом в сфере общего образования, среднего профессионального образования и соответствующего дополнительного профессионального образования, профессионального обучения, дополнительного образования детей и взрослых, воспитания [12].

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по управлению государственным имуществом в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, включая деятельность федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров, уникальных научных стендов и установок, федеральных центров коллективного пользования, ведущих научных школ, национальной исследовательской компьютерной сети нового поколения и информационное обеспечение научной, научно-технической и инновационной деятельности [10].

Кроме того, функции и полномочия собственника имущества может осуществлять и Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом (далее – Росимущество) [8]. Например, применительно к СПбГУ данное агентство выступает органом, который осуществляет функции и полномочия собственника в отношении имущества, переданного СПбГУ (п. 3.1 Устава СПбГУ) [13].

³ Комиссия функционировала в качестве координационного органа по обеспечению принятия решений Министерства образования и науки РФ по распоряжению федеральным недвижимым имуществом подведомственных организаций. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 18 марта 2011 г. № 1373 "О комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по распоряжению федеральным недвижимым имуществом подведомственных Министерству образования и науки Российской Федерации организаций" // СПС Консультант Плюс.

⁴ В связи с изменением структуры федеральных органов исполнительной власти в 2018 г.

Бюджетное учреждение (университет). Статьей 9.2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» установлено, что бюджетным учреждением признается некоммерческая организация, созданная публичным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий соответственно органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления в сферах науки, образования.

Бюджетное учреждение осуществляет свою деятельность сообразно предмету и целям деятельности, определенными в соответствии с федеральными законами, иными нормативными правовыми актами, муниципальными правовыми актами и уставом [5].

Имущество бюджетного учреждения закрепляется за ним на праве оперативного управления в соответствии с Гражданским кодексом РФ. Собственником имущества бюджетного учреждения является публичное образование. Земельный участок, необходимый для выполнения бюджетным учреждением своих уставных задач, предоставляется ему на праве постоянного (бессрочного) пользования. Остальным находящимся на праве оперативного управления имуществом бюджетное учреждение вправе распоряжаться самостоятельно, если иное не предусмотрено п. 13 и 14 ст. 9.2 или абзацем третьим п. 3 ст. 27 Федерального закона «О некоммерческих организациях».

В соответствии с Гражданским кодексом РФ [2] и Законом об образовании [9] самостоятельность бюджетного учреждения ограничена назначением имущества. Статьей 296 Гражданского кодекса РФ установлено, что учреждение, за которыми имущество закреплено на праве оперативного управления, владеет, пользуются этим имуществом в пределах, установленных законом, в соответствии с целями своей деятельности, назначением этого имущества и, если иное не установлено законом, распоряжается этим имуществом с согласия собственника этого имущества (часть 1).

В соответствии с положениями ст. 102 Закона об образовании имущество, закрепленное за образовательными организациями на праве оперативного управления или находящиеся в их самостоятельном распоряжении объекты (здания, строения, сооружения) учебной, производственной, социальной инфраструктуры, включая жилые помещения, расположенные в зданиях учебного, производственного, социального, культурного назначения, общежития, а также клинические базы, находящиеся в оперативном

управлении образовательных организаций или принадлежащие им на ином праве, приватизации не подлежат.

Статьей 103 Закона об образовании предусмотрено, что образовательные организации высшего образования, являющиеся бюджетными учреждениями, имеют право без согласия собственника их имущества с уведомлением соответствующего федерального органа исполнительной власти быть учредителями хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств⁵. Санкт-Петербургский государственный университет отвечает по своим обязательствам всем находящимся у него на праве оперативного управления имуществом, закрепленным за университетом собственником имущества и приобретенным за счет доходов от оказания платных услуг, осуществления иной, приносящей доход деятельности, за исключением особо ценного движимого имущества (п. 10 Устава СПбГУ).

Контроль за деятельностью бюджетного учреждения (университета) в связи с использованием федерального имущества, закрепленного за бюджетным учреждением (университетом). В круг полномочий Федерального агентства по управлению федеральным имуществом, его территориальных органов включены права по изъятию излишнего, неиспользуемого или используемого не по назначению имущества, закрепленного в оперативном управлении указанных учреждений [8].

Ограничение самостоятельности бюджетного учреждения, касающегося назначения имущества, связано с согласием собственника, т. е. с принятием соответствующим органом решения о допустимости использования имущества. Ряд вопросов, связанных с использованием федерального имущества, возникает в связи оспариванием решения об изъятии имущества. При этом от имени собственника, как ранее было сказано, выступают уполномоченные органы. Бюджетные учреждения успешно оспаривают распоряжения территориальных органов Росимущества на том основании, что последние, принимая решения об изъятии

⁵ При условии, что деятельность заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности (программ для электронных вычислительных машин, баз данных, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау), исключительные права на которые принадлежат образовательным организациям (в том числе совместно с другими лицами).

имущества, не согласовывают его с уполномоченными органами (Министерством образования и науки РФ⁶).

Так, например, бюджетное учреждение (университет) обратилось в суд с заявлением о признании недействительным распоряжения территориального управления об изъятии неиспользуемого недвижимого имущества, закрепленного на праве оперативного управления за бюджетным учреждением и закреплении имущества на праве хозяйственного ведения за ФГУП. Позиция территориального управления была основана на том, что Министерство образования и науки РФ в отношении имущества, закрепленного на праве оперативного управления за университетом, осуществляет только управленческие функции, а полномочиями по осуществлению в установленном порядке изъятия имущества в случае, если оно является излишним, не используется или используется не по назначению, наделено территориальное управление Росимущества. Исходя из этого был сделан вывод об отсутствии необходимости согласования изъятия данного имущества.

Решением арбитражного суда распоряжение управления признано недействительным. Постановлением арбитражного апелляционного суда решение суда оставлено без изменения. Судебные инстанции пришли к выводу о том, что полномочиями собственника имущества, закрепленного за образовательным учреждением, в силу прямого указания закона наделено Министерство образования и науки РФ, с которым следовало согласовать изъятие из оперативного управления университета недвижимого имущества. Кроме того, в данном споре суды дали правовую оценку тому обстоятельству, что университетом на протяжении длительного времени решается вопрос об использовании данных объектов недвижимого имущества в целях расширения и улучшения материально-технической базы университета, в том числе путем капитального ремонта или реконструкции нежилых помещений после получения соответствующего финансирования из федерального бюджета на эти нужды. На основании исследования указанных обстоятельств судами признаны необоснованными доводы управления о том, что изъятые объекты недвижимого имущества находятся в аварийном состоянии, не используются университетом в образовательном процессе и являются для него излишними [17].

⁶ Указание в качестве уполномоченного органа Министерства образования и науки РФ обусловлено обращением к судебной практике до изменения структуры федеральных органов исполнительной власти в июле 2018 г.

Еще одна категория споров связана с тем, что Росимущество необоснованно широко трактует понятие распоряжения федеральным имуществом, требуя согласования его использования. Так, например, по мнению уполномоченного органа, бюджетное учреждение незаконно распорядилось федеральным имуществом без согласия его собственника, разрешив установку банкомата в холле учреждения [19].

Отказывая в удовлетворении требований о возложении обязанности на бюджетное учреждение освободить холл первого этажа нежилого здания от установленного банкомата, суд указал, что полномочия собственника в отношении имущества, закрепленного за Медицинской академией на праве оперативного управления, осуществляет Министерство образования и науки РФ; банкомат находится в холле строения на основании договора оказания услуг, не признанного недействительным⁷.

В отдельных случаях возникает ситуация, при которой имущество, закрепленное за бюджетным учреждением, имеет принципиальное значение для реализации государственных отраслевых концепций, федеральных целевых программ. Например, принимая решение об изъятии имущества из оперативного управления государственного учреждения «Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт» административный орган⁸ проигнорировал решение Правительства РФ о расширении работ в Антарктике.

Оспаривая изъятие имущества из оперативного управления в судебном порядке, учреждение заявило, что подобное решение препятствует осуществлению им научной деятельности, своевременной и качественной подготовки и проведению мероприятий в рамках Международного полярного года, может привести к срыву работ по организации и обеспечению деятельности регулярных экспедиций в Арктику и дрейфующих станций «Северный полюс» [16].

⁷ Решение от 04.03.2015 Арбитражного суда Кемеровской области, постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда по делу № А27-24635/2014 оставлено без изменения, кассационная жалоба Территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом - без удовлетворения (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.09.2015 № Ф04-23179/2015 по делу № А27-24635/2014).

⁸ КУГИ Санкт-Петербурга в соответствии с соглашением между Росимуществом и Правительством Санкт-Петербурга о передаче Правительству Санкт-Петербурга осуществления части своих полномочий по управлению федеральным имуществом, в том числе земельными участками, находящимися в собственности Российской Федерации.

Наряду с вопросами согласования, причиной спора нередко становится неоднозначная трактовка административного акта уполномоченного органа с точки зрения его содержания: решение по управлению имуществом или об изъятии федерального имущества. Так, например, предписание территориального органа Федерального агентства по управлению государственным имуществом фактически содержало понуждение (в случае непредставления предложения по использованию объектов недвижимости в уставной деятельности бюджетного учреждения) к обращению университета в Министерство образования и науки РФ о прекращении права оперативного управления на объекты недвижимости. Аргументы территориального управления заключались в том, что административный орган наделен необходимыми полномочиями, решение принято с учетом предназначения имущества, предоставленного бюджетному учреждению, характера целевого использования государственного имущества. По итогам проверки использования федерального имущества, составлено предписание, одним из пунктов которого установлено требование о том, чтобы заявитель представил предложения по использованию объектов недвижимости в уставной деятельности университета либо направил в Министерство образования и науки РФ обращение о прекращении права оперативного управления на ряд объектов недвижимости (указаны в предписании).

Данное предписание было оспорено университетом. Суд требования удовлетворил, исходя из того, что университет вправе распоряжаться объектами недвижимости по своему усмотрению и осуществлять деятельность, приносящую доход, предусмотренную уставом, если это не противоречит федеральным законам и направлять указанный доход на развитие научно-образовательной базы.

Заметим, при разрешении споров указанной категории суды исходят из того, что в компетенцию территориального управления входят вопросы, связанные с контролем законности использования федерального государственного имущества.

Признаки имущества, которое можно изъять из оперативного управления, приведены в п. 2 ст. 296 ГК РФ – не используемое или используемое не по назначению. В этой связи отдельную группу составляют споры по вопросам использования федерального имущества в соответствии с его

предназначением. Заметим, что закон не конкретизирует содержание такого основания, как использование не по назначению [6]⁹.

Для административных правоотношений отсутствуют и правила, которые конкретизируют полномочия органов исполнительной власти в части изменения «судьбы» федерального имущества.

Такой подход высвечивает проблему обеспечения стабильности финансовой базы бюджетного учреждения. В результате администрация бюджетного учреждения находится «между двух огней». С одной стороны, поиск модели эффективного использования имущества, закрепленного за бюджетным учреждением, с другой стороны – риск изъятия имущества по решению уполномоченного органа.

Например, бюджетное образовательное учреждение вправе (как в силу закона, так и в силу устава) полученное федеральное имущество сдавать в аренду. Анализ судебной практики показал, что суды, разрешая вопрос о допустимости использования имущества не в соответствии с уставной деятельностью, не признают таковую даже в «исключительных случаях». В конкретном споре – в связи с тем, что такое имущество временно, т.е. непродолжительный срок не может использоваться в соответствии с уставной деятельностью учреждения по объективным причинам, суд указал на то, что бюджетным законодательством, которое не предусматривает «кормление» государственных бюджетных учреждений за счет использования государственного имущества не в соответствии с предназначением создания образовательного учреждения. При этом направление денежных средств на уставную деятельность заявителя не свидетельствует, что использование указанного имущества соответствует целям и задачам создания данного учреждения [18].

Основные выводы. Особенность системы управления федеральным имуществом предопределена тем, что государство выступает не только в качестве собственника соответствующего имущества, но и как субъект, наделенный властными полномочиями. В этой связи собственник – государство, в отличие от частного лица, устанавливает цели и порядок использования федерального имущества, определяет перечень административных

⁹ При рассмотрении дел по заявлениям учреждений о признании недействительными актов управомоченных собственником органов об изъятии или распоряжении имуществом, принадлежащим учреждениям на праве оперативного управления, следует исходить из того, что бремя доказывания наличия обстоятельств, являющихся основаниями для изъятия либо иного распоряжения имуществом (пункт 2 статьи 296 ГК РФ), возложено на соответствующий управомоченный собственником орган.

органов, уполномоченных от имени собственника осуществлять управление федеральным имуществом (в таком случае деятельность административного органа по управлению федеральным имуществом есть не что иное, как правоприменительная деятельность, осуществление которой подчинено определенным правилам).

Для осуществления управления федеральным имуществом функционирует система уполномоченных органов, которые в соответствии с их полномочиями осуществляют управление сообразно с классификацией объектов государственной собственности по признакам, определяющим специфику управления; обеспечивают контроль за использованием (с точки зрения целевого назначения) и сохранностью федерального имущества.

Применительно к практике изъятия недвижимого имущества, закрепленного за бюджетным учреждением, отметим, что значительная часть споров связана с проблемой разграничения функций по управлению государственным имуществом, по контролю за использованием имущества и полномочий собственника в лице соответствующего административного органа.

Список литературы

1. Винницкий А.В. Публичная собственность. – М.: Статут, 2013.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 30.07.2017.
3. Елистратов А.И. Основные начала административного права. – М., 1914.
4. О лицензировании образовательной деятельности (п. 6): постановление Правительства РФ от 28.10.2013 № 966.
5. О некоммерческих организациях: федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. – 15.01.1996. – № 3. – Ст. 145.
6. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 24.03.2016).
7. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти (подп. «г» п. 2): указ Президента РФ от 9.03.2004 № 314.
8. О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом: постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 432 (Пункт 5.8, 5.10 и 5.22). consultantplus://offline/ref=F46222DD10EB608816EEC975F3B173B9749E5FD5BE4FC0CED0C7A5C688605FC4105771EF67a142I

9. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL:<http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2012.

10. Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 (ред. от 28.07.2018).

11. Об утверждении Положения о Министерстве образования и науки Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 03.06.2013 № 466 (ред. от 21.04.2018) // СПС Консультант Плюс.

12. Об утверждении Положения о Министерстве просвещения Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 884 (ред. от 28.08.2018) // СПС Консультант Плюс.

13. Об утверждении устава федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»: постановление Правительства РФ от 31.12.2010 № 1241 (ред. от 22.11.2017) // СЗ РФ. – 24.01.2011. – № 4. – Ст. 605.

14. Определения Конституционного суда РФ от 4.12.1994 № 139-О, 1.10.1998 № 168-О, от 2.11.2006 № 540-О.

15. Постановление Конституционного суда РФ от 22.11.2000 № 14-П П. 3 мотивировочной части.

16. Постановление ФАС СЗО от 4 сентября 2008 г. по делу № А56-18978/2007.

17. Постановление ФАС Уральского округа от 13 марта 2013 г. № Ф09-325/13 (Дело № А60-26023/2012)

18. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 18.02.2016 № 04АП-199/2016 по делу № А19-13073/2015. Для справки: Постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.06.2016 № Ф02-2267/2016 данное постановление оставлено без изменения.

19. Решение от 04.03.2015 по делу № А27-24635/2014 Арбитражного суда Кемеровской области.

*Н. П. Маюров, П. Н. Маюров,
О. Д. Ороева*

Особенности профессиональной адаптации молодых сотрудников ОВД к службе

В статье освещаются вопросы профессиональной адаптации молодых сотрудников ОВД к службе. Рассматриваются проблемы, факторы, этапы, виды и компоненты профессиональной адаптации. Формулируется ряд практических рекомендаций по совершенствованию организационных основ, содействующих оперативному и эффективному адаптационному процессу.

The article is devoted to the issues of professional adaptation of young police officers to the service. The problems, factors, stages, types and components of professional adaptation are considered. A number of practical recommendations are formulated to improve the organizational framework to facilitate the rapid and effective adaptation process.

Ключевые слова: адаптация, профессиональная адаптация, молодые сотрудники органов внутренних дел, психологические качества, Закон о службе, наставничество, руководитель органа внутренних дел.

Key words: adaptation, professional adaptation, young employees of the internal Affairs bodies, psychological qualities, law on service, mentoring, head of the internal Affairs body.

Несмотря на то что Министерство внутренних дел Российской Федерации к настоящему времени претерпело глубинные, структурные и существенные изменения, все еще остаются актуальными проблемы, связанные в первую очередь с укреплением и развитием адаптационного потенциала молодых сотрудников органов внутренних дел, что, в свою очередь, выражается в слабой психологической готовности вновь принятых сотрудников к службе, в неспособности сотрудников правильно взаимодействовать с гражданами в процессе служебной деятельности, наконец, в низкой мотивации к службе. Все это напрямую ведет к неприятной статистике текучести кадров. Так, 15–20 % молодых сотрудников, либо увольняются в

течение первых трех лет службы, либо переходят в другие правоохранительные органы (прокуратура, суды, таможенные органы и др.) [10]. Кроме того, по данным Департамента государственной службы и кадров МВД России (далее – ДГСК МВД России) [27] за период 2013–2017 гг. некомплект личного состава полиции увеличился с 4,0 до 6,4 %, в первую очередь за счет увольнений сотрудников по выслуге лет, дающей право на получение пенсии (2013 г. – 34,1 %; 2014 г. – 35,6 %; 2015 г. – 36,2 %; 2016 г. – 40,9 %; 2017 г. – 43,4 %). Одновременно численность молодых сотрудников (до 30 лет) в 2017 г. составила 44,5 % кадрового состава, из которых 25,4 % личного состава прослужили не более трех лет. Кроме того, эффективное осуществление органами внутренних дел возложенных на них задач в немалой степени зависит от того, насколько быстро и безболезненно молодой сотрудник органов внутренних дел адаптируется к службе.

Явление профессиональной адаптации привлекает все большее внимание современных исследователей в различных отраслях жизни современного общества. В этой связи представляется важным разобраться этимологией этого понятия. В широком смысле адаптация (лат. «*adapto*» – «приспосаблию») представляет собой процесс приспособления работника к условиям внешней и внутренней среды [12]. Среда постоянно меняется, поэтому представляется сомнительным определение адаптации как процесса активного приспособления человека к новой среде [3].

Некоторые авторы указывают на взаимный характер приспособления как главную суть определения адаптации. Адаптация – это постепенное взаимное приспособление работника и организации в новых для сотрудника профессиональных, социальных и организационно-экономических условиях труда [4]. Адаптация – это взаимное приспособление работника и организации, основывающееся на постоянной вработываемости сотрудника в новых профессиональных, социальных и организационно-экономических условиях труда [9].

Следует особо обратить внимание на такую сущностную черту адаптации, как взаимность, поскольку и работник, и организация могут иметь различные ценности и ориентиры. В этой связи успешная адаптация возможна только при совмещении этих двух сторон.

Под профессиональной адаптацией в психологии понимают процесс вступления индивида в новую производственную сферу, усвоение новой социальной роли, различных норм производственной (правоохранительной в данном случае) деятельности» [28]. В менеджменте под адаптацией пони-

мают процесс знакомства сотрудника с деятельностью и организацией и изменение собственного поведения в соответствии с требованиями среды [25].

Д.А. Александров, анализируя теоретические основы изучения профессиональной адаптации сотрудника ОВД, акцентирует внимание на том, что профессиональная адаптация сотрудника ОВД представляет собой сложный процесс взаимодействия аллопсихических и интрапсихических реакций в процессе профессиогенеза, при достаточной эффективности которого достигается психический гомеостаз, определяющий способность к эффективной интериоризации в правоохранительной деятельности, устойчивость к деструктивным воздействиям и самоидентификацию специалиста в профессии [2].

Любопытную позицию на природу адаптации высказал И.В. Пажильцев, определив в качестве главной сути явления адаптации отсутствие признаков дезадаптации, которая возникает вследствие кратковременных и сильных воздействий среды на человека или под влиянием менее интенсивных, но продолжительных воздействий, и проявляется в различных нарушениях дисциплины труда, в повышении аварийности и травматизма [23].

Вместе с тем рассматривать адаптацию молодых сотрудников исключительно через призму сугубо социально-психологических процессов, представляется не совсем правильно. Так, М.А. Шелепова вполне обоснованно отмечает, что особенностями профессиональной адаптации молодых специалистов, будущих профессионалов ОВД, является социально-психологическое и нравственно-этическое взаимодействие [24; 29].

Анализ указанных выше определений позволяет нам выделить две существенные характеристики адаптации, которые заслуживают наибольшего внимания – это «взаимость» и «усвоение норм производственной деятельности», в первую очередь потому что, благодаря им сотрудник может успешно выполнять служебные обязанности с наименьшими психологическими расходами.

В этой связи нам представляется наиболее полным и объективным следующее определение профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел: взаимное профессиональное приспособление сотрудника к условиям службы в органах внутренних дел и самого органа в новых для сотрудника профессиональных, социальных и организационно-экономических условиях службы, способствующее эффективному выполнению молодым сотрудником служебных обязанностей, также стремлению

соблюдать профессионально-этические нормы и правила, с наименьшими психологическими расходами.

Следующим важным шагом в уяснении сущности адаптации является исследование этапов и видов адаптации.

Т.Ю. Базаров и Б.Л. Еремин выделяют четыре этапа адаптации: 1) оценка уровня подготовленности новичка; 2) ориентация; 3) действенная адаптация; 4) функционирование [3].

Ряд других исследователей выделяют три периода адаптации молодых сотрудников органов внутренних дел:

1) подготовительный этап, т. е. профессиональной ориентации и отбора кандидатов на службу. Он длится на протяжении всего периода обучения в ведомственном вузе и до начала служебной деятельности молодого сотрудника в конкретном подразделении внутренних дел;

2) этап профессиональной адаптации, длящийся, как правило, один год и представляющий собой этап развития и закрепления основных показателей адаптированности сотрудника;

3) этап саморазвития, длящийся от 3 до 5 лет.

Вместе с тем продолжительность адаптации молодых сотрудников в органах внутренних дел может быть различной и варьироваться в зависимости от места службы в системе МВД России. Так, например, период адаптации сотрудника, занимающегося научно-педагогической или научной деятельностью в образовательной или научной организациях системы МВД России, может составлять до 5–7 лет.

В.В. Кулик выделяет такие этапы адаптации как: 1) общая ориентация (ознакомление с общей информацией об организации); 2) ввод в должность (ознакомление с должностной инструкцией); 3) ориентация в должности (первые шаги на рабочем месте); 4) статистический (этап полноценной работы с полным объемом ответственности) [11].

Наиболее обоснованной, с точки зрения формирования и развития профессиональных качеств, представляется нам трехэтапная модель адаптации молодых сотрудников органов внутренних дел, включающая подготовительный этап, этап профессиональной адаптации и этап саморазвития.

Сегодня вопрос о видах адаптации все еще остаётся предметом научных дискуссий и свидетельством различных взглядов. Так, Г.П. Медведев выделяет два вида адаптации молодого специалиста (социальную и профессиональную) [20]. Л.Г. Егорова указывает на наличие четырех видов адаптации: социальная, психологическая, биологическая и физиологическая [7]. Другие ученые выделяют трудовую (профессиональную) адаптацию [8].

Обобщая вышеуказанные подходы, нам представляется, важным выделить следующие виды адаптации: 1) социальная; 2) психофизиологическая; 3) профессиональная; 4) культурная.

Кроме того, в зависимости от уровня адаптация может подразделяться на: первичную – когда сотрудник, вновь принятый на службу, впервые включается в служебную деятельность органа внутренних дел, как правило, на этапе стажерства; и вторичную – когда сотрудник проходит адаптацию при переводе по службе.

С учетом того, что органы внутренних дел представляют собой сложную систему различных подразделений зачастую существенно отличающихся друг от друга характером деятельности и задачами, вполне уместным видится классификация видов адаптации в зависимости от направления служебной деятельности: 1) адаптация участковых уполномоченных полиции; 2) адаптация оперуполномоченных ОРЧ; 3) адаптация сотрудников дежурных частей; 4) адаптация сотрудников подразделений по работе с личным составом и др. Каждый из указанных видов адаптаций, характеризуется своими особенностями и факторами воздействия. Так, например, исследование различных источников свидетельствует о том, что все наиболее негативные факторы, оказывающие воздействие на адаптацию сотрудников органов внутренних дел, в наибольшей степени получили свое отражение именно в службе участковых уполномоченных. Одним из таких негативных факторов является большая текучесть кадров, которая и в настоящее время остается нерешенной проблемой.

К проблемным психологическим моментам адаптационных процессов среди молодых сотрудников ГИБДД относятся такие состояния, как нейротизм¹, эмоциональная лабильность², ригидность³, индивидуалистичность.

Основными причинами профессиональной дезадаптации молодых специалистов являются индивидуально-психологические особенности: низкий общеобразовательный уровень, эмоционально-психическая неустойчивость (тревожность, импульсивность), низкий уровень развития коммуникативных и организаторских способностей [5].

¹ Черта личности, характеризующаяся эмоциональной неустойчивостью, тревогой, низким самоуважением.

² Это расстройство, характеризующаяся неустойчивым настроением.

³ Неготовность к изменениям программы действия – в соответствии с новыми ситуационными требованиями.

И наоборот, существует ряд особенностей личности, обладая которыми молодые специалисты успешно адаптировались к службе: эмоциональная устойчивость, способность выдерживать интенсивные интеллектуальные и эмоциональные нагрузки и управлять собой, контролировать свое поведение, самостоятельность, сильная воля, активность, энергичность, способность отстаивать свою точку зрения, ответственность за принимаемые решения. Этим сотрудникам свойственны тенденция к доминированию, независимость от внешних факторов [5].

Профессиональная адаптация – сложный и комплексный процесс, включающий различные взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты: 1) адаптация к содержанию деятельности; 2) адаптация к условиям реальности; 3) адаптация к служебному коллективу; 4) адаптация к отношениям с руководством; 5) включение в первичную (малую) группу сослуживцев; 6) включение в процессы профессионального саморазвития (развитие мотивации, целеобразования, перестройка самоидентичности, овладение профессиональными знаниями, становление профессиональных умений, навыков и т. д.) [21].

Неудовлетворительная адаптация хотя бы к одному из компонентов, нарушение целостности всего процесса не позволяют говорить об успешности всего процесса. Нарушение адаптации может приводить к низкой эффективности и качеству оперативно-служебной деятельности, дисциплинарным проступкам, явлением психической дезадаптации, вплоть до формирования кризисных психологических состояний.

Основанными субъектами, включенными в процесс профессиональной адаптации молодых сотрудников и в конечном итоге, определяющими ее результаты, являются: 1) руководители органов внутренних дел; 2) работники подразделений по работе с личным составом; 3) центры психологической диагностики; 4) наставники; 5) практические психологи органов внутренних дел; 6) общественные формирования подразделений ОВД (совет ветеранов ОВД, общие собрания сотрудников).

Самих молодых сотрудников также необходимо рассматривать как наиболее активных субъектов профессиональной и психологической адаптации, соответственно психолого-педагогическое обеспечение необходимо строить дифференцированно, с учетом различных их категорий: 1) вновь поступившие на службу: рядовой, сержантский или офицерский состав, пополняемые из числа гражданских лиц; 2) военнослужащие, уволенные в запас; 3) выпускники образовательных организаций МВД России.

Специализация перечисленных субъектов, определение функций и ответственности представляют самостоятельную управленческую задачу руководителя, которая может быть решена при разработке и утверждении программы профессиональной адаптации.

Сегодня процесс адаптации молодых сотрудников органов внутренних дел испытывает влияние на себе многих, далеко не всегда положительных факторов: 1) исторического; 2) демографического; 3) мотивации; 4) руководства и наставничества; 5) правового.

Именно на последний вид фактора и хотелось бы обратить более пристальное внимание. Дело в том, что служба в органах внутренних дел, в том числе и для вновь принятых сотрудников, носит правовой характер. Право, по сути, связано не только с осуществлением сотрудником своих функциональных обязанностей, но определяет цели деятельности указанного сотрудника. В этой связи на первый план выступает проблема значительного массива нормативных правовых актов в сфере внутренних дел, с которым сотруднику приходится сталкиваться и он должен их не только знать, но и уметь правильно применять. Успешная адаптация в этом случае возможна, если молодой сотрудник в максимально короткие сроки сможет освоить этот массив правовой информации. В этой связи сложно переоценить роль сборника нормативных актов и документов, в котором были бы сосредоточены Положение о наставничестве, правовой статус и инструкции стажера, контракт стажера, наставления по профессиональной подготовке стажера, нормы, регламентирующие работу по использованию на службе стажеров, наконец программа адаптации молодого сотрудника органов внутренних дел.

Вместе с тем проблемы, влияющие на развитие института адаптации молодых сотрудников, имеют место не только со стороны сотрудника, но также и со стороны органа внутренних дел. Немалая часть ошибок и просчетов в работе органов внутренних дел связана с недооценкой руководителями значения работы с молодыми сотрудниками.

В рамках профессионального развития и роста молодые сотрудники зачастую не получают так нужную им практическую помощь, кроме того, не совсем эффективно с указанными сотрудниками осуществляется наставническая деятельность.

Руководство не всегда уделяет должное внимание носящим латентный характер противоречиям, формирующимся на стыке того, что себе представлял сотрудник о своей деятельности и реальности. Указанная проблема, к сожалению, формируется под воздействием следующих выявлен-

ных закономерностей: 1) личностный адаптационный потенциал сотрудника находится в тесной зависимости от того, насколько велики различия между тем, что сотрудник себе представлял о месте службы и тем, с чем он в реальности столкнулся; 2) первоначальные представления вновь принятого сотрудника о месте службы могут серьезно расходиться с представлениями руководителя этого сотрудника; 3) как правило, на втором году адаптационного периода молодого сотрудника наблюдается наиболее низкий уровень его лояльности к месту службы.

Суть указанной проблематики интересным образом препарируется в научном подходе Д.Л. Агранта, который считал, что адаптация молодого сотрудника строится по двум пересекающимся параметрам: первый – социально-ролевой (действие в роли новичка), второй – социально-динамический (воздействие макросоциальных перемен). С учетом указанных макроэкономических перемен уровень развития социальной адаптации сотрудника напрямую зависит от того, насколько в нем развиты два противоположных вида идентичности: 1) тотальная идентичность (внутреннее устройство ОВД и выражаются в системе поддержания особого порядка) и 2) творческая идентичность (внешняя деятельность ОВД, т.е. деятельность по борьбе с преступностью) [1]. Любой коллектив имеет свои законы и традиции, которые формировались на протяжении длительного времени и работают по определенной программе, что обусловлено особенностями человеческой психики. В этой связи к новичку всегда будут относиться настороженно, а в воздухе всё равно первое время будет витать напряжённость. Члены коллектива будут наблюдать за тем, как он самостоятельно справляется с трудностями. Соответственно, чем быстрее новичок усвоит законы нового коллектива, традиции, отношения внутри его, тем быстрее пройдет адаптация. Иными словами, молодой сотрудник органов внутренних дел оказывается наедине с непростой задачей проявить высокий уровень поведенческой культуры, причем с первого же дня, чтобы успешно адаптироваться в новом коллективе. Очевидно, что получить знания и представления об элементах такой культуры невозможно в гражданском вузе.

Проанализировав вышесказанное, можно сделать вывод о необходимости и важности такой составляющей кадровой политики органов внутренних дел, как формирование кадрового состава органов внутренних дел преимущественно за счёт выпускников образовательных организаций высшего образования системы МВД России. В этой связи считаем правильной позицию законодателя, сформулированную в ч. 2 ст. 76 Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ

«О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [26] (далее – Закон о службе), в соответствии с которой подготовка кадров для замещения должностей среднего, старшего и высшего начальствующего состава осуществляется преимущественно в образовательных организациях высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Вместе с тем, как мы полагаем, что наиболее полно адаптационный потенциал сотрудников из числа курсантов-выпускников вузов МВД России может быть раскрыт, если программа их подготовки будет максимально воспроизводить условия практической деятельности будущих сотрудников, т. е. носить ярко выраженный практико-ориентированный характер.

Целенаправленная, системная и комплексная работа с молодыми сотрудниками органов внутренних дел должна строиться на основе разработанной индивидуальной методики, учитывающей конкретные трудности адаптационного периода.

В ходе адаптации молодых сотрудников используются различные формы профессиональной помощи: наставничество, тренинги индивидуальная беседа, обсуждение в коллективе. Из указанных форм помощи главенствующее и основополагающее воздействие на процесс профессиональной адаптации оказывает наставничество, представляющее собой технологию передачи посредством планомерной работы знаний, навыков и установок от более опытного сотрудника к менее опытному. Подтверждением той серьезной и фундаментальной роли, которую институт наставничества играет в развитии и возрождении целых профессий, служит состоявшийся в феврале 2018 г. Всероссийский форум «Наставник», на котором президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Любой профессионал, абсолютно любой, уверен, всегда мечтает о том, чтобы дело, которому он посвятил всю свою жизнь, а как правило, вы, когда работаете с наставниками, имеете дело именно с такими людьми, – все мечтают, чтобы эта профессия развивалась, чтобы дело, которое делает этот человек, оказалось в будущем в надёжных руках. Думаю, что в этом как раз и сама суть наставничества. Это дело чрезвычайно важное ещё и с морально-этической точки зрения. Потому что поддержать молодых людей, а речь, прежде всего, идёт о молодых специалистах, помочь им

сформировать правильное отношение к делу, к профессии, к стране, в конце концов, – в этом основа успеха»⁴.

На этом фоне достаточно контрастно смотрится непоследовательность в правовом регулировании вопросов наставничества в органах внутренних дел. В настоящее время правовую основу института наставничества в органах внутренних дел составляют ст. 24 (Испытание при поступлении на службу в органы внутренних дел) и ст. 30 (Перевод сотрудника органов внутренних дел) Закона о службе. Несомненно, солидным подспорьем к указанному закону должно было стать Положение о наставничестве в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденное приказом МВД России 24 декабря 2008 г. № 1139 (далее – приказ № 1139) [22]. Однако данный документ был отменен приказом МВД России от 28 марта 2017 г. № 155 «О признании утратившими силу нормативных правовых актов МВД России».

Вместе с тем с отменой приказа № 1139, к сожалению, повисли в воздухе правового регулирования такие составляющие института наставничества, как определение термина «наставничество», планирование работы наставника, права наставника и другие вопросы. В этом смысле вполне обоснованно М.В. Дукмановым выдвигается предложение о разработке проекта приказа, детально регламентирующего деятельность МВД России по организации наставничества, в котором можно было бы найти ответы на вышеперечисленные вопросы [6, с. 179].

Однако и это, на наш взгляд, представляется недостаточным для развития института наставничества. Так, например, развитие правового регулирования наставничества в органах внутренних дел должно быть увязано с принятием следующих мер:

- разработка и обновление памятки о выполнении обязанностей наставника;
- написание соответствующего пособия для лиц, в отношении которых осуществляется наставничество;
- организация соответствующих лекций для лиц, впервые поступивших на службу в органы внутренних дел;
- создание интернет-форумов с ответами на часто задаваемые вопросы по тематике наставничества;

⁴ Встреча с участниками Всероссийского форума с Президентом РФ В.В. Путиным от 14.02.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56858> (дата обращения 20.02.2018 г.)

- разработка и апробирование новых инструментов реализации наставничества.

Сегодня все большую актуальность приобретают вопросы повышения эффективности наставничества посредством установления стимулирующих выплат. Так, М.В. Дукманов в упомянутой работе настаивает на расширении практики материального стимулирования наставников за успешную работу по профессиональной адаптации молодых сотрудников [6, с. 152]. Мы разделяем указанную позицию, однако считаем, что реализации указанных предложений будет недостаточно для активизации мотивационной составляющей в отношениях наставничества. Речь идет о возможности разработки такого законодательного механизма в системе регулирования служебных правоотношений в органах внутренних дел, который позволял бы государству взыскать с уволенного сотрудника денежные суммы, выплаченные наставнику в качестве стимулирующих выплат. Данный механизм, например, заложен в трудовом законодательстве, и достаточно давно используется в судебной практике различных компаний⁵.

Так, например, в рамках одного из судебных дел в соответствии с ученическим договором Ж.Е.Н. обязан проработать в ООО «Магма» после окончания обучения 3 года. Между Ж.Е.Н. и ООО «Магма» был заключен трудовой договор о приеме на работу, но Ж.Е.Н. был уволен за прогул на основании п.п. «а» п. 6 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации ранее обусловленного ученическим договором срока.

Суду истцом в подтверждение правомерности взыскания затрат на вознаграждение наставника были представлены следующие документы:

1. Приказ «Об организации обучения на предприятии»: о поручении организовать обучение учеников в количестве 2 человек; назначении наставников по обучению с закреплением за ними по одному ученику; установлении срока обучения; установлении за период обучения ученику заработной платы; присвоении ученикам в случае положительной сдачи экзаменов специальности и выплаты наставникам по обучению вознаграждения в размере 20 % от заработной платы, начисленной им за период обучения.

2. Приказ об утверждении протокола заседания квалификационной комиссии о сдаче Ж.Е.Н. квалификационного экзамена по специальности и присвоении ему квалификации.

⁵ См., например, Кассационное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 12.01.2012 г. по делу № 33-15927/2011.

3. Приказ о назначении к выплате вознаграждения наставнику за обучение ученика Ж.Е.Н.

4. Платежное поручение наставнику Ж.Е.Н.

Судебная коллегия отклонила доводы жалобы о необоснованности взыскания с ответчика затрат на вознаграждение наставника, поскольку истец понес затраты по оплате труда наставника по обучению истца, тогда как факт назначения ответчику наставника, установления ему размера вознаграждения и его выплаты наставнику подтвержден соответствующими приказами работодателя и платежным поручением.

Данная позиция по аналогичным делам была подтверждена также апелляционным определением СК по гражданским делам Самарского областного суда от 11.02.2014 г. по делу № 33-1385/2014, апелляционным определением СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 02.09.2014 г. по делу № 33-11515/2014 и др.

Что касается законодательства о службе в органах внутренних дел, то в Законе о службе заложен механизм взыскания затрат на обучение с сотрудника, расторгшего контракт о службе в органах внутренних дел по отрицательным основаниям. При этом сам порядок возмещения сотрудником органов внутренних дел затрат на обучение в образовательной организации высшего образования или научной организации Министерства внутренних дел Российской Федерации, определяется правилами возмещения сотрудником органов внутренних дел Российской Федерации затрат на обучение в образовательной организации высшего образования или научной организации Министерства внутренних дел Российской Федерации в случае расторжения с ним контракта о прохождении службы в органах внутренних дел Российской Федерации и увольнения со службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 1465 [26]. Разработка аналогичного механизма для взыскания затрат на материальное стимулирование наставника и порядка его применения, по нашему мнению, способна придать дополнительный импульс развитию института наставничества в органах внутренних дел.

Анализ указанных выше проблем, связанных с адаптацией молодых сотрудников, позволяет сформулировать ряд практических рекомендаций по совершенствованию организационных основ, содействующих повышению эффективности адаптационных процессов:

1) активно использовать в профессиональной деятельности психологов в подразделениях по работе с личным составом органов внутренних дел результаты профессионального психологического отбора;

2) уполномоченным руководителям аппаратов по работе с личным составом органов внутренних дел постоянно анализировать не только региональные особенности текучести кадров, но также и (в зависимости от видов подразделений органа внутренних дел особенно) сотрудников до года службы;

3) следует продолжить практику научных исследований по анализу причин увольняемости молодых сотрудников органов внутренних дел. Тем более, что п. 9 (Научное обеспечение работы с кадрами) Руководства по осуществлению научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации, утверждённого приказом МВД России от 1 апреля 2016 г. № 155 «Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации», предусмотрена такая тема научного исследования, как «Проблемы и пути повышения эффективности института наставничества в органах внутренних дел»;

4) важной организационной мерой по развитию адаптации среди молодых сотрудников может стать мероприятие по проведению учебно-методических семинаров на базе соответствующих органов внутренних дел и (или) ведомственных образовательных организаций с привлечением опытных практических работников и профессорско-преподавательского состава;

5) достаточно важной мерой по ранней адаптации курсантов (слушателей) к будущему виду профессиональной деятельности и месту службы может стать практика повседневных стажировок указанных курсантов (слушателей) в территориальных органах внутренних дел МВД России, в соответствии с профилем специализации по принципу суточного дежурства в подразделении;

6) многие компании для вновь принятых сотрудников практикуют так называемые приветственные собрания, на которых руководство поименно приветствует новых членов команды, а также демонстрируется корпоративный фильм. Такая практика, пусть в измененном виде, может быть использована и в органах внутренних дел, богатых своими традициями, а иногда и подвигами опытных сотрудников органов внутренних дел.

Список литературы

1. Агрант Д.Л. Социальная адаптация молодых сотрудников в органах внутренних дел: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2001. – С. 3.
2. Александров Д.А. Теоретические основы изучения профессиональной адаптации сотрудника ОВД // Психодиагностика в правоохранительных органах. – 2013. – № 4 (55). – С. 15.
3. Базаров Т.Ю., Еремин Б.Л. Управление персоналом. – М., 1998. – С. 237.
4. Бычкова А.В. Управление персоналом: учеб. пособие. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2005.
5. Вертягина Е.А. Профессиональная адаптация молодых следователей прокуратуры: автореф. ... канд. психол. наук. – М., 2006.
6. Дукманов М.В. Правовое регулирование и организационное обеспечение адаптации на службе молодых сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – С. 92.
7. Егорова Л.Г. Методические указания по социальной и профессиональной адаптации студентов в техническом вузе. – Казань, 1983.
8. Журавлев А.Л., Ломов Б.В. Психология и управление. – М., 1978.
9. Кибанов А.Я. Основы управления персоналом: учеб. – М.: ИНФРА – М, 2005. – 638 с.
10. Кравцова Ю.А. Организационно-культурная адаптация молодых сотрудников к службе в органах внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2012. – С. 3.
11. Кулик В.В. Как адаптировать новичка // Руководитель строительной организации. – 2011. – № 4.
12. Маслов Е.В. Управление персоналом предприятия. – М., 1999. – С. 169–177.
13. Маюров Н.П. Актуальные вопросы кадровой работы в сфере государственной службы Российской Федерации // Актуальные проблемы совр. социальных и гуманитар. наук: материалы четвертой междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Пермь: Пермск. гос. нац. исслед. ун-т; Учебный центр «Информатика», 2014. – С. 31–38.
14. Маюров Н.П. Институт государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации: теоретико-правовое исследование // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: С.-Петербург. ун-т управления и экономики. – 2015. – С. 242–258.
15. Маюров Н.П., Бантюков И.Б., Ороева О.Д. Институт отбора и приема граждан на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: теоретико-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 318–322.
16. Маюров Н.П., Константинов Г.Л. О правовом статусе сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: теоретико-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 263–270.

17. Маюров Н.П., Ороева О.Д. Теоретико-правовой аспект служебного спора по законодательству о службе в органах внутренних дел Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 1. – С. 145–151.
18. Маюров Н.П., Трофимова Т.А., Маюров П.Н. Новые подходы к повышению качества обучения кадров для правоохранительных органов России // Проблемы и перспективы евразийской экономической интеграции: сб. ст. из материалов Евразийского научного форума 24 нояб. 2016 г. / общ. науч. ред. М.Ю. Спириной. Ч. 2. – СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2016. – С. 225–231.
19. Маюров Н.П. Правовое регулирование политических прав, гарантий и ограничений сотрудников органов внутренних дел // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 356–361.
20. Медведев Г.П., Рубин Б.Г., Колесников Ю.С. Адаптация – важная проблема педагогики высшей школы // Сов. педагогика. – 1969. – № 3.
21. Мельник Ш. Стрессоустойчивость. Как сохранять спокойствие и эффективность в любых ситуациях. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 256 с.
22. Об утверждении Положения об организации наставничества в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД РФ от 24.12.2008 № 1139 (ред. от 06.07.2010): текст приказа официально опубликован не был. – URL: <http://ppt.ru/docs/prikaz/mvd/n-1139-42786>. Утратил силу.
23. Пажильцев И.В. Адаптационные способности и профессиональная деятельность. Актуальные проблемы профессионального отбора в образовательные учреждения МВД России: материалы регион. круглого стола. Санкт-Петербург, 25 февр. 2011 г. / сост.: И.А. Андреева, И.А. Боброва, Н.В. Дементьева. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2011. – С. 96.
24. Петрова А.С., Шелепова М.А. Профессиональная адаптация сотрудников ОВД: понятие и пути совершенствования. – 2011. – № 3.
25. Поршнева А.Г., Румянцева З.П., Саломатин Н.А., Кибанов А.Я. Управление организацией. – М., 1999. – С. 428–445.
26. Собрание законодательства Российской Федерации от 7 янв. 2013 г. – № 1. – Ст. 60; от 5 дек. 2011 г. № 49 (часть I) ст. 7020.
27. Статистические сведения о состоянии кадрового обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации за 2013–2017 гг.: сборники аналитических и информационных материалов. – М.: ДГСК МВД России, 2013–2018 гг.
28. Хлудова О. В. Психологические особенности профессионального роста личности (на примере сотрудников органов внутренних дел): учеб. пособие. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004.
29. Шелепова М.А. Педагогические условия профессиональной адаптации будущих следователей в вузе МВД России: дис... канд. пед. наук. – СПб., 2004. – С. 52–53.

**Административно-правовой механизм
регулирования деятельности полиции
по обеспечению транспортной безопасности**

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся особенностей регулирования деятельности сотрудников полиции по обеспечению транспортной безопасности; акцентируется внимание на необходимости подробного истолкования отдельных положений Федерального закона «О транспортной безопасности» в части возложения на полицию функции оказания содействия подразделениям транспортной безопасности; обращено внимание на необходимость эффективного взаимодействия подразделений транспортной и территориальной полиции.

The article discusses issues related to the peculiarities of the regulation of the activities of police officers in ensuring transport security; focuses on the need for a detailed interpretation of certain provisions of the Federal Law "On Transport Security" in terms of entrusting the police with the function of assisting transport security units; attention was drawn to the need to provide effective interaction between units of the transport and territorial police.

Ключевые слова: транспортная безопасность, органы внутренних дел, механизм административно-правового регулирования, безопасность на объектах транспортной системы.

Key words: transport security, internal affairs bodies, the mechanism of administrative and legal regulation, security at the facilities of the transport system.

Проблемы обеспечения безопасности на объектах транспортной системы в современный период приобретают все большую актуальность в связи с участвовавшими случаями как актов незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса нашей страны, так и техногенных аварий, дорожно-транспортных происшествий, авиакатастроф. Вопросами обеспечения транспортной безопасности занимаются не только органы МВД России на транспорте. В этот процесс самым непосредственным образом вовлечены подразделения федерального государственного транс-

портного надзора, ведомственной охраны, а также сами собственники объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. Их согласованная деятельность, основанная на взаимодействии и взаимопомощи в решении этих вопросов и проблем, составляет, в сущности, административно-правовой механизм обеспечения транспортной безопасности.

Механизм административно-правового регулирования деятельности полиции по обеспечению транспортной безопасности представляет собой систему регулятивных и охранительных предписаний, содержащихся в различных нормативных правовых актах, в той или иной степени регулирующих деятельность органов внутренних дел. Применительно к теме нашего исследования он проявляется в комплексе административно-правовых средств противодействия основным угрозам безопасности населения на транспорте.

Полиция в своей деятельности для обеспечения транспортной безопасности реализует весь комплекс этих средств. К числу особенно важных административно-правовых средств воздействия необходимо отнести убеждение и принуждение. Отсутствие должного применения данных средств ведет к повышению уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств для актов незаконного вмешательства, в частности террористического и экстремистского характера. Так, С.С. Алексеев указывал на три основных стадии процесса правового регулирования. Первая стадия состоит в регулировании общественных отношений, которые нуждаются в правовой оболочке. Вторая стадия заключается в определенных субъективных юридических правах и обязанностях конкретных граждан и представляет собой действие правовых норм, результатом которых является возникновение, изменение либо прекращение правоотношений. Наконец, третья стадия проявляется в практической реализации предоставленных субъективных юридических прав и обязанностей [2]. Вышеуказанные стадии присущи соответственно и механизму административно-правового регулирования.

Одной из основных проблем полиции в деле обеспечения транспортной безопасности является неоднозначность предписаний Федерального закона «О транспортной безопасности», возлагающего на полицию функцию оказания содействия подразделениям транспортной безопасности [7]. Как справедливо отмечают С.М. Зырянов и В.И. Кузнецов, «...внешне это противоречие проявляется в разбалансировке управленческих механизмов: юридическая ответственность за обеспечение транспортной безопасности возлагается законом на владельцев объектов транспортной инфраструкту-

ры и транспортных средств, т. е. частных лиц, они же несут главные материальные затраты по обеспечению безопасности на транспорте; вопросы же обеспечения антитеррористической безопасности отнесены к ведению соответствующих органов управления в сфере транспорта; на профессиональные органы обеспечения безопасности возложена задача оказания содействия частным субъектам» [3].

Между тем в соответствии со ст. 2 Федерального закона «О полиции» к основным направлениям деятельности органов полиции относится обеспечение в общественных местах правопорядка, а значит, обеспечение общественной безопасности, составной частью которой является транспортная безопасность. Кроме того, к компетенции полиции также относится обеспечение безопасности дорожного движения как сегмента транспортной безопасности в широком смысле рассматриваемой категории [6]. Однако Федеральный закон «О транспортной безопасности» транспортную безопасность определяет в узком смысле слова – как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства, и в этом аспекте безопасность дорожного движения не подпадает под легальное понятие транспортной безопасности. Все это порождает множество проблем механизма административно-правового регулирования деятельности полиции по обеспечению транспортной безопасности. Одной из ключевых задач в данном направлении, на наш взгляд, является решение проблемы взаимодействия и компетенции полиции, а также подразделений Министерства транспорта Российской Федерации и наконец самих субъектов, эксплуатирующих транспортные средства и обязанных проводить целый комплекс мероприятий организационного и технического характера, связанных с обеспечением транспортной безопасности.

В свою очередь, А.Н. Александров и А.Г. Тетерюк, исследуя проблему обеспечения полицией транспортной безопасности, отмечают, что «...органы внутренних дел, в том числе и территориальные подразделения органов внутренних дел на транспорте, не следует рассматривать в качестве главных субъектов обеспечения транспортной безопасности и, в первую очередь, по своей юридической природе и социальному назначению» [1]. В широком смысле обеспечение транспортной безопасности – это комплексная специализированная деятельность, которая включает в себя не только защищенность от внешних угроз, в числе которых законодателем определены акты незаконного вмешательства. Но и от внутренних

угроз, которые, в большей части, включают в себя необходимость соблюдения разнообразных технических требований, которые содержатся в регламентах, правилах, инструкциях и т.п. Соответственно, данные нормы обращены напрямую к собственникам, владельцам и работникам транспортной инфраструктуры и транспортных средств. Следовательно, исполнять такие требования способны только специалисты, обладающие специальными навыками и познаниями. Очевидно, что органы полиции не способны проконтролировать и освоить все области профессиональной деятельности, так или иначе связанные с обеспечением транспортной безопасности» [1].

В то же время ряд исследователей проблем транспортной безопасности на железнодорожном транспорте всё же указывают на ведущую роль полиции в механизме её обеспечения [4]. Такой подход вполне логичен. Обусловлено это тем, что в соответствии с п. 3 приказа МВД России от 15 июня 2011 г. № 636 «Об утверждении типового положения о линейном отделе МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте» линейный отдел осуществляет полномочия полиции в области обеспечения защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействия преступности [8]. Кроме того, линейный отдел МВД России на транспорте осуществляет охрану общественного порядка, имущества и обеспечения общественной безопасности на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Сам же административно-правовой контроль на транспорте, осуществляемый транспортной полицией, является одним из основных элементов административно-правового механизма обеспечения транспортной безопасности, поэтому именно транспортная полиция в этом механизме выполняет одну из главных функций.

Исследование административно-правовых средств обеспечения полицией транспортной безопасности невозможно без указания компетенции линейного управления (отдела) на транспорте. Так, в соответствии с п. 12 упомянутого приказа отдел МВД России на транспорте выполняет следующие функции:

- обеспечивает общественный порядок и общественную безопасность на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта;
- принимает участие в профилактике, выявлении и пресечении экстремизма в пределах своей компетенции;
- осуществляет прогнозирование, проводит анализ и изучение состояния, динамики и характера преступности, проблемы охраны правового

порядка и имущества, обеспечения общественной и личной безопасности (в том числе транспортной безопасности), на основе данных показателей принимает активные меры по совершенствованию деятельности в сфере охраны общественного порядка, вносит вышестоящему руководству органов внутренних дел на транспорте предложения по улучшению деятельности, связанной с охраной и защитой прав и интересов личности, общества, государства от общественно опасных, противоправных посягательств;

- принимает активное участие в проводимых иными органами и организациями мероприятиях по противодействию терроризму, в обеспечении режима контртеррористической операции, защиты важных объектов и мест массового пребывания граждан от актов незаконного вмешательства, а также в проведении комплексной экспертной оценки объектов железнодорожного, водного и воздушного транспорта на состояние их антитеррористической защищенности;

- участвует совместно с другими компетентными службами и подразделениями в обеспечении авиационной безопасности в сфере гражданской авиации; выносит соответствующие заключения о возможности допуска к работе сотрудников в службах авиационной безопасности в случаях, если эта работа связана с объектами, представляющими особую опасность для жизни и здоровья граждан либо для окружающей среды;

- принимает участие в исполнении федеральных и региональных программ в сфере охраны общественного порядка и обеспечения транспортной безопасности на объектах транспортного комплекса;

- принимает непосредственное участие в проведении досмотра пассажиров, их багажа и ручной клади на объектах различных видов транспорта, либо осуществляет такой досмотр самостоятельно в целях изъятия запрещенных для перевозки транспортными средствами вещей и предметов и др.

Таким образом, в указанном нормативном правовом акте содержится система административно-правовых средств обеспечения полицией транспортной безопасности. Однако правоприменительной деятельностью только органами транспортной полиции данный механизм далеко не исчерпывается. Немаловажную роль в нем играют территориальные органы Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, следовательно, подразделения транспортной и территориальной полиции должны оказывать им всяческое содействие.

Поскольку именно транспортная полиция играет главную роль в обеспечении транспортной безопасности в поездах дальнего следования и пригородного сообщения, порядок сопровождения нарядами полиции поездов является важнейшим мероприятием, в ходе которого реализуется целый комплекс административно-правовых средств обеспечения безопасности пассажиров на железнодорожном транспорте. Необходимо отметить, что в данном направлении обеспечения транспортной безопасности осуществляется межгосударственное взаимодействие. Так, в целях совершенствования межгосударственного взаимодействия по вопросам обеспечения безопасности граждан и общественного порядка на объектах транспорта, сопровождено 16,9 тыс. поездов дальнего следования и 12,6 тыс. пригородного сообщения с детскими группами, обеспечивших перевозку к местам летнего отдыха более 770,3 тыс. подростков [9]. В течение 2017 г. на объектах транспорта пресечено 5,9 тыс. преступлений экономической направленности, из них 4,6 тыс. – органами внутренних дел, а также 431 налоговое преступление, в том числе 178 – органами внутренних дел. Более 1,1 тыс. преступлений квалифицированы как совершенные в крупном и особо крупном размере либо причинившие крупный ущерб. Органами внутренних дел выявлено 593 таких деяния. Принятые меры позволили в целом обеспечить правопорядок в системе транспортного комплекса Российской Федерации. Всего в прошедшем году раскрыто 24,7 тыс. (+0,6%) криминальных деяний, совершенных в зоне ответственности транспортной полиции, в том числе 5,4 тыс. – тяжких и особо тяжких. Улучшилась раскрываемость по ряду составов преступлений, в том числе умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (до 91,4%), грабежей (до 78,6%), краж грузов (до 72,1%) [9]. За истекший период основными направлениями оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел на транспорте были обеспечение личной и имущественной безопасности граждан, предотвращение актов незаконных вмешательств.

Таким образом, механизм административно-правового регулирования создает форму для наиболее гибкого воздействия на общественные отношения, связанные с обеспечением транспортной безопасности. А значит, эффективное обеспечение транспортной безопасности напрямую связано с совершенствованием норм административного права, закрепляющих как нормативные, так и технические требования обеспечения транспортной безопасности.

Список литературы

1. Александров А.Н., Тетерюк А.Г. Территориальные органы МВД России как субъект обеспечения транспортной безопасности: соотношение объема обязанностей и ответственности: материалы X междунар. науч.-практ. конф. – Белгород, 2016. – С. 47.
2. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – С. 30.
3. Зырянов С.М., Кузнецов В.И. Транспортная безопасность и система субъектов ее обеспечения // Журн. рос. права. – 2012. – № 12. – С. 5.
4. Лыков Э.Н., Колесова Т.С. Особенности охраны общественного порядка и безопасности на объектах железнодорожного транспорта // Национальная ассоциация ученых (НАУ). – 2015. – X. Юридические науки. – С. 140.
5. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. – М., 2004. – С. 250.
6. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
7. О транспортной безопасности: федер. закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 837.
8. Об утверждении Типового положения о линейном отделе Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте (Зарегистрировано в Минюсте России 10.08.2011 № 21590): приказ МВД России от 15.06.2011 № 636 (ред. от 28.03.2018) // Рос. газета. – № 183. – 19.08.2011.
9. Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2017 год. [Электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/godovoy_otchet_2016.pdf.

Применение огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел: проблемы практики и возможные пути ее совершенствования

В статье рассматриваются проблемы, возникающие у сотрудников органов внутренних дел при применении огнестрельного оружия в служебной деятельности при исполнении должностных обязанностей. Акцентируется внимание на возникающие сложности морального характера при наличии различных обстоятельств. Сформулирован ряд выводов о необходимости совершенствования действующего законодательства в части, касающейся оснований применения огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов.

In the article, the authors consider the problems encountered by employees of the internal affairs bodies in the use of firearms in official activities in the performance of official duties; focuses on the emerging complexity of a moral nature in the presence of various circumstances. A number of conclusions were formulated on the need to improve the current legislation regarding the grounds for the use of firearms by law enforcement officers.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, сотрудники полиции, проблемы применения, пути совершенствования.

Key words: firearms, police officers, problems of use, ways of improvement.

Характерными чертами развития современного российского общества являются нестабильность, увеличение количества правонарушений и преступлений, в том числе отличающихся особой агрессивностью и жестокостью и затрагивающих право на жизнь, здоровье и свободу человека.

Главной задачей любого государства, безусловно, является защита граждан, их прав, жизни, здоровья и имущества. Для этого государство имеет в распоряжении широкий арсенал правовых средств. Меры административного пресечения занимают одно из главных мест в системе таких правовых средств. Само же пресечение представляет собой потребность в защите законных интересов граждан, прекращение совершения противо-

правных деяний и ликвидацию подобных угроз. Необходимо отметить, что характер мер пресечения, их масштаб и интенсивность должны отвечать критериям достаточности для выполнения этих целей.

Государство, выполняя закрепленную в Конституции обязанность по защите прав человека и гражданина, наделяет сотрудников правоохранительных органов специальным правом – правом применения огнестрельного оружия. Для того чтобы регламентировать действия сотрудников во время возникновения различных жизненных ситуаций, связанных с риском и опасностью, законодатель предусматривает случаи, при которых разрешается применять огнестрельное оружие с причинением вреда здоровью посягающего или лишением его жизни [4].

В соответствии с действующим законодательством, целью применения огнестрельного оружия является поражение определенного лица или лиц, производимое для достижения цели, определенной конкретным условием применения огнестрельного оружия, соответствующим положениям ст. 23 Федерального закона «О полиции» [6].

Неоднозначность оценки действий сотрудников полиции при применении ими огнестрельного оружия свидетельствует о том, что между нормами права существуют противоречия, следствиями которых является необоснованное привлечение сотрудников полиции к ответственности, не только дисциплинарной, но и к уголовной.

К сожалению, ежегодно при исполнении своих служебных обязанностей гибнут сотрудники полиции. По данным МВД России, в 2010 г. погибло более 400 правоохранителей, в 2011 и 2012 гг. – более 300 полицейских. В последующих годах статистика улучшилась, но количество погибших всё же остаётся достаточно высоким. Фактически, каждый день в нашем государстве гибнет один полицейский, 3–4 полицейских получают травмы и ранения [9]. По большей части гибель и ранения сотрудников происходят во время задержания преступников и отражения нападений, направленных на завладения их табельным огнестрельным оружием.

Таким образом, можно констатировать, что в обществе в целом возникает следующая ситуация: на фоне непрерывного роста количества насильственных преступлений у сотрудников правоохранительных органов нарастает страх применять оружие. Одновременно при росте деяний, связанных с применением насилия в отношении сотрудников органов внутренних дел, оружие для отражения нападения практически ими не применяется.

Необходимо также сказать, что вопрос применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия регулируется и другими отраслями российского законодательства и представляет собой комплекс взаимосвязанных правовых норм, выступающих отражением подавляющего большинства юридически значимых сторон применения данных мер принуждения. Например, в уголовном законодательстве деятельность сотрудника полиции регулируется нормами Уголовного кодекса Российской Федерации о необходимой обороне, крайней необходимости и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление. Следует помнить, что данные уголовно-правовые нормы распространяются и накладывают существенный отпечаток на действия сотрудников органов внутренних дел, связанные с применением физической силы, специальных средств и табельного огнестрельного оружия. Тем не менее, что при применении оружия необходимо учитывать критерий соразмерности вреда, причиняемого правонарушителям. Сотрудники правоохранительных органов освобождаются от ответственности за причинение физического, морального и материального вреда, нанесенного ими в связи с применением специальных мер принуждения в тех случаях, когда не было допущено превышения пределов необходимой обороны, крайней необходимости или превышения мер, необходимых для задержания. Наряду с этим, критерии соизмеримости вреда, причиненного сотрудником полиции правонарушителю, и силы оказываемого противодействия ФЗ «О полиции» не раскрывает.

Поэтому считаем, что проблема применения огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов нуждается в подробном изучении, анализе практики применения, детальной проработке и разъяснении.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим действия сотрудника полиции при применении огнестрельного оружия, является Федеральный закон «О полиции». Оценка действий полицейских следует практически сразу после применения ими огнестрельного оружия и производится в ходе служебной проверки или, что еще хуже, в ходе расследования уголовного дела. Главной задачей служебной проверки является обеспечение правовой защиты сотрудника полиции, применившего оружие при выполнении своих служебных обязанностей. Соблюдая принцип презумпции невиновности, во время проведения таких проверок закон не дает право считать сотрудника виновным в неправомерном применении оружия. Однако на основании складывающейся практики, той точки зрения, которая освещается в СМИ, полицейские часто выступают теми, кто преступает закон.

Не стоит забывать, что эти «ошибки» могут послужить и общему подрыву авторитета как полиции, так и Министерства внутренних дел в целом. Ведь каждый факт необоснованного применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия негативно отражается во всех системах средств массовой информации, что влияет на отношение всего населения страны (общества в целом) к деятельности правоохранительных органов.

По нашему мнению, следует обозначить некоторые причины, влияющие на своевременное и правомерное применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции, в том числе:

- 1) проблема, связанная с уровнем служебной, боевой и физической подготовки сотрудников органов внутренних дел;
- 2) страх сотрудников полиции перед дисциплинарной и, тем более, уголовной ответственностью в результате применения ими огнестрельного оружия;
- 3) чрезмерно подробная регламентация действий сотрудников при применении огнестрельного оружия.

При выполнении своих служебных обязанностей сотрудникам полиции приходится сталкиваться с ситуациями, связанными с оказанием сопротивления со стороны преступников. Успех в таких случаях обусловлен квалификацией полицейского, его готовностью к отражению силового противодействия, психологической устойчивостью и правовой подкованностью. Безопасность сотрудника напрямую зависит от умения грамотно применять на практике различные способы принуждения, связанные с физической силой, специальными средствами, огнестрельным оружием. В этой связи сотрудник органов внутренних дел обязан постоянно совершенствовать свои знания в области права, навыки владения боевыми приемами борьбы, обращения со специальными средствами и с огнестрельным оружием, поддерживать физическую форму.

Порядок организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации утвержден приказом МВД России от 31 марта 2015 г. № 385 [8] и предусматривает, что профессиональная служебная и физическая подготовка осуществляется по месту службы сотрудников в целях совершенствования их профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения служебных обязанностей, в том числе в условиях, связанных с возможным применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

В 2011 г. в связи с переаттестацией сотрудников подразделений полиции многие были уволены из рядов органов внутренних дел. 13 июля 2015 г. президент Российской Федерации В. В. Путин подписал указ о сокращении еще на 110 тыс. человек штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации [1]. По словам министра внутренних дел В. А. Колокольцева: «В территориальных органах МВД на уровне субъектов и подчинённых им учреждениях сокращено 68 тыс. 39 единиц, в том числе 43 тыс. 321 единица в учреждениях вневедомственной охраны полиции» [5].

Теперь остановимся на тех типичных характеристиках, когда в отношении сотрудника применяется именно огнестрельное оружие. К таким характеристикам относят:

- 1) ограниченность времени на извлечение оружия из кобуры и приведение его в готовность;
- 2) трудности при обнажении оружия, которые обусловлены погодными условиями и временем года;
- 3) неприцельная стрельба на коротких дистанциях;
- 4) стрельба в движении и по подвижной цели из различных положений с использованием естественных укрытий;
- 5) стрельба в особых условиях: ночью, против солнца или источника света, сверху вниз или снизу вверх;
- 6) напряженность и страх от возможности причинения вреда прохожим, их имуществу или быть убитым и раненым самому.

Таким образом, в случае ведения огневого контакта с правонарушителем, на сотрудника полиции действуют множество как внутренних (психологических), так и внешних факторов.

Безусловно, без законодательного совершенствования сферы применения полицейскими огнестрельного оружия все предложения как по расширению правомочий, так и их ограничению, не будут создавать необходимого эффекта.

Думается, что в нормах, устанавливающих правомерность причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление либо административное правонарушение, прослеживается «забота» о преступнике, а не о государственном служащем.

Список литературы

1. Владимир Путин подписал указ о сокращении каждого десятого полицейского // Интернет-ресурс. – URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-426811.html.
2. Власть. Российская газета // Интернет-ресурс. – URL: <http://www.rg.ru/2013/10/30/reforma-mvd-site.html>.
3. Депутат Госдумы утверждает, что в 2017 году в МВД может пройти новое сокращение // Интернет-ресурс. – URL: <http://tass.ru/politika/2243688><http://tass.ru/politika/2243688>.
4. Калмыков Г.И. Правовые, организационные и тактические основы применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 21 с.
5. Колокольцев: центральный аппарат МВД России сокращен на 10% // Интернет-ресурс. – URL: <http://tass.ru/politika/2271268><http://tass.ru/politika/2271268>.
6. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
7. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Парламентская газ. – № 52–53. – 02–08.12.2011.
8. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31.03.2015 № 385 (ред. от 26.07.2016) (Зарегистрировано в Минюсте России 12.05.2015 № 37228). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179599/
9. Полицейские России получат специальную боевую подготовку // Интернет-ресурс. – URL: <http://newsland.com/user/4296648054/content/4600120>.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.9

А. В. Мосина

Обзор судебной практики по делам о защите инвалидов в России

Данная статья представляет собой обзор судебной практики по делам о социальной защите инвалидов в России, а именно по нормам, введённым ФЗ-419 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов». Особое внимание уделяется делам по нарушению права маломобильных групп населения на доступную среду. Рассмотрены четыре дела за 2017 г. различных судов: Кировского районного суда города Санкт-Петербурга, Сорочинского районного суда Оренбургской области, Клинского городского суда Московской области, Люберецкого городского суда Московской области. Также обозначены причины принятия того или иного решения по каждому делу и подведены общие итоги.

This article is a review of judicial practice in cases of the social protection of persons with disabilities in Russia, namely according to the norms introduced by Federal Law 419 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Social Protection of Persons with Disabilities in connection with the ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities”. Special attention is paid to cases of violation of the right of limited mobility of the population to an accessible environment. Four cases in 2017 were considered for various courts: the Kirovsky District Court of St. Petersburg, the Sorochinsky District Court of the Orenburg Region, the Klin City Court of the Moscow Region, and the Lyubertsy City Court of the Moscow Region. Also indicated the reasons for the adoption of a decision in each case and summed up the results.

Ключевые слова: ФЗ-419, защита прав инвалидов, доступность среды, судебная практика, решение суда.

Key words: the federal law-419, protection of the rights of persons with disabilities, accessibility of the environment, judicial practice, court decision.

На современном этапе развития общества одной из приоритетных направлений социальной политики является решение проблем инвалидности и инвалидов. В России в настоящий момент количество людей с ограниченными возможностями почти достигает отметки 13 млн чел. [8, с. 110]. Одни из них стали инвалидами вследствие травмы или заболевания, другие были ими от рождения, но все они являются членами общества и имеют равные наряду с другими гражданами права и обязанности.

Как известно, люди с ограниченными возможностями требуют к себе со стороны законодательства особых привилегий и льгот. В России существует обширная нормативно-правовая база, регулирующая социальную защиту прав инвалидов. Основным документом в данной области является Федеральный закон Российской Федерации «О социальной защите инвалидов» [3].

С каждым годом законодательство России совершенствуется и изменяется, в том числе вносятся корректировки в законодательные акты по вопросам социальной защиты инвалидов. Очередным документом, внесшим поправки в действующие положения, стал ФЗ-419 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов» [2].

ФЗ-419 включает в себя 26 статей и вносит корректировки в 25 нормативных правовых актов по вопросам соцзащиты инвалидов и оказания помощи по реализации их общегражданских прав. Как нетрудно догадаться, наибольшим изменениям подвергся именно закон «О социальной защите инвалидов» – поправки были внесены в 20 статей данного закона. Среди основных изменений, можно отметить следующие:

- была введена ст. 3.1 «Недопустимость дискриминации по признаку инвалидности»;
- был создан государственный общероссийский реестр инвалидов, где записываются все имеющиеся сведения о степени, группе инвалидности, курсе реабилитации и т. д. (поправки внесены в ст. 5.1 ФЗ-181);
- описаны требования для осуществления свободного доступа к различным объектам инфраструктуры, культурным объектам, объектам связи и пр. (поправки внесены в ст. 15 ФЗ-181);
- были определены условия для удобного использования услуг лицами с ограниченными возможностями различных приспособлений на вокзалах, в соцучреждениях и пр. (поправки внесены в ст. 15 ФЗ-181) [2, ст. 5].

В целом все мероприятия закона направлены на создание безбарьерной среды для инвалидов и их полноценного участия в жизни общества [1]. За нарушение прав инвалидов предусмотрена как уголовная, так и административная ответственность. Столкнувшийся с нарушением своих прав инвалид может пожаловаться в прокуратуру либо в суд.

Так, например, в Кировский районный суд Санкт-Петербурга 14 февраля 2017 г. обратился Богданов А.В. с иском к ИП Бардину А.А. По его словам, Богданов А.В. намеревался приобрести межкомнатную дверь. Адрес и название магазина не разглашаются [5].

В связи с тем, что вход в помещение не был оборудован для групп данной категории граждан, истец не смог попасть в помещение, поэтому были нарушены не только права потребителя, но и права маломобильных групп населения на доступную среду. В иске истец просил признать действия ответчика незаконными, обязать ответчика создать всем маломобильным группам населения условия для беспрепятственного доступа к объекту в соответствии с действующим законодательством и техническим регламентом, взыскать с ответчика в пользу истца моральный вред в размере 10 тыс. р., судебные издержки на сумму 25 тыс. р., штраф в размере 17 тыс. 500 р.

При принятии решения судья Торопова С.А. руководствовалась различными нормами права, в том числе нормами ст. 3.1 и 15 закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (введённых, как было сказано выше, ст. 5 419-ФЗ). Однако, несмотря на то что согласно данным нормам в Российской Федерации не допускается дискриминация по признаку инвалидности, судья все же принял сторону ответчика и пришел к выводу об отказе в удовлетворении заявленных истцом требований [2, ст. 5].

На такое решение повлиял тот факт, что ИП Бардиным А.А. представлен договор аренды нежилого помещения, использующегося под магазин по продаже дверей, согласно которому, арендатор обязуется не проводить реконструкции помещения, переоборудования сантехники и других капитальных ремонтных работ без согласия арендодателя. Следовательно, ответчик не имел права устанавливать пандусы или иные приспособления для маломобильных групп населения.

Другим примером, когда суд отказал истцу в исполнении требования обеспечить доступность объекта осуществления предпринимательской деятельности для маломобильных потребителей услуг, является дело № 2-927/2017 Сочинского районного суда Оренбургской области [6].

В суд обратилась Валеева Е.В. с иском, в котором просит признать действия ООО МКК «ФЦБ-56» не соответствующими закону в части не-обеспечения беспрепятственного доступа инвалидам как потребителям услуг и требует обязать ответчика обеспечить доступность объекта для маломобильных потребителей услуг и взыскать в пользу Валеевой Е.В. компенсацию морального вреда в размере 10 тыс. р.

Как было сказано выше, суд принял решение оставить без удовлетворения данные требования, основываясь на том, что в настоящее время невозможно обеспечить полную доступность помещения для всех категорий инвалидов без проведения реконструкции. Однако ответчик использовал другой доступный способ обеспечения инвалидов всех категорий предоставляемыми услугами – вход оборудован специальной кнопкой вызова персонала, что подтверждается фотографиями, представленными ответчиком. Такие действия ответчика полностью соответствуют нормам, введённым ст. 5 ФЗ-419 [2].

В то же время из представленных истцом фотографий невозможно установить, имелась ли кнопка вызова персонала на момент осуществления выезда представителя истца на место, так как фотографии сделаны под углом, не захватывающим часть стены перед входом, на которой в настоящее время установлена кнопка вызова персонала.

Аналогичным примером является дело № 2-1720/2017, рассмотренное Клинским городским судом Московской области [4]. В данном случае истец – Михайлова Д. В. обратилась в суд с иском к нотариусу Бондаревой Л. В.

Согласно заявлению, Михайлова Д. В. – маломобильный гражданин, передвигающийся на кресле-коляске, намеревалась купить на объекте товар (работу/услугу), но не смогла из-за того, что вход не приспособлен для передвижения инвалидов-колясочников и других категорий маломобильных граждан: для инвалидов и других групп населения с ограниченными возможностями передвижения (например, людей с нарушением опорно-двигательного аппарата, родителей с детскими колясками и детьми-инвалидами, пожилых лиц и др.).

По результатам обследования вынесено заключение специалиста (ООО «Среда Прав и Обязанностей»), подтверждающее невозможность проникнуть на объект лицам из числа маломобильных групп населения для осуществления права на заключение публичного договора в качестве потребителей. Объект оказался недоступен по причине отсутствия пандуса.

Таким образом, по мнению истца, ответчик нарушил права широкого круга потребителей из числа маломобильных групп населения на доступ-

ную среду на своем объекте, а также принцип равенства всех потребителей между собой на право получения услуг публичного характера.

В данном гражданском иске истец просил суд принять необходимые меры по обеспечению дальнейшего соблюдения ответчиком прав широкого круга потребителей из числа маломобильных групп населения, а именно:

1. Обязать ответчика обеспечить доступность объекта для маломобильных покупателей товаров, работ/услуг в соответствии с требованиями действующего законодательства, а именно: установить пандус; установить кнопку вызова администратора; установить знаковые средства отображения информации для инвалидов.

2. В случае невозможности полного приспособления объекта для нужд маломобильных групп населения, осуществить проектирование в рамках «разумного приспособления».

3. Взыскать с ответчика компенсацию морального вреда (сумма не раскрывается).

Представитель ответчика иск не признал, представил в суд возражения на иск, где указал следующее: «...Истец ссылается на заключение по результатам обследования входной группы, выполненное ООО “Среда Прав и Обязанностей”, однако, согласно выписке из ЕГРЮЛ, данная организация не наделена полномочиями на проведение исследований в области строительства и строительных конструкций. /.../ В нотариальной конторе имеется вход через подъезд жилого дома, на первом этаже которого расположена нотариальная контора, при входе имеется соответствующая кнопка вызова для маломобильных групп граждан, также на лестнице установлен пандус, позволяющий подняться как инвалиду, так и человеку с детской коляской. /.../ Также, в целях доступности нотариальных услуг для инвалидов и маломобильных групп населения предусмотрена выездная форма обслуживания (вне нотариальной конторы) на дому по месту жительства указанной категории лиц, что в полной мере соответствует положениям ст. 15, Федерального закона № 181-ФЗ “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации”.

Суд выезжал по адресу осуществления деятельности нотариуса и на месте осматривал данные входы. Действительно, вход в помещения нотариуса осуществлялся с двух сторон жилого дома: со стороны двора и с внешней стороны дома. Вход со стороны двора расположен на одном уровне с тротуаром и пандус для входа в подъезд не требуется. В подъезде дома расположен пандус для инвалидов-колясочников. Справа от входа в подъезды расположены информационные таблички о работе нотариуса и

указано, что вызов представителя нотариальной конторы для маломобильных граждан – инвалидов-колясочников по домофону 41 или по телефону (номера указаны).

Оценив представленные сторонами и исследованные в судебном заседании доказательства, суд приходит к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения заявленных исковых требований, так как нарушений прав инвалидов судом не установлено.

Несмотря на рассмотренные нами примеры, на практике довольно часто встречаются случаи, когда требования истца-инвалида судом все же удовлетворяются (полностью или частично). Таким примером является решение суда, г. Люберцы по делу №2-2256/17 [7].

Поскачей С.А. обратился в суд с иском к ИП Богодаров В.И. о защите прав потребителя, компенсации морального вреда, штрафа и расходов. По состоянию здоровья он передвигается с помощью кресла-коляски. Согласно заявлению гражданина, он не смог попасть в помещение «Магазин Золота», расположенное по адресу: МО г. Люберцы ул. Смирновская д. 18 Б, для совершения покупок по причине отсутствия пандуса и кнопки вызова администратора.

Истцом был произведен осмотр входной группы помещения на предмет его доступности. Для предоставления услуг по осмотру объекта и подготовки заключения специалиста на предмет доступности помещения для маломобильных групп, истец заключил договор об оказании комплекса услуг, как и в предыдущем примере, с ООО «Среда Прав и Обязанностей».

После осмотра входной группы помещения «Магазин Золота» было установлено, что строительные конструкции не обеспечивают критерии доступности и безопасности общественных зданий для инвалидов и маломобильных групп граждан.

Была составлена претензия к ответчику. Данная претензия содержала просьбу истца об устранении нарушений и предложение решения спора в досудебном порядке, и была вручена ответчику. Ответчиком в добровольном порядке не было удовлетворено требование истца об устранении недостатков и компенсации морального вреда, причиненного бездействием со стороны ответчика.

Рассмотрев все существующие материалы дела, суд принял следующее решение:

1. Обязать ИП Богодаров В.И. по адресу: Московская область, г. Люберцы, ул. Смирновская, д.18Б «Магазин Золота»:

– устранить нарушения, не соответствующие действующим нормативам в строительных Правилах СП 59.13330.2012 «Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения»;

– установить пандус,

– привести в соответствие ширину входной двери,

– установить кнопку вызова администратора,

– установить информационные знаки отображения информации для инвалидов.

2. Взыскать с ИП Богодаров В.И. в пользу Поскачей Сергея Анатольевича компенсацию морального вреда в размере 5 тыс. р.

Таким образом, рассмотрев судебную практику по делам о социальной защите инвалидов в России, а точнее, по нормам, введенным ст. 5 ФЗ-419 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов», мы убедились, что решения суда могут быть разными. В каких-то случаях суд удовлетворяет требования истца (как правило, эти требования включают в себя: обязать ответчика создать всем маломобильным группам населения условия для беспрепятственного доступа к объекту в соответствии с действующим законодательством и техническим регламентом, компенсировать моральный вред, штраф и расходы), в каких-то – нет.

В первом случае основанием для принятия решения служит доказанное нарушение норм законодательства – дискриминация инвалидов, нарушение права маломобильных групп населения на доступную среду.

Во втором случае существуют различные причины, по которым суд может отклонить требования истца. В рассмотренных нами делах такими причинами являлись:

– объект инфраструктуры не находится в собственности ответчика;

– в настоящее время невозможно обеспечить полную доступность помещения для всех категорий инвалидов без проведения реконструкции, но ответчик использовал другой доступный способ обеспечения инвалидов предоставляемыми услугами (например, установил кнопку вызова или оказывает услуги с выездом на дом);

– оборудован отдельный вход для инвалидов и т.д.

Все эти причины полностью соответствуют ст. 5 № 419-ФЗ.

Список литературы

1. 419-ФЗ с изменениями об условиях для инвалидов – Обзор законов РФ <https://210fz.ru/419-fz-o-socialnoj-zashhite-invalidov/> (Дата обращения: 17.11.2018)
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов: федер. закон от 01.12.2014 № 419-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // СПС КонсультантПлюс.
3. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федер. закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СПС КонсультантПлюс.
4. Решение № 2-1720/2017 2-1720/2017~М-1229/2017 М-1229/2017 от 4 сентября 2017 г. по делу № 2-1720/2017 // Интернет-ресурс. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/jiVLqSgfTkxK/> (Дата обращения: 17.11.2018)
5. Решение № 2-3644/2017 2-3644/2017~М-2267/2017 М-2267/2017 от 10 мая 2017 г. по делу № 2-3644/2017 // Интернет-ресурс. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/EIZWNP13VBO/> (Дата обращения: 17.11.2018)
6. Решение № 2-927/2017 2-927/2017~М-858/2017 М-858/2017 от 31 августа 2017 г. по делу № 2-927/2017 // Интернет-ресурс. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ebz6s4771uQT/> (Дата обращения: 17.11.2018)
7. Решение суда МО г. Люберцы – Ассоциация БезБарьерный Альянс [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.безбарьерный.рф/dnevnik-proekta/sudebnauya-praktika> (Дата обращения: 17.11.2018)
8. Яценко В.В., Егурнова М.Ю., Тюрнева М.Э. Актуальные проблемы в защите прав инвалидов на территории Российской Федерации // Эволюция государства и права: история и современность: сб. науч. ст. II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию юрид. фак. Юго-Зап. гос. ун-та. – 2017. – С. 109–111.

Практика применения Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2018)

В данной статье представлены основные этапы формирования современной системы социального обеспечения граждан в Российской Федерации. Рассматриваются положения Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2018), его цели, задачи и практическая значимость. Описаны виды и краткое содержание предоставляемых различным категориям населения социальных услуг. Обозначены права и обязанности получателей и поставщиков социальных услуг.

Представлена информация о проведении ознакомительных и разъясняющих 442-ФЗ и другие нормативные акты о его реализации семинаров и методических занятиях.

This article presents the main stages of the formation of the modern system of social security of citizens in the Russian Federation. The provisions of the Federal Law № 442-ФЗ dated December 28, 2013 “On the basis of social services for citizens in the Russian Federation”, its goals, objectives and practical significance are considered. The types and summary of social services provided to various categories of the population are described. The rights and obligations of recipients and providers of social services are indicated.

Information is provided on conducting fact-finding and explanatory laws № 442 and other regulatory acts on its implementation of seminars and methodological exercises.

Ключевые слова: социальное обслуживание, система социального обслуживания, право социального обеспечения, субъекты социального обслуживания, виды социального обслуживания.

Key words: social service, system of social services, social security law, subjects of social service, kinds of social service.

Социальные услуги в Санкт-Петербурге начали формироваться с 1987 г. Так, было создано отделение социальной помощи пожилым и инвалидам, открылись филиалы центра социальной помощи в Ленинградской области. В 2005 г. опубликовано распоряжение главы администрации Санкт-Петербурга о создании Центра социальной службы населения (далее – Центр). Именно с этой даты началась деятельность Центра, его активная работа по расширению сфер социальной помощи и категорий граждан, получающих эту необходимую помощь. В Центре созданы отделы, которые взаимодействуют с пожилыми людьми, семьями, детьми, детьми-инвалидами и людьми, не имеющими постоянного места жительства.

После утверждения «Концепции развития системы социальной защиты населения Санкт-Петербурга на 2006–2010 годы», в Центральном районе была произведена реорганизация действующей системы обслуживания граждан района.

В 2008 г. отделение помощи женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, было реорганизовано во вновь создаваемый Центр по работе с семьей и детьми. А в 2009 г. Центр сформировал учреждение для социальной реабилитации инвалидов.

Социальные услуги предоставляются Центром в Ленинградской области в различных областях: на дому, срочные, консультативные. Пожилые граждане, проживающие в регионе, получают социальные и реабилитационные услуги, а также работают над организацией досуга. Каждое направление имеет свои особенности и специфику бухгалтерских услуг и обслуживаемых граждан.

С 1 января 2015 г. вступил в силу новый Федеральный закон № 442-ФЗ от 28 декабря 2013 г. «Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 07.03.2018) “Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации” (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2018)». В нем затрагиваются важные аспекты жизни граждан, и для проведения разъяснительной работы по основным положениям данного закона, Центр утвердил план действий, который включает в себя полный объем мер, необходимых мероприятий для реализации закона сотрудниками Центра, получателям социальных услуг, а также населению, потенциальным получателям социальных услуг.

Основными преимуществами вышеуказанного закона являются:

- выбор поставщика социальных услуг (государственных или негосударственных социально ориентированных предприятий);

- широкая информационная открытость поставщиков социальных услуг (наличие сайта со списком услуг, содержащих все необходимые лицензии);
- точное определение обстоятельств, при установлении которых будет установлено, что граждане нуждаются в социальных услугах;
- закрепление принципа осуществления социальных услуг на основе индивидуальных потребностей в социальных услугах;
- социальная поддержка малоимущих, а именно: содействие в оказании медицинской, психолого-педагогической, правовой, социальной и социальной поддержки, межведомственное взаимодействие структур и организаций;
- государственный контроль и надзор в сфере социального обслуживания, расширение понятия общественного контроля (осуществляется гражданами, общественными и другими организациями в соответствии с законодательством РФ о защите прав потребителей).

Федеральный закон № 442 предусматривает переходные моменты, согласно которому перечень социальных услуг не может быть сокращен по сравнению с перечнем, который действовал до вступления в силу закона, а условия их предоставления не могут быть ухудшены по сравнению с условиями, установленными по состоянию на 31 декабря 2014 года.

Целью нового закона является разработка системы социальных услуг для граждан нашей страны, в том числе Ленинградской области, для повышения ее уровня, качества и эффективности.

Социальные услуги делятся на следующие виды:

- социально-бытовые (услуги поддерживающие бюджетную жизнь);
- социальные и медицинские (направлены на поддержание и сохранение здоровья получателей услуг посредством организации ухода, помощи в проведении досуга, систематического наблюдения за получателями услуг для выявления отклонений в состоянии их здоровья);
- социально-психологическое (предусматривают оказание помощи в исправлении психологического состояния получателей услуг для адаптации к социальной среде, включая предоставление психологической помощи анонимно с использованием телефонной линии доверия);
- социально-педагогические (направлены на профилактику с целью предотвращения отклонений в поведении и развитии личности получателей услуг, формирование положительных интересов (в том числе в сфере досуга), организацию их свободного времени, поддержку семьи в воспитании детей);

- социально-трудовые (направлены на оказание помощи в поиске работы и в решении других проблем, связанных с трудовой адаптацией);

- социально-правовые (направлены на оказание помощи в получении юридических услуг, в том числе бесплатно, в защите прав и законных интересов получателей социальных услуг);

- в целях повышения коммуникативного потенциала получателей (услуги в целях повышения коммуникативного потенциала получателей социальных услуг с ограниченными возможностями, в том числе детей-инвалидов);

- срочные социальные услуги (предоставление бесплатного горячего питания или наборов продуктов, предоставление одежды, обуви и других предметов первой необходимости, помощь в получении временного жилья, оказание правовой помощи в защите прав и законных интересов получателей социальных услуг, содействие в получении экстренной психологической помощи с привлечением к этой работе специалистов по психологии и духовенству, и священнослужителей; иные услуги);

- социальное сопровождение (помощь в оказании врачебной, психолого-педагогической, правовой и социальной помощи, не связанной с оказанием социальных услуг, осуществляемыми организациями, оказывающими такую помощь, на основе взаимозависимого сотрудничества).

Права получателей социальных услуг:

- гуманное и уважительное отношение к получателю социальных услуг;

- получение бесплатно в доступной форме информации о своих правах и обязанностях, видах социальных услуг, сроках, порядке и об условиях их предоставления, о тарифах на эти услуги и об их стоимости для получателя социальных услуг, о возможности получения этих услуг бесплатно, а также о поставщиках социальных услуг;

- право выбора поставщика социальных услуг (граждане имеют право на выбор учреждения и формы социального обслуживания в порядке, установленном органами социальной защиты населения субъектов Российской Федерации);

- право отказать в предоставлении услуг;

- право защиты своих прав и интересов;

- участие в подготовке и составлении индивидуальных программ.

Такое участие предполагает индивидуальный подход к созданию получателей необходимых социальных услуг на основе потребности гражданина в социальных услугах. Индивидуальная программа представляет собой до-

кумент, который определяет форму социальных услуг, типы, объем, частоту, условия, условия социальных услуг, список рекомендуемых поставщиков социальных услуг, а также мероприятия по социальной поддержке;

- обеспечение условий пребывания в социальных учреждениях, отвечающих требованиям, и надлежащий уход. Сотрудники соответствующего учреждения должны обеспечивать своим клиентам условия проживания, отвечающие санитарно-гигиеническим требованиям, уход, первичную медико-санитарную помощь и т. д.;

- свободное посещение законными представителями, адвокатами, нотариусами, представителями общественных и иных организаций, священнослужителями, а также родственниками и другими лицами в дневное и вечернее время;

- право на социальную поддержку.

Обязанности поставщиков социальных услуг:

- представители социальных услуг обязаны осуществлять свою деятельность в соответствии с законодательством и договором оказания социальных услуг;

- бесплатно в доступной форме предоставлять получателям информацию об их правах и обязанностях, о видах социальных услуг, сроках, порядке и об условиях их предоставления, о тарифах на эти услуги и об их стоимости или возможности получить их бесплатно;

- использовать индивидуальную информацию в соответствии с действующим законодательством;

- предоставлять уполномоченному органу субъекта Российской Федерации информацию для формирования регистра получателей;

- применять полное социальное сопровождение;

- обеспечивать содействие в прохождении медико-социальной экспертизы получателям социальных услуг;

- предоставлять получателям услуг возможность пользоваться коммуникационными услугами связи, сетью Интернет и почтовыми услугами связи при получении услуг;

- супругам, проживающим в организации социального обслуживания, выделять изолированное жилое помещение для совместного проживания;

- обеспечивать получателям услуг возможность свободно посещать своих законных представителей, адвокатов, нотариусов, представителей общественных и (или) иных организаций, священнослужителей, а также членов семьи и других лиц в течение дня и вечером;

- обеспечивать безопасность личных вещей и ценностей получателей услуг;

- выполнять другие обязанности, связанные с осуществлением прав получателей социальных услуг на социальные услуги.

Получатели социальных услуг обязаны:

- предоставлять в соответствии с нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации сведения и документы, необходимые для предоставления социальных услуг;

- своевременно информировать поставщиков социальных услуг об изменении обстоятельств, обуславливающих потребность в предоставлении социальных услуг;

- соблюдать условия договора о предоставлении социальных услуг, заключенного с поставщиком социальных услуг, в том числе своевременно и в полном объеме оплачивать стоимость предоставленных социальных услуг при их предоставлении за плату или частичную плату.

Поставщики социальных услуг имеют право:

- запрашивать – просить соответствующие государственные органы, а также местные органы власти и получать от этих органов информацию, необходимую для организации социальных услуг;

- отказывать в предоставлении социальных услуг получателю социальных услуг в случае нарушения условий соглашения о предоставлении социальных услуг, заключенного с получателем социальных услуг или его законным представителем, а также в случае, предусмотренном в п. 3 ст. 18 настоящего Федерального закона;

- быть включенным в реестр поставщиков социальных услуг субъекта Российской Федерации;

- получать в течение двух рабочих дней информацию об их включении в список рекомендуемых поставщиков социальных услуг.

Поставщики социальных услуг вправе предоставлять гражданам по их желанию, выраженному в письменной или электронной форме, дополнительные социальные услуги за плату.

Поставщики социальных услуг при оказании социальных услуг не вправе:

- ограничивать права, свободы и законные интересы получателей социальных услуг, в том числе использование лекарственных средств для медицинского использования;

- использовать физическое или психологическое насилие в отношении получателей социальных услуг, разрешать их оскорбление, грубое обращение;

- размещать детей-инвалидов, которые не страдают психическими расстройствами в стационарных социальных службах для детей-инвалидов, страдающих психическими расстройствами, и наоборот.

Во второй половине 2014 г. с сотрудниками Центра по ознакомлению и разъяснению Федерального закона № 442 и другими нормативными актами о его реализации были проведены 24 семинара и методические занятия.

Семинары проводились в несколько этапов: для руководителей отделов; специалистов; социальных работников.

Особое внимание было уделено сравнительному анализу новых, а затем и существующих законов, а также на нововведениях Федерального закона № 442, таких как индивидуальная программа, открытость поставщиков социальных услуг для граждан, определениях, которые используются в новом законе, таких как получатель социальных услуг; поставщик социальных услуг; обстоятельства, которые ухудшают условия жизни граждан и т. д.

Работники социальных служб обязаны проходить курсы повышения квалификации, где должны получать информацию и знания об основных положениях законов, касающихся социального обслуживания, и уметь применять их на практике.

Текст названного закона опубликован на официальном сайте Центра, администрации региона и города Санкт-Петербурга. Соответствующая информация регулярно публиковалась на страницах печатных изданий города и области:

- порядок и условия предоставления социальных услуг с 1 января 2015 г.;

- права и обязанности получателей социальных услуг, поставщиков социальных услуг;

- формы социальных услуг, виды и названия социальных услуг.

Новый федеральный закон также предусматривает создание реестра получателей социальных услуг. С этой целью от имени Министерства труда Ленинградской области и Санкт-Петербурга был составлен «социальный паспорт», содержащий основную информацию о получателе социальных услуг.

Согласно утвержденному Положению комиссия Центра занимается оценкой индивидуальной потребности граждан в социальных услугах, составлением акта оценки потребности граждан в предоставлении социальных услуг, принятием обоснованного решения об установлении формы, видов, условий и продолжительности предоставления социальных услуг, перечня социальных услуг, а также разработкой индивидуальных программ.

Все личные дела получателей социальных услуг приведены в соответствие с Федеральным законом №442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

Список литературы

1. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (постатейный) // СПС Консультант Плюс, 2014.
2. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
3. Муратова Д.А. Минздравсоцразвития России представило проект нового Закона об основах социального обслуживания населения // СПС Консультант Плюс, 2012.
4. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федер. закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ // СЗ РФ. – 30.12.2013. – № 52 (ч. I). – Ст. 7007; 2014, № 30 (Ч. I). – Ст. 4257.
5. Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: федер. закон от 10.12.1995 № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 11.12.1995. – № 50. – Ст. 4872; 2014. – № 30 (Ч. I). – Ст. 4257.
6. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания: приказ Минтруда России от 31.12.2013 № 792 // Бюл. труд. и социального законодательства РФ. – № 3. – 2014.
7. Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 19.06.2012 № 610 // СЗ РФ. – 25.06.2012. – № 26. – Ст. 3528; 2014. – № 36. – Ст. 4868.
8. Об утверждении примерного положения о попечительском совете организации социального обслуживания: приказ Минтруда России от 30.06.2014 № 425н // Рос. газета. – № 186. – 19.08.2014.
9. Об утверждении примерной номенклатуры организаций социального обслуживания: приказ Минтруда России от 17.04.2014 № 258н // Рос. газета. – № 124. – 04.06.2014.
10. Об утверждении Примерных положений о специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации: постановление Правительства РФ от 27.11.2000 № 896 // СЗ РФ. – 04.12.2000. – № 49. – Ст. 4822; 2009. – № 12. – Ст. 1427.
11. Социальное законодательство: науч.-практ. пособие / Е.Г. Азарова, В.Н. Зенков, В.В. Лапаева и отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.Н. Зенков. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2005. – 352 с.
12. Чагин К.Г. Новации федерального законодательства в сфере соцобслуживания // Руководитель бюджетной организации. – 2014. – № 6. – С. 12–21.

Сведения об авторах

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. E-mail: akishin-mo@yandex.ru

Бобракова Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: nv.bobrakova@gmail.com

Боричев Константин Владимирович – аспирант, Институт правоведения и предпринимательства.

Бородушко Ирина Васильевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: bi08@me.com

Бугель Николай Васильевич – доктор юридических наук, профессор, зав. лабораторией по изучению вопросов территориального развития и развития местного самоуправления и развития некоммерческого сектора и социально ориентированных НКО, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: bugel54@mail.ru

Волков Павел Анатольевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин, подполковник полиции, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: pavel77782@inbox.ru

Демченко Николай Викторович – доцент кафедры управления и административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, подполковник полиции, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина. E-mail: Nvdemchenko@yandex.ru

Дербина Анна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. E-mail: adlaw@yandex.ru

Дзагурова Мадина Джабраиловна – кандидат юридических наук, магистр права стран Европейского союза LL.M. (Le Havre/ Hannover). E-mail: dzagurova@mail.ru

Дибиров Абусупян Асилдарович – кандидат экономических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Лужский филиал. E-mail: dibrov.1962@mail.ru

Дмитрикова Екатерина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: e.dmitrikova@spbu.ru

Дорофеева Жанна Павловна – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, майор полиции, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина.

Еремеев Станислав Германович – кандидат политических наук, доктор экономических наук, профессор, ректор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: pushkin@lengu.ru

Капустина Лилия Константиновна – адъюнкт кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России. E-mail: liliakapustina90@gmail.com.

Кокорин Игорь Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: only_igor@mail.ru

Коломейцева Татьяна Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Косарев Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой криминалистики, Высшая школа юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: kos4-s-pb@mail.ru

Кулаков Никита Дмитриевич – студент, Санкт-Петербургский технический колледж управления и коммерции.

Майоров Арсений Валерьевич – кандидат политических наук, директор НОЦ урбанистики и киберантропологии, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: pushkin@lengu.ru

Малинин Василий Борисович – доктор юридических наук, профессор, академик РАМ, академик РОАН, действительный член Петровской академии наук и искусств, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: Malininvasily@mail.ru

Малинина Мария Васильевна – магистрант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Маюров Николай Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный сотрудник МВД России, зав. кафедрой государственного и административного права, Университет при МПА ЕврАзЭС. E-mail: mayurov2010@mail.ru

Маюров Павел Николаевич – аспирант юридического факультета, Университет при МПА ЕврАзЭС.

Минченков Егор Николаевич – лаборант-исследователь НОЦ урбанистики и киберантропологии, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Мосина Анастасия Валерьевна – магистрант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; специалист по социальной работе, Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Колпинского района «Поддержка». E-mail: sweetn89@mail.ru

Орлова Оюна Доржаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры управления персоналом и воспитательной работы, Санкт-Петербургский университет МВД России, подполковник полиции.

Павлик Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: pavlik-mu@mail.ru

Прозванченков Александр Васильевич – старший преподаватель кафедры гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: prozvanchenkov@mail.ru

Свистунова Людмила Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: svistunova-l-77@mail.ru

Смирнова Марина Геннадьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры правоведения, Российский государственный университет правосудия. E-mail: msm777@inbox.ru

Старовойтова Ольга Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: o.starovooytova@rambler.ru

Сухомлинова Людмила Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного права, Государственный морской университет им. адмирала Ф.Ф. Ушакова.

Токтоназарова Чынара Меймановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры менеджмента, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Заполярный филиал. E-mail: chinara076@mail.ru

Трапаидзе Константин Заурович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры правового обеспечения предпринимательской деятельности, Московский государственный институт международных отношений.

Тютяева Олеся Александровна – магистрант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. E-mail: olesya1301@mail.ru

Цалиев Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Северо-Кавказский ГМИ (ГТУ), заслуженный юрист РФ, член Президиума Совета судей РФ, председатель Конституционного суда РСО-Алания в отставке. E-mail: kafedra-pd@skgmi-gtu.ru

Ченцова Марина Михайловна – преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин, подполковник полиции, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина.

Шахбазов Роман Агамедович – кандидат юридических наук, офицер отдела, Главное управление подготовки войск (сил) Росгвардии. E-mail: romanalog@rambler.ru

АВТОРАМ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ

К публикации в Ленинградском юридическом журнале принимаются статьи, отражающие широкий спектр вопросов современной юриспруденции.

Необходимым условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя. Рецензирование поступивших в редакцию материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Материалы, направляемые в редакцию по электронной почте lenjmag@lengu.ru, должны быть представлены тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Фамилия автора помещается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

Ссылки на литературу оформляются постранично, нумерация сквозная.

В конце статьи приводится список литературы (не менее 5–7 позиций).

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить стилистическую и корректорскую правку (не меняющую смысл) авторского текста.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

*196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское ш., 10
тел. 8 (812) 470-56-74, 8 (812) 451-83-49*

Для заметок

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2018
№ 4 (54)

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Е. Ю. Березина*
Оригинал-макет *Е. Ю. Березиной*

Подписано в печать 27.12.2018. Формат 70х90 1/16.
Гарнитура *Times New Roman*. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1511

Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 10